

Информационно–аналитический журнал

с о в р е м е н н ы й
Иран

№19

апрель 2013

Информационно-аналитический журнал
современный
Иран

№ 19
апрель 2013 г.

Свидетельство о регистрации ПИ 1 ФС77-41649
выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций
(Роскомнадзор) 12 августа 2010 г.

Редакционная коллегия

Раджаб Сафаров (Главный редактор)
Александр Проханов
Сергей Бабурин
Дмитрий Рюриков
Виталий Третьяков
Гейдар Джемаль
Максим Шевченко
Игорь Панкратенко (Шеф-редактор)

Адрес редакции

119049, Москва, Коровий вал, д. 7, стр. 1, оф. 6

В издании использованы фотоматериалы
ИТАР-ТАСС, РИА Новости, РИА Иран.ру

Содержание

О возможном визите Алиева в Иран или стратегия регионального торга «по-азербайджански».....7	Нарастание протестных настроений в Ираке <i>Станислав Иванов</i> 56
Возможен ли диалог между США и Ираном? <i>Сергей Василенков</i> 11	Убийство шейха аль-Бути — это истинное лицо сирийской оппозиции <i>Сергей Никитин</i> 59
Сирия может сблизить Турцию и Иран <i>Вячеслав Николаев</i> 14	Турция — Израиль: субподрядчики американского «перезаформирования» <i>Икрам Нур Шабири</i> 65
Салафизм в России и СНГ <i>Антон Евстратов</i> 16	Шахерезада по-Американски или тысяча первая сказка о связях Ирана с Аль-Каидой.....72
Иран как суверенная демократия.....25	Курдский вопрос в Иране <i>Ольга Жигалина</i> 76
Договор о торговле оружием: США хотят вести поставки боевикам без ограничений <i>Елена Свитнева</i> 28	Сможет ли новый премьер Ливана «дружить» и с Ираном, и с сирийской оппозицией? <i>Антон Евстратов</i> 80
Миротворчество по-американски <i>Сергей Никитин</i> 32	Землетрясение силой 7,5 баллов в Иране.....85
Российско-иранские отношения в эпоху Медведева или о том, как Россия Ираном торговала <i>Игорь Панкратенко</i> 36	Иран накануне президентских выборов <i>Елена Дунаева</i> 87
За кулисами «арабской весны»: Турция и новый политический альянс на Ближнем Востоке.....46	Каир-Тегеран: дуэта не будет <i>Игорь Панкратенко</i> 95
Алма-Ата 2.0: Новые предложения Ирана, стриптиз Запада и Гапон из МАГАТЭ.....50	Ближневосточное турне Чака Хейгела: Антииранский альянс сосредотачивается.....103
	К одиннадцатым президентским выборам в Иране.....107

Имплицитное согласие США на удар Израиля по Ирану <i>Арина Макарова</i> 110	Почему Израилю не дали бетонобойные бомбы против Ирана?.....121
Израиль — Иран: война нервов <i>Владимир Сажин</i> 111	Азербайджан друг или враг Ирана? <i>Динара Джалилова</i> 123
Событие в пустыне Табас: поучительный урок в истории вражды США с Исламской революцией.....113	Баку обозначил свои ближневосточные приоритеты без оглядки на Тегеран.....127
Президентские выборы в Иране: Борьба элит вокруг внешнеполитического курса <i>Игорь Панкратенко</i> 115	Перспективы развития ситуации в странах Ближнего Востока до 2020 года <i>Александр Акимов, Виталий Наумкин</i> 129

Краткое содержание

Сложные процессы, происходящие на Ближнем Востоке, вокруг Исламской республики, продолжали оставаться в центре внимания редакции и авторов «Современного Ирана», что и получило свое отражение в очередном, 19-м номере журнала.

В апреле нынешнего года Генеральная ассамблея ООН большинством голосов приняла международный договор, регулирующий продажу оружия в мире (МДТО). Большинство голосов были именно голоса тех стран, которые меньше всего участвуют в купле-продаже оружия, и, естественно, договор не слишком коснется их интересов. Те же страны, которые могут серьезно пострадать из-за вводимых ограничений — либо высказались против договора, либо воздержались. В их числе и Россия. Это свидетельствует о том, что МДТО фактически становится европейской инициативой и решение принимается в основном европейскими странами. Но все же консенсуса не получилось из-за категорических позиций несогласных Ирана, Северной Кореи и Сирии.

Аналізу последствий принятого договора посвящен материал Елены Свитневой «*Договор о торговле оружием: США хотят вести поставки боевикам без ограничений*».

Теракт в мечети аль-Иман на севере Дамаска, в результате которого погибли выдающийся мусульманский ученый Мухаммад Саид Рахман аль-Бути и его внук — это истинное лицо сирийской оппозиции, считает автор одноименного материала *Антон Евстратов*. На протяжении всей своей жизни шейх стоял на страже традиционного суннитского ислама от различных экстремистских группировок, прежде всего, салафитов. Известна критика идей «икон» современного салафизма Насируддина Албани со стороны аль-Бути. Кроме того, перу ученого принадлежит книга «Салафизм — это благословенный временной этап, а не исламский мазхаб». Шейх Саид Рамадан аль-Бути являлся последовательным противником насилия как средства достижения политических целей. Естественно, что такой человек был неугоден оппозиции, а потому — был обречен на гибель от рук террориста-смертника. Сирийские боевики, убившие Саида Рамадана аль-Бути, по-видимому, не считали его, человека, призывавшего к диалогу и взаимопониманию, умеренности и терпению, достойным себя мусульманским лидером. На днях салафитский шейх из Иордании Ясир аль-Адждауни, объявил для восставших против Башара Асада «бойцов» захват и насилия над немусульманскими и несуннитскими женщинами «законной фетвой». И это лучший показатель того, кого сегодня поддерживает Запад в Сирийской Арабской Республике.

Но не только Сирия стала мишенью салафитов и исламских радикалов всех мастей. Гремят взрывы, льется кровь и раздирается на части многострадальный Ирак. О нынешнем противостоянии в этой стране — статья *Станислава Иванова* «*Наращение протестных настроений в Ираке*». Казалось бы, вывод американских войск из Ирака в конце 2011 года должен был способствовать постепенной консолидации иракского общества и нормализации

внутриполитической ситуации в стране. Однако эти ожидания Вашингтона и самих иракцев не оправдались. Раскол иракцев по этно-конфессиональному признаку (арабы-шииты, арабы-сунниты и курды) преодолеть не удалось, террористическая активность вооруженной оппозиции сохранилась, коррумпированность госаппарата стала еще выше, медленно решаются социально-экономические задачи и восстанавливаются инфраструктура, органы правопорядка, системы жизнеобеспечения (водоснабжение, электроэнергетика, жилой сектор и др). Деньги, поступающие от экспорта нефти, расходуются неэффективно и нерационально, часть госбюджета расхищается чиновниками, организованной преступностью, другая — идет на ничем не оправданные новые масштабные закупки вооружений и боевой техники за рубежом, в основном в США.

И в Ираке, и в Сирии на острие террористических атак, за взрывами и диверсиями по большей части оказываются салафиты. Кто это? Каковы истоки их идеологии? Что несет салафизм Ближнему Востоку, России и СНГ? На эти вопросы отвечает в своей статье *«Салафизм в России и СНГ» Антон Евстратов*. «Салафитская идеология, как таковая, — вполне легальна. Она не запрещена в европейских странах, а также в России и Казахстане. А родина салафизма — Саудовская Аравия, распространяет его, в том числе, и через свои официальные структуры» — отмечает автор, — «нетрудно догадаться, какое государство является основным «рассадником» наиболее радикальных исламских идей по всему миру в настоящее время. Благодаря религиозным проповедям, финансовым вливаниям, а порой и военной экспансии салафизм завоевал прочные позиции не только в Саудовской Аравии, но и в соседних с ней государствах — Катаре, Кувейте, ОАЭ, Йемене». Впрочем, не совсем правильно было бы усматривать причины распространения салафизма в России исключительно во влиянии извне. Несомненно, имеются и внутренние факторы, создавшие «благодатную» почву для его распространения. «Что же мы можем получить в перспективе? Салафиты уже ведут настоящую войну против федерального правительства в Дагестане и Ингушетии, имеют сильное подполье в Кабардино-Балкарии и других республиках Северного Кавказа... Более того, в таких регионах, как Дагестан и, в меньшей степени, Башкирия и Татарстан, имеется опасность выхода радикалов в легальное поле, что даст им возможность влиять на политику регионов и открыто строить то, к чему они призывают — исламское государство. Представляется, что говорить о территориальной целостности России в случае реализации данного сценария уже не приходится».

Но не только салафизм служит источником дестабилизации Ближнего Востока. Большое влияние оказывают на развитие событий в регионе и в Исламской Республике Иран межэтнические отношения. *«Курдский вопрос в Иране»* является темой материала известного российского курдоведа *Ольги Жигалиной*, написанной специально для редакции. «Идея о создании «Великого Курдистана» живет не только в умах и сердцах десятков миллионов курдов, но и является важнейшей частью американской доктрины «Большого Ближнего Востока». В реализации этого проекта заинтересованы также Саудовская Аравия и другие монархии Персидского залива, которые хотят быстрого расчленения Ирака, Сирии, Ирана и Турции. Вашингтон активно разыгрывает «курдскую карту» в регионе и намерен использовать курдов как «пятую колонну» для усиления давления на правящие режимы, прежде всего в Сирии и Иране», — пишет автор. Именно поэтому «эт-

нополитические процессы, происходившие в последние годы в курдских ареалах Ирака, Сирии и Турции, являющихся частями бывшей Османской империи, не могли остаться незамеченными и иранским руководством, заботящимся о поступательном развитии своего государства и сохранении его территориальной целостности. Кабинет действующего президента Махмуда Ахмадинежада прилагает значительные усилия к разрешению наиболее острых социально-экономических и политических проблем страны, к числу которых относится и курдский вопрос».

Предстоящие 14 июня нынешнего года президентские выборы в Исламской Республике Иран — событие, к которому приковано пристальное внимание и на Востоке, и на Западе. Как изменится внешнеполитический курс Ирана с приходом новой президентской команды и изменится ли он вообще? Как будут выглядеть ориентиры Исламской Республики на фоне «турбулентности» Большого Ближнего Востока? Чем ответит Иран на разжигаемое извне пламя суннитско-шиитского противостояния? И,

наконец, что принесет новая президентская команда Тегерана в российско-иранские отношения? Вот лишь самый краткий перечень вопросов, на которые информационное агентство «Iran.ru» и редакция журнала попытается ответить в цикле аналитических материалов, посвященных июньским выборам. В 19 номере «Современного Ирана» опубликовано две статьи этого «предвыборного цикла».

«Предстоящие выборы действительно имеют для Ирана чрезвычайное, даже судьбоносное значение. На повестке стоит вопрос выхода из тупика на переговорах по ядерной программе и ослабления, а лучше — отмены, режима санкций. А с этими проблемами связано скорейшее урегулирование отношений с западным миром и, возможно, начало переговоров с США. Важным моментом внешнеполитической деятельности ИРИ будет защита ее интересов на Ближнем и Среднем Востоке, поскольку здесь в последнее время наблюдается усиление негативного восприятия Ирана в свете обострения суннитско-шиитских противоречий. Стране предстоит отстаивать свой дискурс в исламском мире, в котором она стала региональной супердержавой после военного разгрома Ирака и постараться разорвать изоляцию, вызванную целым блоком проблем, — от навязанного ей статуса возмутителя спокойствия до «provokatora» гонки ядерных вооружений», — пишет в статье *«Иран накануне президентских выборов»* ведущий сотрудник Института востоковедения РАН *Елена Дунаева*. Отличие предстоящих выборов от предыдущих, отмечает она, заключается в том, что «в отличие от прошлых десятилетий, когда в ходе выборов позиции каждого из политических лагерей представляла достаточно сильная единая коалиция, на этот раз каждая из вышеупомянутых трех конкурирующих между собой сил представлена несколькими коалициями и множеством кандидатов».

Предвыборная борьба в Иране разворачивается на фоне возрастающей агрессии Израиля, получившего подтверждение того, что США и впредь продолжают считать его своим основным стратегическим партнером на Ближнем Востоке. США намерены и впредь поддерживать технологическое превосходство израильской армии в ближневосточном регионе. Об этом заявил в Тель-Авиве министр обороны США Чак Хейгел. Аналитики сразу же увязали эти слова с другим высказыванием Хейгела — относительно Ирана.

Итоги этого визита и его последствия как для Исламской республики, так и для Ближнего Востока рассматривает в своей статье *«Израиль-Иран: война нервов»* Владимир Сажин. «В ходе визита Хейгела обсуждалась и болезненная для израильтян тема иранской ракетно-ядерной программы. При этом гость из Вашингтона отметил, что США признают за еврейским государством право самому решать, как защититься от иранской угрозы. «Ядерная программа Ирана представляет угрозу, и Израиль сам принимает решение, как ему от нее защититься», — сказал министр». Дотерпят ли «горячие головы» до июньских выборов президента ИРИ, результаты которых, по мнению многих аналитиков, могут сдвинуть с места буксующие переговоры? Это вопрос, на который пока нет ответа. Между тем, как гласит высказывание одного знаменитого русского драматурга, «если в первом акте пьесы на сцене висит ружье, в третьем акте оно должно выстрелить». «Ружье» у Израиля в виде новейших вооружений уже появилось», — констатирует автор.

О возможном визите Алиева в Иран или стратегия регионального торга «по-азербайджански»

Появившаяся информация о возможном визите в ближайшее время президента Азербайджана Ильхама Алиева в Иран породила достаточно много вопросов, надежд и фантазий, что, признаться, вполне объяснимо из-за откровенной напряженности этих отношений. Нет, на официальном уровне с обеих сторон наблюдателей пытаются уверить, что в отноше-

ниях двух стран все идет нормально, трудности, конечно, есть, но они носят временный характер. Но уже на уровне полуофициального высказывания звучат куда как более резко. А на уровне реальных действий спецслужб и военных все вообще выглядит как непрекращающаяся «холодная война».

Может ли визит Алиева положить конец этой враждебности? Никоим образом, потому как в вопросах отношений с Ираном политика Баку определяется не национальными интересами Азербайджана, а той ролью, которую отвели ему другие игроки. Алиев не может перешагнуть границ этой роли и единственное, на что он способен — это повысить свою значимость в глазах Турции, Израиля и США, выторговать признание «особой роли» Азербайджана в регионе, чем, собственно он и намерен заняться в случае, если визит все же состоится.

К такому торгу есть все предпосылки. США откровенно «играли» нынешнюю азербайджанскую политическую элиту, маня ее морковкой «стратегического партнерства», которое, как на полном серьезе считали в Баку, позволит стать Азербайджану региональной «сверхдержавой», без особых проблем решить вопрос «оккупированных территорий» и раздела Каспия в выгодной для Азербайджана конфигурации. Правящая элита Азербайджана полностью приняла тезис о том, что именно Иран, сопротивляясь разделу Каспийского моря, препятствует строительству современной трубопроводной инфраструктуры и разработке энергоресурсов региона с участием международных энергетических компаний. Следовательно, считают в Баку, Тегеран намеренно тормозит развитие Азербайджана и извлечение им сверхприбыли от собственных ресурсов, поскольку Ирану добыча углеводородов на Каспии не так важна, ведь он сам имеет богатые ресурсы нефти и газа на юге и широкий доступ к Персидскому заливу и Аравийскому морю. Кроме того, Азербайджан искренне считает, что Иран «предал» его в нагорно-карабахском конфликте, поправ все нормы «исламской солидарности».

Эти и другие причины привели к тому, что Азербайджан твердо встал на путь именно прозападной ориентации, полностью присоединившись к политике, которую США и Запад проводит в отношении Тегерана.

Вашингтон и их партнеры по антииранской коалиции высоко оценили лояльность Баку. Посол США в Азербайджане Ричард Морнингстар недавно констатировал, что «США удовлетворены и довольны поддержкой Азербайджаном международных санкций против Ирана». В самом Баку утверждают, что «за период многолетних переговоров с МАГАТЭ и «шестеркой» ведущих стран мира Тегерану так и не удалось убедить мировое сообщество в мирном характере своей ядерной программы». Официальные лица в Баку, заявляя о праве Ирана на использование атомной энергии в мирных целях, также неоднократно подчеркивали, что овладение Тегераном ядерного оружия станет серьезной угрозой для безопасности Азербайджана.

Уверенность азербайджанской элиты в том, что США и Израиль видят в Баку «стратегического партнера» и поддерживают его усилия в гонке за региональное доминирование, в немалой степени поддерживаются той огромной помощью, которую и эти страны, и Турция оказывают Баку в милитаризации собственной страны. По данным доклада экспертов SIPRI (Международного института по изучению мира, действующего в Стокгольме), объемы импорта оружия в Восточной Европе в 2003–2012 гг. увеличились на 21%, причем исключительно за счет Азербайджана. «Эта страна за указанный период увеличила объем импорта оружия на 155%», — отмечают аналитики SIPRI. В числе последних закупок Азербайджана — беспилотные летательные аппараты типа Aerostar и Hermes-450. «Наряду с этим, Азербайджан в прошлом году приобрел российские военные вертолеты Ми-24, а также бронемашину Matador и Magauder, которые на основе лицензии, выданной Южной Африкой, были произведены на территории Азербайджана», — говорится в докладе. В докладе отмечается, что Азербайджан за 10 лет значительно продвинулся вперед в мировом списке государств-импортеров оружия, с 48-го места перейдя на 35-ое.

Здесь уместно будет отметить, что разыгранное для публики «потепление» в отношениях между Тель-Авивом и Анкарой мало чем затрагивает Баку. То, что «охлаждение» на самом деле имело место только на публичном уровне, прекрасно демонстрирует ситуация в Азербайджане. Израиль и Турция за все время «охлаждения» прекрасно работали здесь вместе, пусть и в разных сферах, но весьма согласованно. На пике мифического «турецко-израильского противостояния» в Азербайджане действовали 1106 компаний с турецким капиталом, которые инвестировали в экономику страны около \$1,9 миллиардов. И в это же время Израиль заявил о готовности нарастить объемы поставляемых Баку вооружений (включая и самые высокотехнологичные) до 1,6 млрд долларов США своему основному южнокавказскому партнеру.

Но, доказывая лояльность, Баку пошел гораздо дальше простого расширения ВТС. Рассчитывая получить поддержку своих «стратегических партнеров» в силовом решении «вопроса об оккупированных территориях», Азербайджан предоставил Израилю и США собственную территорию под пункты военно-технической разведки против Ирана и сквозь пальцы смотрит на то, как израильская и американская резидентуры ведут с его территории агентурную работу среди иранских азербайджанцев.

Кстати, именно свои тесные связи с иранскими азербайджанцами Баку постоянно выставлял в качестве дополнительного козыря в игре за признание его полноценным стратегическим партнером Запада. Тесные связи официального Баку и Конгресса азербайджанцев мира (КАМ) совершенно очевидны. Так, большинство проведенных в прошлом году перед иранским посольством в Баку акций протеста против политики Тегерана в отношении Азербайджана, а также против усиления сотрудничества Ирана с Арменией, организовывались именно азербайджанским представительством КАМ. Активисты этой организации на последнем заседании 18–19 января во Франкфурте правление КАМ обсуждали вопрос о создании эмиграционного правительства и парламента иранских азербайджанцев, что встретило полное понимание в среде азербайджанских проправительственных политологов: «Тюркским (азербайджанским) общественным организациям в Иране следует консолидироваться, четко обозначить свои политические позиции и мобилизоваться для претворения в жизнь национальных задач накануне войны Запада с Ираном».

Моральной поддержкою и ценными советами дело не ограничилось. Общественные организации в АР пытаются привлечь к оказанию помощи сепаратистски настроенной части иранских азербайджанцев и Турцию. «Резкая активизация политической жизни азербайджанцев в Иране, массовые акции протеста в Тебризе, Ардебиле и других иранских городах с азербайджанским населением привлекают внимание общественных организаций и политиков в Азербайджанской Республике. Однако проблема Южного Азербайджана волнует мало турецких политиков. Турция, как самая крупная и влиятельная тюркская держава, должна так же близко к сердцу принимать беды южных азербайджанцев, как она относится к палестинцам и арабским демократиям», — призывала в Баку председатель Молодежного Движения Единый Азербайджан Ясаман Гарагоюнлу.

Безоблачную картину стремительного рывка Азербайджана к региональному доминированию и решению «вопроса об оккупированных территориях» напрочь смазали два обстоятельства. Во-первых, руководству Ирана в преддверии президентских выборов удалось обеспечить лояльность иранских азербайджанцев. О деталях того, как это произошло — еще не пришло время рассказывать, но, по некоторым сведениям, об этом обстоятельстве Тегеран частично проинформировал Баку 24 февраля нынешнего года, в ходе беседы Ильхама Алиева с секретарем Высшего Совета национальной безопасности Ирана Саидом Джалили, который накануне алма-атинского раунда переговоров с «шестеркой» неожиданно посетил Азербайджан.

Во-вторых, и это, пожалуй, главное, надежды на «стратегическое партнерство» обернулись совсем не так, как это ожидалось в Баку. Официальный Вашингтон четко определил приоритеты в становлении мира и стабильности на Южном Кавказе — урегулирование карабахского конфликта и нормализация армяно-турецких отношений. Логика здесь проста — снять с повестки межгосударственных отношений стран Южного Кавказа и Турции проблемные вопросы. Именно Турция должна стать основным представителем интересов Запада на Южном Кавказе, именно она должна сформировать вокруг себя новый альянс (пока — в составе Тбилиси, Баку и Анкары, но с перспективой вовлечения Еревана).

В идеале это должно привести к созданию западноориентированного альянса на Южном Кавказе, который будет направлен на взаимную экономиче-

скую интеграцию и создание транспортно-энергетического коридора между регионами Каспия и Восточной Европой. И в Ереване, и в Баку, и в Тбилиси, и в Анкаре прекрасно осознают все позитивные перспективы и все плюсы создания такого полностью интегрированного пространства от Каспия до европейских границ Турции.

Это выгодно всем региональным игрокам, за исключением России и Ирана. Но для Азербайджана эта выгода все же меньше, чем он рассчитывал получить. В этом раскладе ни о каком региональном доминировании речь идти не может, о равноправном партнерстве — тоже. Азербайджану отведена роль «младшего партнера», что, естественно, вступает в противоречия с его амбициями.

И в этом случае у Ильхама Алиева не такой уж богатый выбор вариантов того, каким образом можно занять в данном альянсе более выгодное положение. Во-первых, нужно продемонстрировать западным союзникам потенциал Азербайджана как «модератора» в диалоге с Ираном на Южном Кавказе. Во-вторых, нужно усилить антироссийскую составляющую своей внешней политики, продемонстрировав, что и здесь Баку является для Запада серьезным партнером, способным, в случае необходимости противостоять «возрождающейся империалистической политике России на Кавказе», что в переводе на нормальный язык означает заставить Россию смириться с Транскаспийским трубопроводом.

Со вторым, с усилением антироссийской риторики, официальный Азербайджан справляется вполне успешно. Роль же «модератора» в диалоге с Ираном ему еще предстоит освоить, шантажируя, уступая по мелочи, нахваливая себя, клянясь и плутуя, словом — отчаянно торгуясь. Если визит Ильхама Алиева все же состоится (а вероятность такого событий до выборов в Иране стоит рассматривать как 50 на 50), то мы сможем наблюдать дебют Баку в этой роли.

Сергей Василенков

Возможен ли диалог между США и Ираном?

З года назад США в одностороннем порядке разорвали все дипломатические отношения с Ираном. С тех пор страны находятся в жесткой конфронтации по многим ключевым вопросам. Власти Ирана не единожды заявляли о готовности вести переговоры с США на справедливых условиях и взаимном уважении сторон. Однако Вашингтон всегда срывает переговорный процесс.

Иран готов к диалогу

Верховный лидер ИРА аятолла Али Хаменеи выступает за проведение прямых переговоров с Вашингтоном, но сомневается в их продуктивности. До этого в начале февраля Хаменеи говорил, что отказывается от прямых переговоров с американцами по урегулированию ситуации вокруг ядерной программы Ирана. По мнению Хаменеи, целью Вашингтона является не достижение договоренностей с Тегераном, а оказание давления на эту исламскую республику. Иран же хочет во время переговоров убедить партнеров в своем законном праве на мирное использование ядерной энергии и на обогащение урана. В конце февраля этого года в Алма-Ате состоялись переговоры «шестерки» международных посредников (США, Франция, Великобритания, Россия, Германия, Китай) и Ирана. Представители ведущих государств мира представили Тегерану свои обновленные предложения по урегулированию ядерного вопроса, а представители Исламской республики представили свои ответные предложения.

Президент Ирана Махмуд Ахмадинежад не раз подтверждал свою готовность к проведению переговоров с властями США. Главное условие было одно — взаимное уважение друг к другу. Однако конструктивного диалога так и не получалось. «Иран никогда не делал ничего плохого против американского народа, тогда как правительство США постоянно предпринимает какие-то меры против иранского народа. Уже 33 года два мощных государства находятся в конфронтации, но сейчас международные отношения диктуют нам совершенно другие условия. Я убежден, что нынешняя ситуация между Соединенными Штатами и Ираном не может продолжаться, следовательно, ее нужно нормализовать», — подчеркнул президент Ирана.

Однако со стороны США особого желания к ведению диалога не просматривается. Мало того, 6 февраля Соединенные Штаты задействовали очередной транш более жестких санкций против ИРИ, направленных на сокращение доходов Ирана от продажи нефти. Вашингтон сократил список стран, которые могут импортировать иранскую нефть.

История отношений между США и Ираном

Идея прямых переговоров между Тегераном и Вашингтоном стремительно овладевает в последнее время экспертными массами. Кажется, еще немного, и антагонисты все-таки сядут за стол переговоров, что обеспечит прорыв по множеству вопросам. Некоторые эксперты уверены, что эти переговоры просто необходимы Исламской Республике, поскольку от их исхода будет зависеть дальнейшая судьба Ирана. Но, если проанализировать ситуацию беспристрастно, открывается совершенно другая картина...

Но чтобы говорить о будущем, заглянем на минутку в прошлое. Исламская революция в Иране стала настоящим шоком для администрации Джимми Картера. Почти год Белый дом определялся, что ему делать с потерей важнейшего союзника в регионе. Картер распорядился заморозить все активы Ирана в американских банках и ввел эмбарго на иранскую нефть.

20 января 1981 года Иран в знак доброй воли сразу же после назначения президентом Рональда Рейгана передал всех заложников американским властям. Тогда казалось, что этот шаг позволит начать американо-иранский диалог. Однако разумных решений со стороны США не последовало. Даже наоборот, Штаты поддержали Саддама Хуссейна, который развязал ирано-иракскую войну. Целью Белого Дома всегда было стремление вернуть Тегеран в русло политики Вашингтона. Однако Иран не хотел подчиняться, мало того, с подорожанием нефти начал стремительно набирать геополитический и геоэкономический вес. После терактов 11 сентября 2001 года Вашингтон включил Тегеран в «ось зла», недвусмысленно давая понять, что для достижения своих целей не остановятся ни перед чем.

В это время ЦРУ активизировало работу с террористами и сепаратистами в Иране. Основной целью по-прежнему оставалось свержение существующего иранского строя. С приходом в июне 2005 года на первый президентский срок Махмуда Ахмадинежада администрация Буша-младшего начала сколачивать антииранскую коалицию, в основе которой лежала «иранская ядерная угроза». Передача в Совет Безопасности ООН «иранского ядерного досье», продвижение соответствующей резолюции Совбеза, кампания по ужесточению санкций — это официальные инструменты внешнего давления США на Иран.

Но в то же время под лозунгами «нет иранской ядерной угрозе», Штаты совместно с Израилем начали проводить террористические и диверсионные акты в отношении иранских ядерных объектов и атомщиков. Но ничего не вышло. Грянувшая «арабская весна» разрушила привычную политическую карту Ближнего и Среднего Востока. На арену вышли новые сильные игроки. И Иран сейчас как никогда силен, даже несмотря на всевозможные санкции. Чтобы сохранить собственную гегемонию, Вашингтону нужно создать на Востоке новую систему сдержек и противовесов. Но без Ирана сделать это никак не получается.

Конструктивный диалог с Ираном крайне важен для США

США не сможет сохранить свое влияние на Востоке без Ирана. Это понимают все. Рождается вопрос — кому тогда переговоры сейчас нужнее? Ирану, который за 33 года научился выживать и развиваться в неблагоприятных условиях? Либо все-таки США, пытающимся хоть каким-то образом влиять на процессы, происходящие на Востоке? Важность переговоров с Ираном косвенно подтверждает тот факт, что западные СМИ начали упрекать ИРИ в неготовности к переговорам. Они говорят об «иррациональном антиамериканизме» руководства Ирана. Американские медиа утверждают, что администрация США всегда испытывала личную приязнь к Ирану, который в свою очередь создал из США образ «внешнего врага». Как всегда проявляются двойные американские стандарты.

Истинные цели США

Иран никогда не отказывался от диалога с США, только на условии уважительного, равноправного и справедливого отношения к своим интересам. Однако всякий раз был обманут американцами. И этот обман будет вновь и вновь повторяться. Вашингтон просто не готов к серьезным переговорам, его предложения и призывы — обычный дипломатический маневр и желание выиграть время для перегруппировки своих сил в регионе. Заявление Обамы о продолжении диалога с руководством Ирана — всего лишь лукавство. США не хотят урегулировать ирано-американские отношения, у них одна цель, о которой они мечтают три десятилетия, — сменить нынешнее руководство Исламской Республики.

Официально США заявляют, что хотят, чтобы иранское руководство:

Не производило оружие массового поражения;

Не вмешивался во внутренние дела соседних государств;

Не поддерживало террористов;

Предоставило собственному народу право на демократические выборы (разумеется, в американском понимании этого процесса).

Эти вопросы и должны стать предметом переговорного процесса, считает американская сторона.

Однако реальные цели (и реальные шаги) внешней политики США в отношении Ирана сводятся к тому, чтобы:

Создать международную антииранскую коалицию из числа стран, граничащих с Ираном. Окружить Исламскую Республику сетью военных баз;

Уничтожить режим Асада в Сирии, чтобы ослабить влияние Ирана в Ливане;

Жестко противодействовать стремлению Ирана расширить собственное влияние в Персидском заливе;

Максимально ослабить отношения Ирана с Россией и Китаем;

Не допустить иранского лидерства в процессах «исламского возрождения».

А дестабилизация обстановки в самом Иране — это самая главная задача США.

Сегодня не видно доказательств того, что американцы могут отказаться от этих целей. Так какие переговоры в этой ситуации возможны? Вряд ли можно ожидать какого-то существенного прорыва в ирано-американских отношениях.

Вячеслав Николаев

Сирия может сблизить Турцию и Иран

Член турецкого парламента Юсуф Зия Ирбеч призвал в штабквартире Организации Объединенных Наций (ООН) в Нью-Йорке Анкару и Тегеран «предпринять все меры, чтобы достичь успеха в предотвращении распространения религиозной напряженности в регионе».

Это заявление турецкого парламентария нельзя относить к разряду ординарных. Анкара поддерживает сирийскую оппозицию, несмотря на возражения со стороны Ирана. Но в итоге родилась не сирийская «демократия», а еще один — помимо иракского — сирийский «курдский ребенок». Заволновались и курды в Иране. И не только это. Официальная Анкара вынуждена теперь вступить в переговоры уже с лидером Рабочей Партии Курдистана Оджаланом. Именно в такой момент, как пишет издание *Ankara Strateji Enstitusu*, «Вашингтон стал демонстрировать желание избегать применения военной силы на Ближнем Востоке, что уже проявляется в сирийском вопросе, и переориентирует основную область своих главных интересов на Азиатско-Тихоокеанский регион». В этой связи *Ankara Strateji Enstitusu* указывает, что «одними из кандидатов, с которыми Турция могла бы заполнить геополитический вакуум на Ближнем Востоке, являются Иран и Россия». В ситуации практической реализации в этом регионе мира «балканских» сценариев одним из главных сдерживающих факторов может стать альянс Турция-Иран, о чем и говорит турецкий парламентарий Юсуф Зия Ирбеч. Если, конечно, этому не помешают.

Не будем забывать и о том, что в ходе обсуждения стратегической концепции НАТО 2010 года Анкара выступила против предложения Франции включить Иран и Сирию в список конкретных угроз для Североатлантического альянса. Но после этого начался сирийский кризис, в который была активно вовлечена и Турция. Стамбульский научный сотрудник Центра экономики и внешнеполитических исследований Аарон Штейн также напоминает, что не случайно переговоры о размещении на территории Турции американского радара пришлось на момент, когда Анкара предпринимала попытки добиться урегулирования иранского ядерного вопроса политико-дипломатическими средствами. США продавили свое решение. Нет полной ясности и с размещением у границ с Сирией натовской ракетной системы «Патриот», что внесло напряженность в турецко-иранские отношения.

Одновременно на Турцию оказывалось и, видимо, будет оказываться давление с целью заставить ее присоединиться к антииранским экономическим санкциям. К примеру, в январе турецкие власти вынуждены были отказаться от продажи золота Ирану. Но уже в феврале Турция экспортировала в Иран золото на сумму почти 120 миллионов долларов, а Анкара стала более активно осуществлять торговые сделки с Тегераном, особенно в сфере закупки энергоресурсов. Иран — пятый по значимости торговый партнер Турции, а Турция — главный партнер Ирана. В 2012 году их товарооборот составил 21 млрд долларов. 90% этого объема приходится на иранский экспорт энергоносителей. Иран — главный поставщик нефти в Турцию, он обеспечивает 19% ее импорта. В свою очередь Турция поставляет в Иран оборудование, транспортные средства, железо и сталь. Иранцы составляют четвертую по численности группу иностранных туристов в Турции, ежегодно ее посещают около 2 млн иранцев. Для Турции терять это все, получая взамен только приграничные кризисы типа сирийского, не резон. Так что Турция и Иран должны активнее двигаться к тому, чтобы вслед за ласточками в их взаимоотношениях пришла и настоящая весна.

Антон Евстратов

Салафизм в России и СНГ

«Арабская весна», потрясшая основы целого ряда режимов Северной Африки и Ближнего Востока, первоначально виделась, как местной, так и европейской и российской обществу как череда прогрессивных, демократических и светских перемен в «прогнивших» государственных образованиях. Однако на деле она привела к росту влияния религиозных кругов во всех постреволюционных странах — Египте, Тунисе, Ливии. В противостоянии сирийскому президенту Башару Асаду также ведущую роль играют повстанцы, прикрывающиеся религиозными лозунгами. Интересно, что на сцену выходят не просто «религиозные люди», и адепты наиболее радикальных и агрессивных версий ислама. В частности, речь идет о салафизме, который на протяжении многих лет угрожает не только Ближнему Востоку, большей части СНГ и даже Европе.

Салафиты и ваххабиты

Термин салафизм обозначает направление в исламе, которое призывает верующих ориентироваться на пример «праведных предков», «салафов» — то есть сподвижников пророка Мухаммада (сахабов) и их последователей (табиитов). При этом основной особенностью салафитов является крайний буквализм в толковании ими исламских источников — Корана и Сунны (примера пророка Мухаммада). Часто термин салафизм отождествляется с понятием «ваххабизм», от имени саудовского религиозного деятеля 18 столетия Мухаммада ибн Абд аль-Ваххаба, системно сформировавшего салафитскую идеологию и давшего «пример» для действий своих последователей. В вопросах вероубеждения Абд аль-Ваххаб ориентировался на ученого 13-14 вв. Ибн Таймию, который проповедовал буквализм в толковании источников, все новшества, привнесенные в ислам позже третьего поколения последователей пророка Мухаммада считал греховными нововведениями — «бидда», а также настаивал на признании не мусульманами (кафирами) всех, не разделяющих его воззрения.

Мухаммад ибн Абд аль-Ваххаб сформулировал свою идеологию в книге «Китаб ат-Таухид» («Книга Единобожия»). В число запретных практик в нее попали, например, такие традиционные в суннитском исламе обряды, как паломничество к могилам святых, обращение просьб к Аллаху через чье-то посредничество или празднование Мавлида — дня рождения пророка Му-

хаммада. В этом последователи Абд аль-Ваххаба вступили в противоречия с приверженцами суфизма, а также шиитской ветви ислама. И тех и других как сам основоположник ваххабизма, так и его последователи не стеснялись называть «неверными». Подобные воззрения господствуют и в среде современных салафитов. Более того, с их точки зрения запретными считаются любая музыка, театральные представления, некоторые виды спорта и др. С самого возникновения секты Абд аль-Ваххаба ее адепты не останавливались перед проявлениями насилия. К примеру, ими были разорены священные для шиитов иракские города Наджаф и Кербелла, а многие из оставшихся в них женщин и детей — были убиты самыми жестокими способами. Данная «традиция» продолжается салафитами и по настоящее время. Пожалуй, самой «яркой» их организацией, «Аль-Каидой», совершены не виданные ранее террористические акты — разрушение Всемирного торгового центра, взрывы американских посольств в Кении и Танзании, уничтожение тысяч шиитов в Ираке и многие другие.

Салафизм — один из основных факторов ближневосточной политики

Несмотря на подобный «послужной список», салафитская идеология, как таковая, — вполне легальна. Она не запрещена в европейских странах, а также в России и Казахстане. А родина салафизма — Саудовская Аравия, распространяет его, в том числе, и через свои официальные структуры. Именно Мухаммад ибн Сауд, предок современных саудовских королей, стал основным союзником Абд аль-Ваххаба в продвижении его идей на аравийском полуострове, а первый король Саудовской Аравии Абдель Азиз ибн Сауд официально принял воззрения этого проповедника государственной доктриной в 1932 году.

Нетрудно догадаться, какое государство является основным «рассадником» наиболее радикальных исламских идей по всему миру в настоящее время. Благодаря религиозным проповедям, финансовым вливаниям, а порой и военной экспансии салафизм завоевал прочные позиции не только в Саудовской Аравии, но и в соседних с ней государствах — Катаре, Кувейте (где действует несколько «умеренная» его форма — «аль-васатыйа»), ОАЭ, Йемене. Сильны позиции салафитов в Ираке, где они являются основным дестабилизирующим фактором в стране. В Тунисе после «Арабской весны», связанная с салафитами партия «Ан-Нахда» имеет большинство в парламенте. В Египте адепты «возвращения к истокам» — вторая после «Братьев-мусульман» политическая сила в стране (притом что воззрения «Братьев-мусульман» в некоторых вопросах весьма схожи с салафитскими). Авангардом борьбы против законного президента Сирии Башара Асада являются боевики «Джабат аль-Нусра» — одного из ответвлений «Аль-Каиды».

Истоки российского салафизма

Однако только Ближним Востоком сфера деятельности ваххабитов не ограничивается. К сожалению, эти идеи достаточно давно — в середине 80-х гг. прошлого столетия, проникли и в нашу страну, где дали значительные «всходы». Центрами распространения салафитских идей в России стали се-

верокавказские республики (прежде всего, Чечня и Дагестан), Татарстан и Башкирия, а чуть позже — столица страны Москва.

В Дагестане первый ваххабитский джамаат (община) был организован Багаутдином Кебедовым в 1989 году в городе Кизилюрт. Местные сторонники данной идеологии не только участвовали в идеологической борьбе против традиционного суннитского ислама и представителей суфийских тарикатов, но и «засветились» в терактах — например, в 1999 году ими был взорван автомобиль муфтия республики Саидмухаммада Абубакарова, а тот же Кебедов являлся активным участником вторжения чеченских сепаратистов на территорию Дагестана. К сожалению, современная история этой республики переплетена с терактами, провокациями и выступлениями салафитов. Целью их являются как сунниты-традиционалисты, так и шииты (в частности, в 2012 году последние пострадали от терактов в г. Дербент.)

В Чечне ваххабизм стал активно развиваться между двумя войнами — во второй половине 90-х гг. Если сначала светский режим Аслана Масхадова противодействовал его распространению и даже посылал на борьбу с его адептами национальную гвардию, то пришедший на смену Масхадову президент Абдул-Халим Садулаев, сам являлся приверженцем салафитских идей. Он в открытую выражал намерение создать шариатское государство на Северном Кавказе, а также поддерживал «джихад» против «неверных», в качестве которых выступали не только российские солдаты, но и те, кто не разделял воззрений «борцов за чистоту». «Преемник» Садулаева, Доку Умаров, разыскиваемый правоохранительными органами по обвинениям в совершении множества терактов лидер самопровозглашенного «Имарата Кавказ» — открытый сторонник салафии.

Развитие ваххабизма в Татарстане началось в 90-х гг. 20 в. Эта идеология легла там на столь благодатную почву, что, порой, по словам главы Центрального Духовного Управления Мусульман России Талгата Таджутдина, имамам-традиционалистам приходилось едва ли не силой отстаивать свои мечети от «рейдерских захватов» их ваххабитами. В ряде случаев салафитам удалось проникнуть в некоторые официальные религиозные структуры и образовательные центры республики. К примеру, в Набережных Челнах долгие годы действовало медресе «Йолдыз», преподававшее ваххабитскую акыду («вероубеждение»). В настоящее время данное «учебное заведение» закрыто, однако некоторые его выпускники успели «отметиться» в рядах чеченских боевиков, в 1999–2000-м гг. сражавшихся против российской армии. До избрания муфтием Татарстана Ильдуса Фаизова салафиты чувствовали себя на территории республики весьма вольготно, так как предыдущий муфтий Гусман Исаков отказался от строго отрицательной позиции по отношению к ним и их идеологии. Дело дошло до того, что, когда в 2010 году в лесу Нурлатского района была раскрыта попытка создания боевиками-радикалами военно-полевого лагеря, на подобие тех, что ранее во множестве существовали на Северном Кавказе, Исаков не стал жестко осуждать бандитов.

Активная деятельность Фаизова и его сотрудников по девахаббизации Татарстана наткнулись на жесткое противодействие салафитов. Будучи верными себе, они не остановились перед попыткой насильственного устранения ученого. Летом 2012 года в Казани произошла серия терактов, в результате которых Фаизов был тяжело ранен, а его заместитель, Валиулла Якубов —

убит. Если говорить о насилии салафитов по отношению к традиционалистам, то можно отметить, что только за последние 10 лет в России от рук радикалов погибло более 50-ти имамов, муфтиев и религиозных проповедников, отстаивавших традиционный ислам.

Ваххабиты проживали и проживают и в столице России, Москве. Один из самых ярких проповедников данной идеологии, организатор взрыва «Невского экспресса» Саид Бурятский (Александр Тихомиров), проживал в российской столице, где был некоторое время сотрудником издательства «Умма», и только потом ушел «в леса». На салафитских позициях ранее стояло суннитское крыло НОРМ (национальной организации русских мусульман), которое, впрочем, потом перешло на традиционные позиции маликитского масхаба.

Экспорт извне

Стоит отметить, что усилия Саудовской Аравии по распространению салафизма на территории Российской Федерации не вызывают сомнения. И одна из центральных ролей пропаганды этой идеологии отводится именно образованию. В университете Медины на протяжении многих лет проходят подготовку граждане России. Готовятся российские салафиты и в Мекке, а также за пределами Саудовской Аравии — в Кувейте и Катаре. Основной целью работы подобных образовательных центров является подготовка высококвалифицированных ваххабитских проповедников, которые, получив диплом, отправляются «работать» на Родину. Несмотря на то, что, как светскими исламоведами, так и представителями религиозных структур неоднократно отмечались упомянутые «особенности» обучения студентов в Саудовской Аравии и других салафитских центрах, их выпускники нередко занимают посты в муфтиятах России.

Зарубежные «спонсоры» салафизма не ограничиваются обучением «местных кадров». Саудовские эмиссары также действуют на территории России. Значительная идеологическая работа ведется и по линии посольства Саудовской Аравии, расположенного в Москве. В частности, в данном учреждении можно свободно и иногда бесплатно приобрести религиозную литературу, освещающую ислам с салафитских позиций. (Автору данной статьи в свое время удавалось открыто приобретать подобную литературу в посольстве этой страны в Москве)

Стоит отметить, что Саудовская Аравия — не единственный «поставщик ваххабизма» в Россию. Достаточно серьезную роль в экспорте исламского радикализма играет Кувейт. Идеология «Аль-Васатыйа», исповедуемая в эмирате и экспортируемая им и в Россию через специально открытый в Москве Центр, является, по сути, более мягкой формой салафии. В последнее время это все более понимают не только представители духовенства, но и федеральные чиновники, поддерживающие муфтиев, противостоящих кувейтскому влиянию.

Усилия Саудовской Аравии по распространению салафизма на территории Российской Федерации не вызывают сомнения

Необходимо упомянуть и о другом государстве «мягкого ислама», играющем несомненную роль в радикализации мусульман в России — Катаре. Благодаря пропаганде телеканала «Аль-Джазира», выставляющего в героическом свете повстанцев-салафитов, сражавшихся против Муамара Каддафи в Ливии и ведущих борьбу против Башара Асада в Сирии, а также победившие религиозные элементы в Египте и, с некоторыми оговорками, Тунисе. Катар же создает соответствующий информационный фон. Если прибавить к этому проповеди шейха Юсуфа аль-Кардави, в последнее время приобретшие откровенно антироссийскую направленность, нетрудно догадаться, к чему могут привести такие усилия. К слову, книги Кардави (сам он, правда, формально не принадлежит к салафии) имеются на русском языке и свободно продаются даже в обычных книжных магазинах.

Внутренние факторы развития исламского радикализма в России

Впрочем, не совсем правильно было бы усматривать причины распространения салафизма в России исключительно во влиянии извне. Несомненно, имеются и внутренние факторы, создавшие «благодатную» почву для его распространения. К ним относятся, прежде всего, образовательные моменты — большинство мусульман, увлекающихся салафитской идеологией, не имеют достаточного религиозного образования в духе исламского традиционализма, что делает их легкой «добычей» даже для самых неквалифицированных радикальных проповедников.

Стоит отметить, что простота салафитской идеологии и легкость ее восприятия делает «целевой аудиторией» проповедников радикализма и мусульман-неофитов из русских и других немусульманских народов. Часто, только начав изучать ислам, молодые люди оказываются под влиянием именно простых, понятных и доступных салафитских идей.

Кроме того, имеют место социально-экономические факторы. Салафизм распространяется, как правило, среди финансово и социально уязвимых слоев населения на Северном Кавказе и в Поволжье. Некоторый эгалитаризм, содержащийся в данной идеологии (правда, не мешающий саудовским королям и их приближенным коптить миллиарды, а, к примеру, населению Афганистана или Сомали — голодать), не может не привлекать молодых людей, стремящихся найти собственную идентичность, заявить о себе. Зачастую, в некоторых районах Северного Кавказа, вахабитский джамаат имеет для молодого человека очень немного реальных альтернатив.

Очень серьезным фактором является недостаток авторитета традиционного мусульманского духовенства в России. Зачастую муфтии и имамы попросту не имеют рычагов влияния на верующих, являясь не более чем «директорами мечетей» и никак не духовными пастырями, религиозными лидерами и авторитетами. Здесь сыграли роль и противостояние разных религиозных структур, дискредитирующих друг друга, и часто встречающаяся недостаточная грамотность и порядочность в отношении к своим обязанностям со стороны имамов и даже муфтиев. Салафитские проповедники, зная неприглядные факты о представителях того или иного муфтията, легко используют их себе на благо.

«Гости» из Центральной Азии

Необходимо признать, что часто салафитские идеи воспринимаются мигрантами из Центральной Азии, либо приносятся ими прямо «из дома». Там для распространения исламского радикализма зачастую создается еще более благоприятная почва, чем в России. Авторитарные режимы региона не допускают политического плюрализма и любая их альтернатива уходит в иные сферы, в том числе — религиозные. Часто именно религиозные движения (Исламское Движение Узбекистана и др.) становятся основной формой протеста против существующего порядка в странах Центральной Азии. Часто их деятельность принимает нелегальный характер, а правительства центральноазиатских государств ведут в отношении исламских организаций репрессивную политику, что еще более способствует радикализации местных мусульман.

В этих странах, как и на российском Северном Кавказе, очень низкий уровень жизни, молодежь не имеет и зачастую не может получить работы и других социальных гарантий и преференций. Между тем, экстремистские проповедники активно обещают молодым людям благополучие как в этой жизни, так и в жизни будущей. Демонтаж советской системы образования и воспитания подрастающего поколения в купе с активной и успешной деятельностью посольств КСА, Катара и Кувейта, также готовят для разного рода экстремистских движений Центральной Азии необходимых «бойцов».

В Таджикистане первыми салафитами стали ветераны гражданской войны начала 90-х, а также беженцы, жившие в Пакистане. Сейчас многих молодых людей не устраивает традиционный ислам родных кишлаков и, попадая в город, они воспринимают ваххабитские идеи, радикализируются. В 2009 году по информации их собственных представителей, на территории Республики Таджикистан (РТ) проживало не менее 20 тысяч салафитов. Салафийа в Таджикистане ознаменована не только резким противостоянием традиционному суннитскому исламу, но и его шиитской ветви и, как следствие — Ирану и его влиянию. Первоначально правительство Таджикистана весьма лояльно относилось к распространению салафитской идеологии, не усматривая в ней призывов к насилию. Однако уже в начале 2009 года в ситуации «разобрались» — салафизм был признан вне закона Верховным судом страны. Однако арест некоторых ярких фигур данного движения не только лишил его лидеров, но и дал им образ «мучеников» за веру и «героев». К сожалению, не на высоте оказались и правоохранительные органы РТ — правозащитные организации не раз отмечали аресты ими невиновных (неугодных властям) граждан по обвинению в салафизме. Часто данная идеология, запрещенная дома, «процветает» среди таджикских мигрантов в России, «вырвавшихся на свободу».

Разделяют салафитскую идеологию и многие узбекские мигранты, трудящиеся в РФ. Однако в Узбекистане гораздо большее распространение получили другие радикальные движения — «Хизбут-Тахрир» и «Таблиги Джамаат», адепты которых вышли из существовавших в стране с 90-х гг кружков ваххабитов. Члены этих движений не демонстрируют столь мощного радикализма в вопросах исламского вероучения, однако «Хизбут-Тахрир» ратует за создание «всемирного халифата», как единственно законного, с точки зрения ислама, государственного образования. «Таблиги Джамаат» по большей части сосредоточена на пропаганде радикального ислама как среди

мусульман, так и — «неверных». Примечательно, что обе этих организации запрещены на территории России (при том, что их члены в РФ не совершили ни одного преступления), а ваххабитская идеология (буквально залившая страну кровью) не попадает ни под один запрет.

В Кыргызстане первые салафиты появились в конце 90-х и первоначально эта идеология развивалась достаточно слабо. Однако уже к 2009 году, например, по информации главы Государственной комиссии по делам религий число салафитов составило 30% киргизских мусульман. При этом ваххабитские идеи воспринимаются по большей части на севере страны. И если, к примеру, в соседнем Узбекистане против салафитских джамаатов проводятся даже военные операции, то в Кыргызстане отношения к этой идеологии более умеренные. Некоторые радикальные джамааты с киргизского юга нередко переносили свою активность на тот же Узбекистан, куда поступали их листовки и религиозная литература. В последние годы имеет место и преступная деятельность радикалов в самом Кыргызстане, где ими устраиваются взрывы, нападения на сотрудников правоохранительных органов и т. д.

Менее остро стоит проблема салафизма в Казахстане. В начале 2000-х на юге этой страны образовался ряд джамаатов, однако основную угрозу казахские салафиты несли скорее соседнему Узбекистану, где в 2004-м году в Ташкенте устроили ряд терактов. При этом в самом Казахстане салафизм даже не подпадает под запрет, но, однако, Духовное управление мусульман страны настаивает на запрещении данной идеологии. Основными центрами распространения салафизма в РК считаются Мангистауская, Атырауская и Актюбинская области страны. Служба центральных коммуникаций Казахстана приводила данные о 24 радикальных салафитских группировках на его территории.

Экономические проблемы стран региона нередко «поправляются» кредитами в том числе, и из государств, распространяющих салафизм

Необходимо понимать, что недостаточно эффективные меры правительств означенных стран против салафитской угрозы обусловлены не только непониманием ими опасности этого радикального течения, но и уже упомянутым влиянием иностранных дипломатов и зависимостью центральноазиатских стран от «помощи» извне. Экономические проблемы стран региона нередко

«поправляются» кредитами в том числе, и из государств, распространяющих салафизм, — Са, Кувейта и Катара, что заставляет местные правительства «закрывать глаза» на рост их экономического, политического и религиозного влияния в Центральной Азии. Так как основная цель для трудовой миграции из данного региона — Россия, она, страдая от собственного салафизма и других радикальных течений, включается еще и в орбиту влияния центральноазиатских экстремистов.

Перспективы салафизма в России

Что же мы можем получить в перспективе? Салафиты уже ведут настоящую войну против федерального правительства в Дагестане и Ингушетии, имеют сильное подполье в Кабардино-Балкарии и других республиках Северного Кавказа. Их позиции исключительно сильны в Татарстане и Башкирии,

где они даже вели проповедь в некоторых мечетях. Как уже было отмечено выше, имеются салафиты и в Москве. В случае дальнейшего развития данной идеологии в РФ, увеличения числа ее последователей, бюджетов организаций и проповедников — квалификации, нашу страну ждет весьма безрадостное будущее. Теракты, волна которых и сейчас не ослабевает в «проблемных» субъектах федерации и порой перекидывается на относительно спокойные, несомненно, усилятся. Более того, в таких регионах, как Дагестан и, в меньшей степени, Башкирия и Татарстан, имеется опасность выхода радикалов в легальное поле, что даст им возможность влиять на политику регионов и открыто строить то, к чему они призывают — исламское государство. Представляется, что говорить о территориальной целостности России в случае реализации данного сценария уже не приходится.

Салафизм «дотянулся» до Европы

Впрочем, влияние салафитов не ограничивается вышеуказанными странами, а их устремления идут далеко за ее пределы. Так, недавно стало известно о планах Катара по инвестированию 50 миллионов евро в «развитие» французских пригородов. Между тем, известно, что именно окраины крупных городов Франции являются пристанищем для наиболее радикально настроенных мусульманских мигрантов. По мнению целого ряда специалистов, истинная цель эмирата — вовсе не подъем французской экономики и улучшение социального положения жителей бедных кварталов, а распространение в стране салафитской идеологии. Шариат уже вытесняет светские законы из многих французских пригородов, а катарские инвестиции вполне могут обеспечить в этом деле подлинный «прорыв». Государство Катар спонсирует и строительство огромной мечети на итальянском острове Сицилия, которая, как ожидается, станет центром 1,5 миллионной мусульманской общины Италии. Между тем, около 60% итальянских мусульман сочувствуют салафитской идеологии, что дает понимание цели усилий и затрат Дохи.

Окраины крупных городов Франции являются пристанищем для наиболее радикально настроенных мусульманских мигрантов

Необходимые меры

Из приведенных данных можно сделать, пожалуй, один основной вывод: распространению салафизма и его экспорту в России необходимо самым жестким образом противостоять. Методы такого противостояния должны быть разнообразными — подлинного эффекта можно добиться лишь их комплексным применением.

1. Так, ранее в российском обществе поднимался вопрос о запрете идеологии ваххабизма, как таковой. Несмотря на то, что это может испортить отношения нашей страны с Саудовской Аравией, на что указывали противники запрета, данная мера может быть оправданной — хотя бы, учитывая ту политику, которую проводит Эр-Рияд по отношению к российским интересам на Ближнем Востоке и, в частности, в Сирии. Иначе, как враждебной ее

трудно назвать. Поэтому вряд ли кто-то удивился бы запрету салафизма — ваххабизма, радикального и агрессивного течения Россией на собственной территории. Возможно, есть смысл в более пристальной оперативной работе спецслужб по Саудовскому, Катарскому и Кувейтскому направлениям, что помогло бы выявлению радикальных и откровенно опасных элементов.

2. Кроме того, стоит ограничить отправку студентов в образовательные центры указанных стран, так как нередко именно оттуда молодые люди возвращаются с взглядами, значительно противоречащими традиционному исламу, своеобразными «агентами влияния» аравийских монархий, а иной раз по-настоящему завербованными и зомбированными.

3. Важным фактором победы над исламским радикализмом является продуманная социально-экономическая политика в «проблемных» регионах, в частности, республиках Северного Кавказа. Склонные к восприятию салафитских идей люди, прежде всего, молодежь, должны иметь альтернативу, возможность материальной, социальной и духовной самореализации.

4. Однако, прежде всего, необходимо повышать образовательный уровень местных имамов и духовных лидеров, «вычищать» их ряды от откровенно дискредитирующих элементов. Правительство должно оказывать поддержку Совету муфтиев России и другим структурам, проповедующим традиционный ислам, популяризировать их деятельность и усилия. Зачастую, именно минимум информации о традиционных мусульманских организациях является «нужной» интеллектуальной почвой для радикалов и их катарских, саудовских и кувейтских «хозяев». В этой связи следует больше внимания уделять работе со СМИ, которые имеют возможность популяризировать традиционные религиозные воззрения. В этой связи совершенно оправданным выглядит недавнее предложение главы Совета муфтиев России Равиля Гайнутдина о предоставлении мусульманам 15% эфирного времени (пропорционально количеству мусульман в стране) на создающемся Общественном телевидении. Несмотря на негативную реакцию творческой интеллигенции и представителей общественности на данное предложение, оно выглядит значимым и крайне своевременным в деле борьбы с радикальными идеями.

***

Представляется, что на сегодня только СМР сможет, охватывая значительную аудиторию, проповедовать среди мусульман традиционные формы ислама, противодействуя таким образом салафизму, ваххабизму и прочим радикальным течениям. Это — кратчайший путь к повышению того самого низкого уровня религиозного образования, который стал важнейшим фактором, благодатной почвой для «процветания» радикальных идеологий. Пожалуй, самым эффективным средством противодействия салафизму-ваххабизму может стать сильный, идеологически стройный и безупречный, с точки зрения биографий его проповедников, а также поданный соответствующим образом в СМИ традиционный ислам, который в России имеет давнюю и славную историю.

Иран как суверенная демократия

На сегодняшний день у Ирана существует два образа. Одна часть общества воспринимает Иран как замечательную страну, у которой нет никаких проблем, кроме зловредного влияния Запада. Другая же считает, что это ужасное тоталитарное государство, не соблюдающее права человека.

Причем это мнение, преимущественно либералов, подтверждается достаточно большим количеством фактов. Но никто и не спорит, что Иран является тоталитарным государством.

На первый взгляд кажется, что после шахского режима, активно сотрудничавшего с Западом, продвигавшего либеральные ценности, эта страна скатилась в Средневековье и живет в нем уже на протяжении 30 лет. Но обратим внимание: Иран весьма успешно существует, несмотря на санкции, внешнее давление, которое с каждым годом только усиливается. Почему же, собственно, эта страна до сих пор существует, почему не происходит серьезных внутренних волнений, которые закончились бы сменой власти?

Не стоит считать Иран страной средневековой

В настоящее время в Иране проживает почти 70 миллионов человек, лишь 51% которых составляют персы, 24% — азербайджанцы. Затем идут курды, луры, арабы и так далее. При этом на фарси говорит лишь 58% населения. Эта сводка уже свидетельствует о том, что страна полиэтнична, и межэтнические проблемы должны играть огромную роль.

По национальной структуре Иран чем-то схож с Советским Союзом, где население, родным языком которого был русский, составляло примерно такой же процент. И перед Ираном, как и перед Советским Союзом в свое время, стояла и стоит проблема формирования гражданской нации — то есть объединения народов на каких-то принципах. Но важно то, что в Иране 98% населения составляют мусульмане. Причем шиитами являются около 90% граждан.

Не стоит считать Иран страной средневековой. Если посмотреть на развитие идеологии этой страны, то мы увидим, что светский национализм и национально-освободительное движение появляются в Иране в XIX веке. Естественно, эти идеологии заимствуются из стран Запада, где они разрабатывались с конца XVIII века. К концу XIX века слово «родина», заимствованное из арабского языка, ранее означавшее место происхождения человека, приобретает иное значение — большой родины, самой страны. К концу XIX — началу XX века Иран стал ареной влияния великих держав, и проникновение иностранного капитала, безусловно, отражалось на внутреннем положении страны. Совершенно естественно, что борьба против засилья иностранного капитала становится основой борьбы против шахской власти.

В то же самое время, когда в Российской империи происходили волнения, вылившиеся в итоге в Первую русскую и Февральскую революции, сходные процессы начались и в Иране. Результат этих волнений, как ни странно, был значительно больше, чем в России 1905–1937 годов. В Иране в результате Иранской революции 1906 года созывается парламент, и 30 декабря 1906 года утверждается Конституция Ирана, которая действовала до 1979 года. И даже сейчас в современной идеологии Конституция является не противопоставлением прежней Конституции 1906 года, а ее продолжением.

При этом та Конституция была достаточно прогрессивной, она была написана на основе европейских конституций — Франции и Бельгии. Изначально в ней не было статьи, утверждающей приоритет какой-либо религии. Но шиитское духовенство было в Иране традиционно сильно, оно участвовало в революции, лоббировало свои интересы, вносило поправки. И в 1907 году в Конституции был утвержден официальный статус шиизма, а остальные религии были поражены в правах, в зависимости от исповедуемого культа. Основные религии были представлены в парламенте через квоты.

В Иране система выборов была демократичнее российской

Женщины получили право голосовать только в 1963 году, а вот всеобщее избирательное право в отношении мужчин было провозглашено именно в первой Конституции, однако было ограничено имущественным цензом, в принципе, достаточно большим. Ну и плюс голосовать имели право люди, достигшие 25-летнего возраста, которые не были военными и не имели криминального прошлого. Система выборов была сложной, так же, как и сейчас. Имелись также некие квоты на избираемых.

Если мы сравним, что было утверждено в Российской империи после 17 октября 1905 года, и то, что было утверждено в Иране в 1906 году, то с удивлением обнаружим, что в Иране система была демократичнее. Если вы помните, у нас были большие проблемы с представительством крестьян. И чем дальше от Манифеста 17 октября, тем больше эти проблемы и проявлялись. Бесстыжий избирательный закон, который подписал Николай II, обеспечивал 25 тысячам дворянских семей больше представительств в парламенте, чем, собственно, 25 миллионам семей крестьянских.

Шиитскому духовенству не удалось продвинуться дальше утверждения своих концепций. Уже тогда духовенство вынуждено было встроиться в светский национально-освободительный дискурс. При этом концепт национального присутствовал даже в названиях новых органов, которые утверждались после революции 1906 года: Национальный банк, Национальный парламент... И религиозные лидеры действовали в этом концепте. Они пытались, и, надо признать, у них это вышло, заслужить репутацию стойких патриотов, которые поддерживают парламент. Причем уже тогда консолидация общества в Иране происходила не только сверху, но и снизу.

Вы знаете, что у нас снизу организовывались советы, в Иране происходили похожие процессы. В ходе выборов в Тебризе в 1906 году возник первый комитет наблюдателей, который следил за объективным ходом голосования и подсчетом голосов. Интересно, что после выборов эти люди никуда не

делись. Комитеты продолжили существование уже в качестве постоянных органов. И после первого роспуска парламента именно эти комитеты встали на его защиту уже с оружием в руках.

Ссора шаха с шиитским духовенством была окончательной и бесповоротной

В то же время у страны были огромные внешнеполитические проблемы, и шах, пытаясь сохранить свою власть, пошел на соглашение с Англией и Россией. В 1907 году Иран был разделен на территории британского и русского влияния, а в 1908 году осуществил разгон парламента.

И тогда народное движение смещается в Иранский Азербайджан, где в 1908–1909 годах происходит Тебризское восстание.

Интересно, что роль религиозного фактора была тогда сравнительно небольшой. Несмотря на то что восстание происходило в Иранском Азербайджане, этнонациональный момент не играл тогда никакой роли. Это была борьба за демократию, борьба за права обездоленных.

Далее, когда в России уже случилась Октябрьская революция, в Иране происходило подавление шахом народных движений с помощью британских сил. И по договору 9 августа 1919 года фактически финансы Ирана, его таможенные сборы реорганизируются в пользу Великобритании. Страна уже по своему статусу становится колонией. Это вызывает новую волну возмущения. Начинается восстание, появляется Реза-хан Пехлеви, в 1925 году он провозглашается новым шахом, став основателем династии Пехлеви.

Впоследствии со стороны этой династии происходят попытки утвердить национальное единство страны как светской и буржуазной. И эти попытки, надо сказать, на протяжении всего времени сопровождались грубым наступлением на национальные, религиозные традиции и вызвали, прежде всего, противодействие шиитского духовенства.

В 1935 году шах устанавливает форму одежды населения и запрещает традиционную одежду. В частности, он требует от мужчин носить широкополые шляпы по европейскому образцу, требует от женщин снять хиджабы. Женщина допускается до университетского образования. С одной стороны, это действительно прогрессивные моменты. Но дело в том, что население к этому морально не было готово. Тот же указ относительно широкополых шляп вызвал массу возмущений, поскольку в них неудобно делать земной поклон. Официальным языком был фарси, на других языках было запрещено преподавать в школе, запрещено издавать учебники, радиостанции не могли вести вещание на этих языках. А я напомним, что на фарси говорит всего лишь чуть больше половины населения. Интересы остальных были ущемлены.

В результате всего этого ссора шаха с шиитским духовенством была окончательной и бесповоротной. Зато династия такими действиями привлекла на свою сторону буржуазную интеллигенцию.

Идея строительства национального государства выглядела очень красиво с точки зрения встраиваемости в светский национализм Европы, но попытка не могла быть успешной на территории Ирана, страны с еще полуфеодальной структурой. И сами попытки жесткого насаждения этой идеологии не принесли ничего хорошего для династии Пехлеви.

Елена Свитнева

Договор о торговле оружием: США хотят вести поставки боевикам без ограничений

Иран, КНДР и Сирия выступили против принятия международного договора о торговле оружием. По их мнению, этот договор не запрещает поставки оружия тем, кто использует его для агрессии, и не закрепляет право государств закупать обычные вооружения для защиты их территориальной целостности.

На этой неделе Генеральная ассамблея ООН большинством голосов приняла международный договор, регулирующий продажу оружия в мире (МДТО). Большинство голосов были именно голоса тех стран, которые меньше всего участвуют в купле-продаже оружия, и, естественно, договор не слишком коснется их интересов. Те же страны, которые могут серьезно пострадать из-за вводимых ограничений — либо высказались против договора, либо воздержались. В их числе и Россия. Договор призван обеспечить всеобъемлющий контроль над сделками с обычным вооружением, а не массового поражения, химического или биологического — договор коснется стрелкового оружия, танков и истребителей. Было несложно заметить, что в вопросе договора наблюдался явный «географический перевес» в сторону Евросоюза. Это свидетельствует о том, что МДТО фактически становится европейской инициативой и решение принимается в основном европейскими странами. Но все же консенсуса не получилось из-за категорических позиций несогласных Ирана, Северной Кореи и Сирии.

«К сожалению, наши национальные интересы не приняли во внимание», — заявил сирийский посол Башар Джаафари.

Борьба за торговлю оружием началась не сейчас, еще в 70-е годы прошлого века США пытались по своим меркам упорядочить рынок оружия, но мир тогда был во власти Холодной войны. Советский Союз и США проводили переговоры о разделе мирового рынка оружия, но попытка не удалась. Затем США настояли на том, чтобы страны НАТО создали координирующий комитет ведущих западных стран в области контроля над экспортом стратегической продукции в социалистические страны (КОКОМ), цель комитета была простой — не допустить, чтобы западные технологии вооружения попали в руки Восточного блока. Затем еще один договор был подписан в 1991 году пятью ведущими государствами, в том числе и Россией. Договор «Руководящие принципы поставок обычных вооружений» ограничивал

определенные поставки оружия. Сейчас документов, регламентирующих поставки оружия, около 300-т, но все же ООН никак не может отказаться от договора, голосование по которому прошло на этой неделе.

История самого договора довольно любопытна: в 1997 году с инициативой выступила группа нобелевских лауреатов, среди которых были Далай Лама, президент Коста Рики Оскар Ариас и президент Польши Лех Валенса, а также ряд неправительственных организаций. Все они выступили инициаторами международной кампании по недопущению поставок оружия недемократическим режимам, в «горячие точки» и за принятие глобального Arms Trade Treaty (Международного договора о торговле оружием). В основе инициативы были только благие, конечно же, намерения, ведь кому как не нобелевским лауреатам дано понимать, каким странам нужно поставлять оружие, а каким — не стоит. Зная политику нобелевского комитета, в России хорошо отдают себе отчет в том, что премию получают люди правильно ориентированные с точки зрения запада. Но тогда идея показалась слишком идиллической — в конце 90-х годов США еще не научились использовать тему прав человека в своих политических задачах. Но теперь, когда на западе с выгодой для себя научились этот термин применять (о правах человека говорят всерьез и на высших уровнях, причем всегда используя эти «права» в своем узком понимании), он стал основой для нового договора, от которого в итоге вновь пострадают страны, в которых слишком мало американской демократии и слишком много нефти.

Активные обсуждения договора велись с 2010 по 2012 годы, впервые голосование прошло в 2006–2007 году. Примечательно, что воздержались тогда страны, составляющие половину импорта оружия в мире: Египет, Израиль, Индия, Ирак, Иран, Йемен, Китай, Кувейт, Ливия, ОАЭ, Оман, Пакистан и Саудовская Аравия. Тогда только 154 государства высказались в поддержку договора. Россия при голосовании воздержалась и в прошлый раз. Но договор поддержали все бывшие республики СССР, кроме Узбекистана и Туркмении.

Эксперты в нашей стране отмечают, что договор, в принципе, полезен в теоретическом плане, но требует больших доработок даже сейчас. Так, первый вице-президент Академии геополитических проблем Константин Сивков заявил в беседе с Накануне.RU: «В принципе, это нужный договор. Регламентировать торговлю оружием на международном уровне каким-то образом необходимо. Однако, надо понять простую вещь: в той форме, в которой он сейчас сделан — это дискриминационная форма».

Дискриминационная суть договора проявляется в том, что он дает возможность объявить в нарушении прав человека отдельные страны и только на этом основании блокировать поставку вооружения и военной техники. Но при этом, отмечает эксперт, в договоре не предусмотрены эффективные меры против проникновения вооружения в ряды террористических организаций. Выражая оптимистический взгляд на вещи, Сивков предполагает, что договор будет переделан и дискриминационные моменты будут устра-

Зная политику нобелевского комитета, в России хорошо отдают себе отчет в том, что премию получают люди правильно ориентированные с точки зрения запада

нены. А пока не стоит обращать внимание на громогласные заявления, что доклад якобы принят большинством. Все же для принятия такого договора необходим консенсус, то есть все остальные государства тоже должны проголосовать «за». Но смогут ли голосовать «за» другие государства, учитывая, что их интересы напрямую связаны с пунктами в договоре?

Так, позиция Ирана и Сирии более чем объяснима, именно тем, что Запад активно поставляет оружие сирийским повстанцам, боевикам, и то, что этот момент в договоре никак не учтен, беспокоит и российскую сторону. Представители России в ООН отметили, что в документе нет положения о запрете на передачу оружия тем, кто не имеет полномочий от властей государства. А это означает, что договор вводит контроль и ограничение для России, как для одного из самых крупных импортеров оружия, в том числе Россия активно сотрудничает с властями в Сирии, а вот США, которые на государственном уровне производят поддержку повстанцам — от договора не пострадают.

Адждар Куртов, эксперт Российского института стратегических исследований, объяснил свою позицию в разговоре с корреспондентом Накануне.RU: «Наблюдая за тем, как развивается международная политика, видно, что наши геополитические конкуренты, прежде всего США, и страны, входящие в Североатлантический альянс, очень удачно и цинично используют тезис о том, что нужно обуздать поставки оружия в конфликтные зоны и под этим исключительно понимают почему-то поставки российского, китайского оружия в те конфликтные зоны, которые они же сами и создают».

Куртов называет ярчайшим примером тому — Сирию. Действительно, ведь именно на фоне событий в Сирии голосование и проходит, скорее всего, это не случайность. Так, представители государственного департамента США заявляют, что они будут поставлять оружие сирийской оппозиции и одновременно с этим постоянно вбрасывают в СМИ тезисы о том, что кровавый конфликт в Сирии — это якобы следствие российских поставок вооружения нелегитимному режиму сирийского руководства Башара Асада, считает эксперт.

«США и их союзники доминируют в ООН, это видно по составу совета безопасности, это видно по тому, как организуются голосования в Генеральной ассамблее»

«США и их союзники доминируют в ООН, это видно по составу совета безопасности, это видно по тому, как организуются голосования в Генеральной ассамблее. Есть круг государств не очень богатых, дипломатов, которых можно подкупить, тут нет уже какой-то большой тайны, — продолжает Адждар Куртов, — тем более что за последнее время были опубликованы массы материалов, говорящие вообще о том, что правительство США

очень цинично относится к ООН, и давали распоряжения о том, чтобы прослушивать разговоры Генерального секретаря ООН — это тоже стало достоянием общественности. Американцы, как я понимаю, надеются, что новый договор будет направлен, прежде всего, на то, чтобы создать дополнительные препятствия для подобного рода поставок для вооружения России государствам, которые сохраняют с Россией какие-либо политические, экономические военно-стратегические отношения. Это может стать такой дополнительной «дубинкой», которая одновременно с прямым вмешатель-

ством в виде отправки вооружения в конфликтные районы мира будет позволять добиваться все той же цели».

Эксперты сходятся во мнении, что главной целью для американцев остается свержение «неугодных» режимов. Договор поможет изолировать официальные власти в странах с такими режимами, будут уменьшаться их ресурсы выживания — у них не будет оружия, запчастей, боеприпасов. Куртов отмечает, что при этом воевать им придется с людьми, которые недостатка в вооружении не испытывают. И именно США будут решать, кому оружие давать, но «по-тихому», а кому запретить, и далеко не все государства современного мира видят в этом скрытую угрозу.

В Соединенных Штатах представители оружейного лобби уже заявили, что если договор все же вступит в силу, ратифицировать его в Америке они не дадут, тем более, интересно будет, если ООН вдруг решит пойти навстречу требованиям «несогласных» государств и России и введет ограничения и на продажу оружия негосударственным объединениям. Возможно, осознав, что хитрость, с помощью которой США пытались ограничить поставки официальным властям в неугодных странах, не получилась, договор отложат на полку еще на несколько лет. И даже принятие договора большинством стран ничего не будут значить. То, что Америка не раз уже доказывала — властям Штатов абсолютно наплевать на то, что запрещает или разрешает ООН, прагматичность американцев заключается в том, что резолюции можно использовать себе на благо, а когда решения Организации объединенных наций идут вразрез с интересами государства — о них забывают. Так, военный эксперт Игорь Коротченко уверен, что договор о торговле оружием так и останется просто декларативной бумажкой и на ситуации в Сирии никак сказаться не сможет: «Поставки идут по линии западных спецслужб, поэтому ситуация в Сирии будет решаться исключительно путем военного противостояния — сегодня там стоит вопрос кто кого. Либо Башар Асад, либо боевики — данный договор абсолютно не повлияет на ситуацию в Сирии. Эти договоры — не более, чем бумажки, в данном случае».

Поставки оружия и поддержка сирийских боевиков осуществляется западом на уровне государственной политики, поэтому никакой связи между принятием документов и практическим курсом на поддержку сирийской оппозиции не существует, уверен наш собеседник. Военный эксперт Владислав Шурыгин разделяет эту точку зрения, он считает, что этот договор — тупиковый и пропагандистский, и в современном мире он работать не может по определению. А думать, что США ратифицирует этот договор — наивно. Россия же, по мнению Шурыгина, воздержалась, потому что этот договор будет использоваться против ее интересов в переделке мира.

Эксперты, опрошенные Накануне.RU, сходятся во мнении, что интересы России будут ущемлены новым договором. С принятием МДТО многие неугодные западу сделки будут признаны незаконными.

Властям Штатов абсолютно наплевать на то, что запрещает или разрешает ООН, прагматичность американцев заключается в том, что резолюции можно использовать себе на благо

Сергей Никитин

Миротворчество по-американски

В конце марта Ирак, страну, которую, казалось бы, из-за перипетий ее современной истории невозможно чем-либо удивить, потрясла сенсация — в страну без предупреждения явился новый госсекретарь Соединенных Штатов Америки Джон Керри. Политик, сменивший на этом посту яркую Хиллари Клинтон, по-видимому, решил взять с места в карьер, сразу же приняв участие в серьезной международной акции. Надо сказать, что задача у Керри была серьезной — убедить иракское правительство «закрыть» небо для летящих в Сирию иранских самолетов.

Надо сказать, что задача у Керри была серьезной — убедить иракское правительство «закрыть» небо для летящих в Сирию иранских самолетов.

«Иракский коридор» помощи Башару Асаду

По последним данным, полученными американскими спецслужбами и активно публикуемыми в средствах массовой информации, Тегеран использует иракский воздушный коридор для поддержки правительства Башара Асада в Сирии. Причем, как утверждают американцы, речь идет не только о гуманитарной помощи, но и о доставке по воздуху из Ирана военных грузов — вооружения и техники. Неудивительно, что ранее посол Соединенных Штатов в Сирии Роберт Форд заявил о резком увеличении военной помощи этой стране со стороны иранского правительства. По информации господина посла самолеты из ИРИ не иначе, как ежедневно совершают вылеты с целью доставить «кровавому режиму» Асада «орудия убийства» повстанцев. Происходит это с весны 2012 года.

Все упомянутые рейсы идут через территорию Ирака. В этой связи понятно давление, которому подвергается, конечно же, не самое независимое правительство Нури аль-Малики. В мае 2012 года оно было даже вынуждено уступить и закрыть свое воздушное пространство для иранских самолетов. Однако такое положение продлилось лишь до июля того же года.

Что касается господина Керри, то он не только абсолютно согласен с главой американской дипломатической миссии в Сирии, но и считает, что власть президента Башара Асада держится едва ли не исключительно благодаря воздушным поставкам из Ирана. В этом, по его собственным словам, высказанным журналистам, госсекретарь США пытался убедить иракского премьер-министра. Керри стремился доказать премьеру необходимость полного запрета полетов самолетов над территорией Ирака.

Однако, зная дружественные отношения аль-Малики с Тегераном, и понимая вероятность его отказа на столь наглое требование, Керри приготовил и «запасной вариант». Согласно ему, иракцам было предложено принуждать к посадке лишь борты, летящие из Ирана и обратно. После такой посадки самолеты должны будут тщательно досматриваться сотрудниками иракской полиции и спецслужб. Только после того, как последние убедятся в отсутствии в самолетах военных грузов, лайнерам может быть позволено продолжать свой путь.

США «устанавливают мир», помогая мятежникам и террористам

Несомненно, гуманистическая цель миссии Джона Керри «очевидна»! Каким образом еще можно прекратить сирийский конфликт, как ни лишив оружия «кровавого диктатора»? Но что насчет другой стороны конфликта — сирийской оппозиции? На данный момент уже ни для кого не является секретом не только активные военные действия, ведущиеся ее представителями при поддержке американцев, турок и монархий Персидского залива, но и явный терроризм со стороны Сирийской свободной армии, а также ее верных союзников, боевиков ваххабитской группировки «Джаббат аль-Нусра». Возможно, американский план мирного урегулирования предусматривает и воздействие на агрессивных «оппозиционеров», уже запятнавших свои руки в крови множества людей (высшего военного руководства Сирии, журналистов, представителей этнических и религиозных меньшинств и простых сирийцев) и отметившихся похищениями, в том числе, и иностранных граждан (самым ярким примером такого рода действий для жителей СНГ, пожалуй, является пленение и побег украинской журналистки Анхар Кочневой)? Однако здесь политика США — кардинально иная.

Как сообщила на днях газета *The New York Times*, ЦРУ не просто поддерживает сирийских боевиков, но и организовало «воздушный мост», по которому уже было совершено более 160 рейсов в Иорданию и Турцию. Как видно, наличие собственного воздушного коридора, по которому идут отнюдь не только гуманитарные грузы американские спецслужбы, военных и дипломатов беспокоит значительно меньше, чем существование иранского. Между тем, общий вес только военной техники, поставленной американцами своим сирийским союзникам, составляет 3500 тонн. Такую цифру привел эксперт Международного научно-исследовательского института, расположенного в Стокгольме, Хью Гриффис.

Более того, ЦРУ, по информации *The New York Times* даже оказало «экспертную помощь» сирийским мятежникам в выборе необходимых для «правого дела» вооружений, а также посодействовало заключению сделки по поставкам оружия на территории Хорватии.

Если прибавить к этому уже давно известные факты об организации американскими спецслужбами военных лагерей для боевиков на территории соседней с Сирией Турцией, где ее офицеры совместно с кураторами из США обучают бойцов для борьбы с режимом Асада, суть американского «миротворчества» становится понятной.

Цели Соединенных Штатов

Вашингтон во что бы то ни стало стремится отрезать Башара Асада от любой помощи извне, пытаясь привлечь к этой «работе» и сопредельные страны. Особенно «беспокоит» американских стратегов внимание, оказываемое сирийскому конфликту Ираном. Вместе с тем свое «содействие» оппозиционным боевикам так называемой «Сирийской свободной армии» США, по-видимому, военной помощью из-за рубежа не считают, либо настолько убеждены в праведности «освободителей», что готово и далее продолжать спонсировать их, буквально накачивая оружием и боеприпасами.

Отмечая усиление иранской поддержки Дамаска, американские официальные лица почему-то «забывают» о «дрожжевом» росте собственной помощи мятежникам. Между тем, по данным The Wall Street Journal, ЦРУ еще в прошлом году получило «зеленый свет» от Белого дома на проведение любых мероприятий по содействию сирийской оппозиции. Речь идет о мерах не только политического или гуманитарного, но и дипломатического и военного характера. Судя по опубликованному выше данным о поставках вооружений, военную часть плана американские спецслужбы успешно выполняют. Визит господина Керри в Багдад показывает и то, что дипломатическая его составляющая продвигается вперед.

Достигнут ли США задуманного?

Однако есть ли перспективы у попыток американцев по окончательной изоляции законного сирийского правительства? Вероятность такого исхода выглядит не столь очевидной. Дело в том, что Иран, связанный с Сирией союзным договором и исправно выполняющий свои обязанности, по-видимому, от поддержки Дамаска не откажется. Тегерану не только не нужна потеря последнего бастиона перед НАТОвскими ястребами, его явно не прельщает и перспектива появления на Ближнем Востоке второго Афганистана — с тысячами вооруженных и никем не контролируемых экстремистов, отсутствием адекватного правительства и нищим населением, значительная часть которого превратится в беженцев.

Ирак, у власти в котором находится шиитское правительство аль-Малики, несмотря на серьезнейшую зависимость от США и их влияние на территории страны, уже не является полностью подконтрольным Вашингтону государством. Он не только постепенно улучшает и без того неплохие отношения с Ираном, но и пытается блюсти национальные интересы во взаимоотношениях с Сирией и даже своим самым сильным и опасным соседом — Турцией. Буквально в начале 2013 года духовный лидер шиитов страны и один из основных архитекторов создания в ней светского режима аятолла Али Систани отказался от встречи с турецким послом. Данная мера демонстрирует несогласие, по крайней мере, части иракской элиты с политикой, проводимой Турцией (а значит — и ее союзником США), как в Курдистане, так и в Сирии. Некоторые эксперты говорят даже о возможном складывании в ближайшем будущем «шиитской оси» — Тегеран-Багдад-Дамаск, что выглядит вполне реальной перспективой.

В то же время, долгие годы борющееся против экстремизма и терроризма на своей территории иракское правительство едва ли не больше других иг-

роков ближневосточного региона не заинтересовано в победе оппозиционеров и повторении «афганского сценария» в Сирии. В случае такого исхода целый ряд сопредельных стран и, прежде всего, сам Ирак, будут ввергнуты в политический и социальный хаос, что хорошо понимают и в Багдаде, и в Вашингтоне. Но если Соединенные Штаты, находясь далеко от Ближнего Востока, могут позволить себе разыгрывать любые комбинации, Ирак, озабоченный проблемами национальной безопасности такой «свободы» лишен. В этой связи хочется надеяться на твердость правительства Нури аль-Малики в отстаивании национальных интересов своей страны и мира в регионе, не оглядываясь на вашингтонских «миротворцев».

Вместе с тем, огромную роль в препятствовании планам американских стратегов может сыграть и Россия. К сожалению, она до сих пор не высказала жесткой и негативной реакции по отношению к «миротворчеству» по-американски, демонстрируемое господином Керри и его коллегами. Между тем, жесткая позиция РФ, как в ООН, так и по линии двусторонних отношений с вовлеченными в сирийский конфликт странами вполне способно удержать некоторые из них (особенно заокеанских) от непродуманных, не очень честных и явно агрессивных действий. Во многом именно твердость российской дипломатии спасала Сирию от внешнего вторжения. В настоящее время врагами этой страны реализуются другие, более современные, методы воздействия на ситуацию. Несмотря на отсутствие прямой военной агрессии со стороны США и НАТО, их активность в сирийском направлении также может сыграть решающую роль в падении последнего союзного Москве режима арабского мира. Сирия стала для России своеобразным индикатором усвоения «ливийского опыта». Именно сирийские события вынудили российское правительство действовать принципиально по-иному, нежели это было в «ливийском вопросе». Однако и США с их союзниками вряд ли намерены легко отступить, предлагая все новые варианты уничтожения Башара Асада и светской Сирии. В этой связи от Москвы требуется последовательность в отстаивании своей внешнеполитической линии и препятствовании планам западных «миротворцев» во главе с Соединенными Штатами.

Игорь Панкратенко

Российско-иранские отношения в эпоху Медведева или о том, как Россия Ираном торговала

Средства на «модернизацию и нанотехнологизацию всей страны», провозглашенные Дмитрием Медведевым в качестве стратегического курса развития России, он и его окружение рассчитывали получить на Западе. Для этого требовалось одно — сдать своих партнеров на Востоке, чем медведевская команда и занималась. Позорная «сдача» Ливийской Джамахирии стала, по общему мнению, одним из самых «ярких» эпизодов президентского срока Медведева. Вспомним хотя бы фильм «Игра в поддавки», всколыхнувший недавно Интернет: неприкрытая натовская интервенция, бомбежки, растерзанное тело законного вождя Каддафи... На фоне такой «картинки» грубые ошибки и некомпетентность Медведева выглядят особо весомо и зримо. Произшедшая почти в это же время «сдача» Москвой Ирана была менее зрелищна, но сопровождавшая ее политическая интрига — на много сложнее и многослойнее. Найдется ли режиссер, чтобы снять об этом фильм? Хочется верить в это, а потому и надеюсь, что опубликованный ниже материал послужит основой будущего документального фильма-расследования.

Наследие Путина

Финальной точкой внешнеполитического курса Путина стало событие, произошедшее еще при Медведеве — война в Южной Осетии и победа над Тбилиси. Да, Верховным Главнокомандующим формально был уже другой человек, но он лишь собрал урожай с того поля, которое восемь лет готовил Путин. Операция «Принуждение к миру» стала финальной точкой путинских усилий по изменению настроений в российском обществе, по изменению отношения к собственной Армии, по изменению внешней и оборонной политики.

Но в тот август 2008-го способность России к предельно жесткому силовому ответу в отношении враждебной деятельности и недружественной экспансии стала поистине «холодным душем» для Запада. Марш-бросок по

Грузии, малоубедительный в военном отношении, во внешнеполитическом плане выглядел более чем весомо: Россия показала всему миру, что в определенных обстоятельствах, при вероломном нарушении обязательств, при угрозе ее интересам — она способна ответить жестко и адекватно, вплоть до танковой колонны на улицах городов страны-агрессора. Западу дано было понять, что теперь к заявлениям и мнению Москвы следовало относиться совсем по-иному, чем это было при «друге Клинтона Борисе».

Впервые после Горбачева у России появился лидер, который имел и военную подготовку, и достаточно целостную сумму взглядов на характер государства, возникшего после 1991 года. И эти взгляды, как бы не пытались уверить нас в обратном либералы, разделялись большинством населения России, отвечали их представлениям о внешнеполитическом курсе. При Путине произошло малозаметное, но важное — впервые был достигнут консенсус в отношении российской внешней политики между населением и политическими элитами страны. Истоки «путинского большинства» — они ведь и в этом согласии взглядов на отношения России с остальным миром.

При Путине Исламская Республика Иран продолжала некоторое время занимать достаточно важное место в нашей политике на Ближнем и Среднем Востоке. Президент, приученный к самостоятельной аналитической работе, возвращавший исполнителям разведывательные сводки и материалы по «горячим», в том числе ближневосточным, точкам с пометками и вопросами, прекрасно осознавал, как минимум, три вещи. Во-первых, то, что США, оккупировав Ирак и Афганистан, провоцируя кризис в «шиитском полумесяце», видят теперь главной своей мишенью Иран. И что в случае операции против него создается угроза дестабилизации не только Ближнего Востока и Центральной Азии, но и в «мусульманских» регионах России. Во-вторых, даже весьма ослабленная реформами Примакова Служба Внешней разведки и постоянно перетрясываемое непрофессионалами ГРУ добывали достаточно информации для того, чтобы понять — Иран не стремится к обладанию ядерным оружием, вся шумиха вокруг этого вопроса носит исключительно искусственный характер. И, наконец, третье — развитие отношений с Ираном необходимо российской экономике, ее высокотехнологическому сектору, на развитие которого Путин делал ставку.

Было и еще одно обстоятельство. Путин гораздо лучше других представителей российской политической элиты помнил о российской трагедии на Кавказе. Соответственно, помнил он и о тех, кто поддерживал сепаратистов, кто спонсировал террор, помнил, в каких странах надежно, не опасаясь экстрадиции, укрылись лидеры боевиков. Помнил он и пророссийскую позицию Ирана по Чечне, которая во многом помогла России не допустить более катастрофического развития событий. К концу второго президентского срока даже самые антипутински настроенным наблюдателям было понятно, что Россия в мире начала восприниматься совсем по-иному, чем в 90-е. В определенной степени — это был достойный финал президентского срока Путина, но еще не окончательная победа.

Получив такое наследство, Медведев решил внешнеполитическими достижениями своего предшественника поторговать. Проблема была лишь в том, что торговаться он собрался с теми, кто в опыте политической «коммерции» превосходили его на голову, кто имел гораздо больше материального ресурса и политической воли. Поэтому Медведева просто обвели вокруг пальца,

а то, что он считал торговлей — обернулось односторонней сдачей российских позиций и российских интересов по многим направлениям внешней политики.

Отступление I: О последствиях либеральных взглядов на внешнюю политику

Мышление Дмитрия Медведева — насквозь либеральное, причем, либеральное именно в российском, и несколько извращенном значении этого термина. Государство в его понимании — это такая большая корпорация, цель которой — прагматичное извлечение прибыли. «Невидимая рука рынка» все устроит само собой. Министерства и ведомства, службы и управления — это не более чем бизнес-управленцы, цель которых не в соблюдении абстрактных в их понимании государственных интересов, а в «управлении финансовыми потоками». Вот и превратились все министерские ведомства из органов политики в коммерческие структуры. Соответственно, и внешняя политика должна строиться именно на «рыночных отношениях», а отнюдь не на вопросах «войны и мира», те есть обеспечения государственной и национальной безопасности. Псевдопрагматик Медведев определял задачи внешней политики России следующим образом: во-первых, «нам нужно решить, сотрудничество с какими странами даст наибольшую отдачу для развития в России соответствующих технологий и рынков для выхода отечественной высокотехнологичной продукции на региональные и глобальные рынки». Во-вторых, «укрепление институтов российской демократии и гражданского общества. Мы должны способствовать гуманизации социальных систем повсюду в мире, и прежде всего у себя дома». Как видим, — полное следование дискурсу, который навязывает международным отношениям Запад. Но если для Запада «демократия» и «гуманизация» во всем мире — лишь инструмент достижения геополитического господства, блестящий фантик, в которую завернут «софт-колониализм», то Медведев искренне убежден и по сей день в том, что это не инструмент, а цель внешней политики государства.

Последствия таких взглядов в мире реал-политики не заставили себя ждать. В начале 2011 года Медведев едет на Ближний Восток. Преимущества России достаточно очевидны — нормальные отношения, как с Палестиной, так и Израилем, конструктивный диалог с ХАМАС, заделы в отношениях с Хезбаллой. Но Медведев совершенно не представляет, какую материальную выгоду можно извлечь из ближневосточного котла. И вместо практической работы ближневосточные партнеры уведели завышенные амбиции и пустые слова о том, что Россия может встать во главе мирных переговоров на Ближнем Востоке. Итог, короче, — нулевой, а авторитет России в регионе начинает быстро испаряться.

Майский саммит 2011 года Большой восьмерки в Довиле Россию не то чтобы не продвинул, а даже ослабил в глазах как партнеров, так и конкурентов. Главным вопросом на форуме было заявлено — «обсуждение событий в регионе Ближнего Востока и Северной Африки». И обсудить было что: «цветные революции», охватившие той весной арабский мир, война в Ливии, исход которой был еще не предрешен, угроза мирной исламизации Египта, и, наконец, объединение палестинских группировок. Особые от-

ношения наработанные Москвой на Ближнем Востоке, вполне могли стать козырями в отстаивании позиций по Сирии, международное давление на которую уже было в полном разгаре. А также диалог по ПРО в Восточной Европе. Однако из заявлений Москвы явствовало, что главным вопросом, который была намерена поставить российская делегация в Довиле оказался вопрос... о вступлении во Всемирную торговую организацию (ВТО), где Россия обречена на роль страны второго эшелона и «сырьевого придатка».

Где Нетаньяху прошел, там...

«Коммерциализация» внешнеполитической деятельности предопределила и отношение Медведева к вопросу о важности российско-иранских отношений. Запад ни на минуту не скрывал, как важно, чтобы Россия поддержала западное видение «окончательного решения иранского вопроса». Только цель-то Запада осталась прежней — смести с карты глобализма нынешний иранский режим. Розовые очки Медведева не позволяли ему видеть очевидное. А Запад не скупился на обещания, которые озвучивали главным образом два политика, заявлявших о своем намерении выстроить «особые отношения с Москвой» — это Нетаньяху и Саркози.

Почему именно они? Как минимум по двум причинам. Стремление к партнерству с Израилем давно уже является признаком как лояльности Кремля к США, так и готовности следовать в кильватере западной, в частности, американской внешней политики. Медведеву очень хотелось доказать Обаме свою искренность в деле «перезагрузки» отношений с США, а потому и Нетаньяху принимали в Москве с распростертыми объятиями. Ну, а о чем может говорить Нетаньяху? Только о наболевшем — об Иране.

Нетаньяху обещал все: расширение военно-технического сотрудничества, инвестиции, технологии новейших беспилотников... Он был столь красноречив, что у Медведева даже не возникло желания задать израильскому премьеру хоть несколько неприятных вопросов — например, о российско-израильской конкуренции на оружейном рынке, о поставках оружия в Грузию и Азербайджан, о действиях Израиля в отношении сбыта российских необработанных алмазов, о падении закупок нефти из России, при общем росте объемов закупок из стран СНГ.

Достаточно было Нетаньяху сказать о том, что «Газпром», которое наше российское все, получит преимущество на разработку месторождений в Средиземном море, как Медведев забыл обо всем «неприятном и скользком» и окончательно утвердился в решении наложить запрет на продажу Ирану зенитных ракетных комплексов С-300, бронетехники, боевых самолетов, вертолетов и кораблей. Сделка России с Ираном по ЗРС на общую сумму \$800 миллионов, как и предстоящие контракты по ВТС еще на \$4,2 миллиарда, были слиты. Кроме того, в качестве «бонуса» настойчивости Биби, заодно уж своим указом Медведев запретил использовать Россию для перевозки вооружений в Иран транзитом, вывозить вооружения непосредственно с территории России, а также передавать их вне пределов страны под флагом России. Ну, и почему не порадовать израильских партнеров по сущим мелочам? Тем же указом был наложен запрет въезжать на территорию России некоторым гражданам Исламской Республики, в частности, Аббасу Резаи Аштиани (одному из руководителей Организации по атомной

энергии Ирана по геологоразведке и добыче), доктору Мохаммаду Эслами (руководителю учебного и научно-исследовательского института оборонной промышленности), бригадному генералу Мохаммаду Резе Нагди (бывшему замначальника Генштаба вооруженных сил Ирана по тыловому обеспечению и промышленным исследованиям)...

Одновременно с официальным указом последовали и закрытые решения. В частности, было окончательно похоронено соглашение начала 2000-х об обмене разведывательной информацией по террористическим группировкам между специальными службами Ирана и России. И — подписано соглашение об обмене разведывательной информацией с Израилем.

Итог — строительство завода по производству беспилотников действительно подходит к концу. Только в Азербайджане

Итог — строительство завода по производству беспилотников действительно подходит к концу. Только в Азербайджане. Жирную точку в вопросе о перспективах военно-технического сотрудничества между Россией и Израилем поставил директор военно-политического бюро Министерства обороны Израиля генерал-майор в отставке Амос Гилад: «единственное, что мы продали России, это БПЛА «Серчер», который представляет собой 30-летний устаревший аппарат с устаревшими системами... Российская сторона хотела получить его для производства собственных БПЛА. Мы вы-

полнили свою часть соглашения по БПЛА, но ни одна современная система не была продана и не будет продана России». По оценке наших военных экспертов, «иранский» контракт по С-300 вполне мог стать для ВПК РФ тем же, чем был «бушерский контракт» для атомной промышленности России в середине 90-х — источником финансирования и сохранения отрасли. Но — не стал.

Ну, а о том, какие преференции получил Газпром — лучше всего может рассказать руководство австралийской Woodside Petroleum, которая выиграла у Газпрома тендер на 30% в проекте разработки месторождения Левиафан. Или глава министерства энергетики Израиля Узи Ландау который на днях запретил продавать природный газ из месторождения Тамар иностранным компаниям, в частности российскому Газпрому. И это только начало...

Да, кстати. Два дивизиона С-300 в модификации «Фаворит» по распоряжению Медведева были все же в 2010 году проданы. За \$300 миллионов (полмиллиарда — это ведь не деньги, можем себе позволить, да, господин теперь уже премьер-министр?)... Азербайджану. То есть стратегическому партнеру Израиля и США на Южном Кавказе. Стране, чьи чиновники в полуофициальных заявлениях прямо говорят о том, что «Россия является естественным противником Азербайджана». Стране, сделавшей все для ликвидации российской РЛС в Габале.

Отступление II: Фабрика либеральных мифов

Решением по С-300 Медведев полностью разрушил консенсус в отношении российской внешней политики между населением и политическими элитами. Но сделано это было столь вызывающе, что даже самые либеральные

советники президента ощутили чувство некоторого неудобства. Услужливые соратники президента параллельно запустили два мифа о данном решении, которые должны были обелить Медведева в глазах общественности. Миф первый: С-300 все же якобы были поставлены Исламской Республике через Беларусь, что доказывают фото этих комплексов в вооруженных силах Ирана. Это — ложь. Речь идет о дивизионе устаревших систем С-300ПМУ (1982 года, Grumble d/e по классификации НАТО), приобретенных Ираном в 1993 году. Миф второй: Россия якобы отказалась от продажи комплексов потому, что Израиль сообщил России «коды передачи данных» для беспилотных летательных аппаратов, которые еврейское государство продало Грузии в обмен на коды для зенитных ракетных комплексов «Тор-М1», поставленных ею Ирану. Следовательно, Россия, во-первых, осуществила обмен с «благородными целями», во-вторых — поступила добросовестно, отказавшись от поставки ненадежных систем. Опять ложь. Мало того, что сведения были вброшены скандальной «американской разведывательной» компанией Stratfor, принадлежность к которой само по себе клеймо, так и Тор-М1((SA-N-9 по классификации НАТО) ничего общего с С-300 не имеет. И без мифической передачи «кодов» израильские ВВС в 2000-х отрабатывали противодействие системам С-300ПМУ1 (Gargoyle a) на совместных учениях с ВС Греции, где два дивизиона этих комплексов поступили на вооружение еще в конце 90-х.

«Прекрасно, Дмитрий! Шарман, Николая!»

При всей значимости вопроса о поставках Ирану С-300 и других видов вооружений, он носил все же ограниченный характер, служил своеобразным индикатором ориентиров российской внешней политики медведевского периода. Для Запада важнее было создание одностороннего режима «калечащих санкций», вводимых под видом борьбы с мифической военной составляющей «иранской ядерной программы». Не менее важным было — «замарать» и повязать Россию соучастием в санкциях. Здесь Израиль мало чем мог помочь, потому, как следовать его рекомендациям в данном вопросе было несколько неудобно перед мусульманским миром. Поэтому к столь деликатному делу подключился Никола Саркози, который со времен российско-грузинского конфликта стремился стать для Медведева тем же, кем была Тэтчер при Горбачеве. Началась операция «впаривание Мистралья», в которой Запад предельно четко разыграл видение Медведевым государства как некоей корпорации. «Никакой политики», — заверял дорогого друга Анатоля обольстительный француз, — «продажа «Мистралья России это чисто экономический вопрос». Ну и кроме того — этот акт представлялся как поддержка российской демократии, как символ новых отношений с Европой, как весомое доказательство избавления от «наследия сталинизма и холодной войны». К «Мистралю» прилагались и другие приятные вещи: Франция обещала («Парижем клянусь, да!») инвестиции, сотрудничество в нанотехнологиях, помощь в переговорах с европейскими производителями бронетехники, решение вопроса об упрощении визового режима с ЕС... Конечно, были и некоторые шероховатости. Например, Москва хотела купить у Франции только один корабль, а остальные три построить в России по лицензии, но президент Никола Саркози считал формулу 2+2 равноправным решением, притом, что корабли России будут поставляться без вооружений

и авиационной экипировки. Кроме того, французы упорно избегали вопроса о том, когда пойдут инвестиции и начнутся прочие приятности вроде виз. Но Медведева эти шероховатости не смущали.

Не смущало его и то, что «сугубо экономический вопрос» оказался тесно увязан с Ираном. Что там Иран, когда перед Москвою замаячила ВТО, дверь в Европу? И уже по итогам мартовской встречи 2010 года двух президентов, Саркози с плохо скрываемым торжеством заявил, что Россия готова пойти на введение санкций в отношении Ирана, если они не создадут гуманитарных проблем для Ирана. Его радовало: «очень большое совпадение взглядов между Россией и Францией по крупным направлениям. Например, Иран. Президент Медведев сказал мне, что готов решать вопрос санкций, чтобы эти санкции не создали гуманитарной трагедии».

Правда, Медведев сделал строгое лицо и решил показать западным партнерам принципиальность России в данном вопросе: «эти санкции не должны быть направлены против гражданского населения и эти санкции должны знаменовать самую крайнюю форму, за рамками которой уже невозможен диалог. Поэтому сейчас соответствующие инициативы обсуждаются. Мы готовы к тому, чтобы продолжить обсуждение этого вопроса с нашими партнерами, хотя, конечно, желательно этих санкций было бы избежать». Но кого уже интересовали оговорки, когда принципиальное согласие было получено?

Спустя три месяца после встречи с Саркози, на ежегодном совещании российских послов в Москве, Медведев послал Западу сигнал о том, что о договоренностях помнит. Он заявил следующее: «Очевидно, что Иран приближается к обладанию потенциалом, который, в принципе, может быть использован для создания ядерного оружия... Я неоднократно говорил в беседах со своими партнерами (и с Соединенными Штатами, и с европейцами, с другими партнерами) о том, что санкции, как правило, не приводят к желаемым результатам, но в них есть определенный смысл. Этот смысл в сигнале, который подан международным сообществом и должен простимулировать переговорный процесс». Фактически, это было признание и поддержка антииранской коалиции Запада, которому больше ничего и не требовалось, а для запуска механизм подготовки односторонних «калечащих» санкций теперь не оставалось препятствий. Россия, по факту, к этим санкциям присоединилась, позволив российским банкам участвовать в блокаде денежного обращения Ирана и наложив ряд ограничений на импортно-экспортные операции с Исламской Республикой. Теперь уже речь шла не о том, что Иран Медведев «сдал», а о том, что он втягивал Россию в антииранскую коалицию, делал ее соучастником «необъявленной войны» против Исламской Республики.

И что Россия получила взамен? Вреде как товарооборот с Францией демонстрирует положительную динамику. Но вот структура его — поводом для оптимизма служить не может. Франция поставляет нам самолеты, оборудование для ядерной промышленности, автомобили. Мы — минеральное топливо, нефть и продукты перегонки (88% французского импорта из России), продукты неорганической химии, черные металлы и никель. Сырьевой придаток Европы в классическом виде. О развитии нанотехнологий как-то и забылось. Сделка по «Мистралю» не состоялась. Ну, а о прочем... В конце февраля в Москве побывал Олланд. И в своем выступлении вновь

говорил об инвестициях, визах, особых отношениях, обо всем, что обещалось Медведеву. В этот раз он требовал «голову» Башара Асада и согласия на введение новых санкций против Ирана, уже через Совет Безопасности ООН. Правда, никакого понимания и готовности к уступкам у немногословного Путина Олланд не встретил. Французскому президенту дали дипломатично понять, что «торг здесь не уместен».

Юрист и шейхи

Было бы несправедливым обойти молчанием еще один эпизод внешнеполитической активности Медведева — его «переговоры» с саудитами. Ограниченный объем статьи не позволяет развернуть здесь широкую панораму действия, больше похожего на сюжет из «Тысячи и одной ночи».

К 2003 году меры по международному обеспечению российской позиции по Чечне (конфликт вокруг которой являлся основным источником напряженности между Россией и Королевством Саудовской Аравии) дали свой положительный результат. Отношения РФ-КСА стали более доброжелательны и визит В.В. Путина в 2007 году в Эр-Рияд закрепил нормализацию отношений как свершившийся факт. Но принципиальная разница между Путиным и Медведевым по отношению к монархиям Залива заключалась в том, что если Путин рассматривал нормализацию этих отношений исключительно с целью нейтрализации экспансии Королевства и Катара в мусульманские регионы России, то Медведев рассматривал эти монархии как источник инвестиций, совершенно не задумываясь о последствиях. На чем саудиты и сыграли, предложив, не мудрствуя лукаво, Медведеву миллиард долларов (по другим источникам — три) «отступных» в виде безвозвратного кредита. Условий получения было всего три:

- не продавать Ирану С-300;
- пересмотреть свои контракты на поставку российского оружия Сирии в сторону полного прекращения этих поставок;
- не ветировать резолюции по Сирии, которые будут предусматривать «гуманитарной интервенции»;
- присоединиться к санкциям против Ирана или, как минимум, не накладывать вето на резолюцию СБ ООН, предусматривающую их ужесточение.

Понимая, что миллиард или даже три, все же несколько малая сумма за такой пакет «политических уступок», саудиты дали понять, что готовы еще и прикупить российского оружия: 150 танков Т-90, 100 вертолетов Ми-17 и Ми-35, 100 БМП-3, 20 комплексов ПВО, всего-то — на \$4 миллиарда. А еще шейхи обещали предоставление разведывательной информации по террористам, посредничество в переговорах с ними и «поддержку интересов России» на Ближнем Востоке. Ах, да, — еще и инвестиции в мусульманские регионы России — Татарстан и Северный Кавказ.

Сделке с шейхами помешали два обстоятельства. Во-первых, Медведев уже выполнил большую часть их условий, но — в качестве исполнения обяза-

К 2003 году меры по международному обеспечению российской позиции по Чечне дали свой положительный результат

тельств перед Израилем и Францией. Дважды за уже выполненную работу деньги получить не представилось возможным. А во-вторых, команда Медведева элементарно испугалась тесных отношений с теми, кто, по сути, является основными спонсорами терроризма и на Ближнем Востоке, и в Центральной Азии, и на Северном Кавказе.

Впрочем, определенного влияния на Медведева королевская семья все же добилась, хотя бы в том, что успешно вбрасывала ему свое видение ближневосточной проблематики, при этом — задавая ложные ориентиры. Показательный эпизод произошел 22 февраля 2012. В этот день Медведев провел телефонный разговор с королем Саудовской Аравии Абдаллой Бен Абдель Азизом Аль Саудом, в официальном сообщении было сказано, что «Дмитрий Медведев и Король Абдалла обменялись мнениями по ситуации на Ближнем Востоке в свете происходящих в Сирии событий». В тот же день Медведев говорил о перспективах Ближнего Востока на заседании национального антитеррористического комитета (НАК): «сейчас там сложилась тяжелейшая ситуация, предстоят очень большие трудности. В ряде случаев речь может пойти о дезинтеграции больших густонаселенных государств, о распаде этих стран на мелкие осколки. А государства эти очень непростые, вполне вероятно, что произойдут сложные события, включая приход фанатиков к власти — это будет означать пожары на десятилетия и распространение экстремизма в дальнейшем, надо смотреть правде в глаза». Какие «густонаселенные государства» имел в виду Медведев, точнее — о каких ему говорил аль Сауд?

Имитация бурной деятельности как инструмент внешней политики

Позиция Медведева в отношении Ирана хорошо характеризуется русской поговоркой «И вашим, и нашим — спляшем». Плясали с огоньком, перед всеми... Иран заверяли в том, что до стратегического партнерства рукою подать, вот-вот начнем — и дружить, и наращивать торговый оборот, и (шепотом) даже развивать военно-техническое сотрудничество... В танце перед Западом — причудливо изгибались: «уж вы нам только перезагрузку дайте, а уж мы для вас все, чего изволите». Постоянство было в одном — наша внешнеполитическая линия колебалась только и исключительно вместе с колебаниями генеральной линии Запада.

23 января 2012, когда стало ясно, что политика замирения и перезагрузки провалилась окончательно, когда по итогам «Ормузского кризиса» стало очевидным, что военного решения иранского вопроса не будет, а следовательно, продавать свою позицию больше не придется, никому она теперь особо и не нужна, Медведев меняет тон. Выступая на научно-практической конференции «Евроатлантическое сообщество безопасности: миф или реальность», он говорит уже по-другому: «Кто-то хочет поскорее сделать современной демократической страной Сирию, кто-то хочет разобраться с ядерной программой Ирана, но за всем тем, что происходит, очень часто просматривается ущербная логика и психология войны».

6 ноября 2012 уже премьер-министр Медведев, выступая на пленарном заседании саммита форума «Азия-Европа», отметил важность продолжения

диалога по иранской ядерной проблеме: «Важно продолжить диалог по иранской ядерной проблеме... Россия исходит из того, что любое государство, в том числе Иран, имеет право на развитие гражданской ядерной программы, но при этом необходимо обеспечить международный контроль за этой деятельностью».

Пришло прозрение? Да ничего подобного! Просто опять главой РФ стал Владимир Путин. Но «мавр» Медведев свое дело сделал. Стремясь остаться на плаву, «в мейнстриме», Медведев сорвал военно-техническое сотрудничество с Ираном, позволил развязать в отношении него «войну санкций», осложнил и без того непростую обстановку на южных рубежах России, нанес стране материальный и репутационный ущерб. Если к началу президентского срока Медведева товарооборот между Россией и Ираном составил \$3.7 миллиардов (причем 80% составлял российский экспорт, который приходился, в основном, на малый и средний бизнес), то к концу его срока общий товарооборот снизился более чем на 40%, составив в 2012 всего \$2,3 миллиарда. Почти на миллиард долларов сократился российский экспорт в Иран (\$2,96 миллиарда в 2008 и \$1.9 миллиарда в 2012). Кризис? Катаклизм? Нет, это так работают «эффективные менеджеры» от внешней политики. Только вот внешняя она лишь по названию. Для десятков разорившихся компаний, для российских граждан, оставшихся без работы, для бюджета, недополучившего средств — она очень даже внутренняя. Только вот что до этого Медведеву? У него своя трагедия. Он «честно» выполнил свои обязательства перед Западом — и оказался Западу не нужен, данные ему обещания — оказались фикцией. Отработанный материал, незадачливый продавец, «Горбачев постсоветской России». Ходячий урок тем, кто искренне считает, что, предавая партнера, можно добиться благодарности Запада.

***

Качнулся ли реально маятник российской внешней политики к Ирану после годичного пребывания Путина президентом РФ, пока не видно, особенно уже недоверчивым по отношению к Москве иранцам. Да, некоторое сближение в вопросах борьбы с международным терроризмом, наркотрафиком, организованной преступностью по линии спецслужб обеих стран наблюдается. Безусловно, внешнеполитические ведомства Москвы и Тегерана, уже сплотила работа по поддержке режима Башара Асада в Сирии. Есть признаки динамизма в работе межправительственной комиссии ИРИ и РФ по оживлению двухсторонних бизнес-контактов...

Все это хорошо, но сегодня нет самого главного — стратегического понимания этой страны. А Иран, с его мощью, масштабом и геополитическим местом в мире может ни много ни мало спасти и развалить Россию. Поэтому требуется несколько другое. Прежде всего России необходимо осмыслить и публично изложить — в чем общность российско-иранских интересов в регионе? Где границы совместных интересов в политической и экономической сфере? Что нужно для выхода к этим границам? Нужна четкая политика в отношениях с Ираном и стоящим за ним «шиитским странам». Именно этого ждет от России иранский народ и иранское руководство. Не больше. Но и никак не меньше.

За кулисами «арабской весны»: Турция и новый политический альянс на Ближнем Востоке

Наиболее заметным последствием «арабской весны» стало укрепление политических позиций радикального ислама на Ближнем Востоке и Северной Африке, особенно там, где произошла смена правящих режимов (Тунис, Ливия, Египет, Йемен). Даже в западных странах, с энтузиазмом требующих устранить президента Б. Асада, признают, что в Сирии большинство повстанцев, сражающихся против регулярных правительственных войск, являются членами радикальных исламистских организаций, включая небезызвестную откровенно джихадистскую группировку «Фронт ан-Нусра», которая признана в США террористической ячейкой, связанной непосредственно с «Аль-Каидой».

Сразу после того, как в марте 2011 года протестное движение со стандартными требованиями смены политической власти дошло до сирийской территории, Турция активно подключилась к кампании по поддержке противников правящего руководства САР. Премьер-министр Р. Эрдоган недвусмысленно заявил, что «события в Сирии превращаются во внутреннее дело Турции». Повстанческая армия (т. н. «Сирийская свободная армия») комплектуется в лагерях беженцев, расположенных на турецкой территории на границах с Сирией. Вербовка и подготовка волонтеров осуществляется инструкторами турецких спецслужб. Турецкими властями был установлен режим полной экономической блокады южного соседа, однако именно через турецкие границы в основном осуществляется переброска вооруженных диверсионных групп в Сирию.

В этой связи напрашиваются следующие вопросы: почему Анкара столь стремительно пошла на отказ от Джейханского соглашения, которое было подписано при международном посредничестве после длительных и многотрудных переговоров 21 октября 1998 года и которое, кстати, устраняло все спорные вопросы между Турцией и Сирией (территориальный спор из-за района, прилегающего к г. Александретта, курдский вопрос и проблемы распределения вод реки Евфрат)? Почему премьер-министр Турции Р. Эрдоган, подписавший в Дамаске во время официального визита в 2004 году ряд договоров, нацеленных на позитивное развитие двусторонних отношений, столь же поспешно в одностороннем порядке инициировал эскалацию напряженности на турецко-сирийской границе и подключился к кампании по свержению действующего президента Сирии?

На мой взгляд, основная причина антисирийских настроений в правящей элите Турции все же связана с глобальным изменением ближневосточной политики США и их основных региональных союзников. Факт того, что новая политика США на Большом Ближнем Востоке будет строиться на принципах противостояния Ирану и сотрудничества с исламскими фундаменталистами, был подтвержден, в частности, одним из наиболее авторитетных американских специалистов по проблемам борьбы с терроризмом Э. Маккарти. В недавно вышедшей книге с весьма примечательным названием «Весенняя лихорадка: иллюзия исламской демократии» он отмечал, что американцы хорошо уяснили после вторжения в Ирак и Афганистан, что для мусульманского мира самое главное — это ислам. В то же время люди, выражающие готовность следовать по пути модернизации и продвигать в исламском обществе общедемократические ценности, составляют не более 20%, то есть меньшинство. Отсюда следовал вывод: исходя из объективной реальности, надо делать ставку на развитие взаимного сотрудничества с наиболее популярными исламистскими организациями, в том числе «Братьями-мусульманами» в Египте и Ливии, партией «Ан-Нахда» в Тунисе, коалицией радикальных антиправительственных группировок в Сирии, Партией справедливости и развития во главе с премьер-министром Турции Р. Эрдоганом, который активно поддерживает исламизацию страны и превращение ее в лидера исламского мира.

США и Турция, поставившие во главу угла своей внешней политики концепцию недопущения Ирана к любым разработкам в области ядерных технологий, объективно заинтересованы в ликвидации режима Б. Асада — основного союзника Тегерана в регионе.

В этом же заинтересованы арабские монархии Персидского залива, прежде всего, Саудовская Аравия и Катар, лидирующие сейчас в ЛАГ и рассматривающие устранение Асада как важный шаг на пути ослабления враждебного им Ирана, шиитского влияния и угрозы выступлений шиитов против суннитских монархий.

Со своей стороны, Турция в не меньшей степени заинтересована в дестабилизации внутренней обстановки в Иране и Сирии, равно как и в установлении своего контроля над районами проживания сирийских, иракских и иранских курдов. В этой политике США и их региональные союзники, в том числе Турция, особую роль отводят радикальным боевым исламским формированиям.

Саудовская Аравия, Катар и другие арабские нефтедобывающие государства Персидского залива уже давно финансируют и вооружают исламистские партии и группировки в целях усиления позиций консервативного ислама в арабском мире и противодействия шиитской (иранской) экспансии. Только за последние несколько лет исламским фундаменталистским организациям была перечислена с Аравийского полуострова фантастическая сумма, превышающая 100 миллиардов долларов.

США и Турция, поставившие во главу угла своей внешней политики концепцию недопущения Ирана к любым разработкам в области ядерных технологий, объективно заинтересованы в ликвидации режима Б. Асада

Как известно, Израиль — основной стратегический союзник США — также считает, что для него основная угроза исходит из Ирана. Израильское политическое руководство открыто заявляет, что первоочередная военно-стратегическая задача состоит именно в уничтожении иранских ядерных объектов.

Таким образом, на фоне «иранского синдрома» идет формирование нового политического альянса. Причем наиболее экстравагантный участник этого политического союза — Израиль — уже дал отчетливо понять, что он готов сосуществовать с исламскими режимами и оказывать им содействие в борьбе против шиитской экспансии, если те будут проявлять лояльность по отношению к еврейскому государству. В официальной речи на сессии СБ ООН, посвященной проблемам защиты мирного населения в ходе вооруженного конфликта, посол Израиля в ООН Рон Просор ясно дал понять, что израильское правительство официально требует положить конец преступлениям Асада и настаивает на проведении операции по введению иностранного контингента войск для «осуществления конкретных и решительных действий».

Подтверждением того, что «арабская весна» была операцией, которая тщательно планировалась американской администрацией, является секретный документ, опубликованный в экспертном материале Б. Рубина, ведущего аналитика Центра изучения международных проблем (Gloria Center) при Междисциплинарном центре в Герцлии (Израиль). Текст документа не оставляет сомнений в том, что советники по внешней политике подготовили в августе 2010 года по распоряжению президента Б. Обамы план в отношении ряда арабских стран, который предусматривал реализацию под эгидой США и в интересах США сценариев устранения при содействии религиозных оппозиционеров авторитарных режимов в странах, которые относятся к числу американских союзников. Основываясь на этом документе, Б. Рубин доказывает, что перераспределение власти в Египте в пользу «Братьев-мусульман» было частью стратегического плана американской администрации, разработанного еще до начала «арабской весны».

Все указывает на то, что Турция готова поддержать новый американский альянс

Все указывает на то, что Турция готова поддержать новый американский альянс. Свидетельство тому — телефонный разговор израильского премьер-министра Б. Нетаньяху и турецкого премьера Р. Эрдогана, состоявшийся по требованию и в присутствии президента США Б. Обамы.

Во время разговора Б. Нетаньяху выразил сожаление в связи с гибелью людей во время рейда израильского десанта на турецкое судно «Мави Мармара» и дал согласие выплатить денежные компенсации турецким семьям, потерявшим близких в результате действий израильских командос. При этом Б. Нетаньяху указал: «После трех лет разлада в турецко-израильских отношениях я решил, что настала пора их реабилитировать. Изменяющаяся реальность вокруг нас вынуждает постоянно пересматривать отношения с другими странами региона. За прошедшие три года Израиль делал неоднократные попытки примирения с Турцией. Факт заключается в том, что для меня главным фактором стал сирийский кризис».

Со своей стороны, Р. Эрдоган принял извинения израильского премьера, обязался закрыть уголовное дело в отношении израильских спецназовцев, участвовавших в рейде, и подчеркнул «важность тесного сотрудничества и дружбы между турецким и еврейским народами». Белый Дом с удовлетворением констатировал в отчете об итогах визита Б. Обамы в Израиль: «Соединенные Штаты глубоко ценят тесные партнерские отношения с Турцией и Израилем, и мы придаем большое значение восстановлению позитивных отношений между ними в целях содействия региональному миру и безопасности».

Изложенное выше позволяет сделать однозначный вывод: пока радикальные исламисты и их спонсоры ведут совместными усилиями борьбу против режимов, которые относятся к числу неугодных США, Турции, Израилю и аравийским консервативным монархиям, последние будут поддерживать программу уничтожения своих противников руками тех, кто им противостоит. Участников нового ближневосточного альянса объединяет и более чем устраивает, прежде всего, вектор современной направленности радикального ислама, а этот вектор сейчас направлен в сторону Ирана, Северного Кавказа и Центральной Азии, что также соответствует стратегическим интересам региональных партнеров США. Предпринимаемые сейчас странами НАТО и Ретро-исламскими государствами шаги по устранению Б. Асада — очередной жертвы «арабской весны» — не только усугубят и без того крайне нестабильную ситуацию в Сирии, но и создадут реальную перспективу для продвижения фронта радикального ислама в направлении границ Российской Федерации.

Алма-Ата 2.0: Новые предложения Ирана, стриптиз Запада и Гапон из МАГАТЭ

Очередной раунд переговоров Ирана и Группы «5+1», Алма-Ата 2.0, завершился безрезультатно: никаких соглашений подписано не было, дата проведения следующих саммитов не назначена. Но «нулевого» результата в политике не бывает. Любой итог важен тем, что дает информацию к размышлению, позволяет лучше понять позиции оппонентов, сделать ряд выводов на перспективу. С чем мы имели дело, что мы вынесли по итогам встречи «Алма-Ата 2.0», как будут развиваться дальнейшие события вокруг иранской ядерной программы? В двух словах сегодняшнюю, «посталматинскую» ситуацию можно описать следующим образом: Иран продемонстрировал прагматизм и готовность к серьезному компромиссу. Западная же часть 5+1 продемонстрировала стриптиз, публично обнажив свое нежелание договариваться с Исламской Республикой и сохранять режим санкций при любых шагах Ирана навстречу. Российская и китайская делегации получили повод серьезно задуматься о своем участии в 5+1. И — небольшая частность: Юкия Аmano вполне заслужил прозвище «Гапон из МАГАТЭ».

Впрочем, за этой частностью стоит нечто большее, чем позиция одного человека или возглавляемого им международного агентства. Буквально за два дня до начала переговоров, когда на Западе стали известны некоторые детали иранского пакета предложений к предстоящей встрече, Юкия Аmano выступил с весьма странным на первый взгляд, заявлением, которое тут же было растиражировано. Глава МАГАТЭ выразил опасения, что Иран тайно продолжает работу над созданием ядерного оружия. «Мы не знаем этого наверняка, но у нас есть информация, указывающая на то, что Иран занимался ранее и продолжает заниматься до сих пор деятельностью, связанной с разработкой ядерного вооружения. Эта информация проверена, поэтому это вызывает тревогу», — заявил Юкия Аmano. По его словам, речь идет о последовательном строительстве 10 ядерных объектов. Эти планы, якобы, озвучили сами руководители промышленных и оборонных ведомств Ирана. Однако, по словам Аmano, Тегеран категорически отказывается сотрудничать с МАГАТЭ по этому вопросу, не предоставляя информации о том, началась ли реализация данного плана и где располагаются (или будут располагаться) новые ядерные объекты. Он добавил, что, по сведениям

возглавляемого им агентства, разработки велись не только в прошлом, но и в настоящем. Глава МАГАТЭ не исключил, что режим аятолл втайне от международного сообщества возводит новые ядерные объекты.

В заявлении Аmano четко прослеживались «взаимоисключающие параграфы». С одной стороны — «информация проверена». И тут же Аmano подчеркнул, что абсолютно точной информацией не располагает, но данные, поступающие в МАГАТЭ из разных источников, достоверность которых никому кроме Аmano не известна, его крайне тревожат. Заявление главы МАГАТЭ, противоречащее всему, что известно об иранской ядерной программе даже предвзятым в этом вопросе израильским и американским спецслужбам, было откровенной провокацией, своеобразной гапоновщиной. Но одновременно с этим, заявление давало «пятого туза в рукаве» команде Кэтрин Эштон в игре на предстоящих переговорах.

Надо сказать, что подобные вбросы Аmano делает с поразительной регулярностью, как только начинает намечаться определенный прогресс в переговорном процессе. А точнее — когда Иран выдвигает предложения, которые ведут к снятию напряженности в диалоге по его ядерной программе. В марте, накануне первого раунда переговоров в Алма-Ате, Аmano заявил телеканалу CNN о том, что в Парчине функционирует лаборатория по созданию ядерного оружия, что Иран отказывается допускать на этот объект международных инспекторов, что Исламская Республика в его, Аmano, лице вообще отказывается от сотрудничества с международным сообществом. Это была откровенная ложь, которая вскрылась буквально через неделю, но на Аmano это никак не отразилось. Что же заставляет главу международного агентства врать и выступать таким «атомным попом Гапоном», провоцирующим напряженность? Ответ прозаичен — деньги. Вернее так — Большие Деньги.

Вспомним — к началу 2000-х МАГАТЭ влачило столь жалкое существование, что стояло на грани банкротства. Иранская ядерная программа неспешно развивалась аж со времен шаха и никого в этом агентстве не волновала. До тех пор, пока борьба с иранским атомом не стала частью американской стратегии борьбы с Исламской Республикой. С этого момента США начинают вливать в МАГАТЭ миллионы долларов, Агентство оживает, и весь смысл своей деятельности после своего чудесного воскресения видит исключительно в поиске угроз миру от иранской ядерной программы. Но тогдашний глава агентства, аль-Барадеи, то ли занимался этим недостаточно активно, то ли его просто готовили на самостоятельную роль в пост-мубараковском Египте. А потому к руководству пришел Аmano, у которого, судя по его деятельности и заявлениям, присущих высокопоставленным чинам международных организаций тормозов нет в принципе.

К началу 2000-х МАГАТЭ влачило столь жалкое существование, что стояло на грани банкротства

Очевидно, что такая гиперактивность должна оплачиваться. Из банкротства МАГАТЭ превратилось во вполне финансово успешную контору. Вот только статус международной организации несколько потускнел, что прекрасно видно из структуры ее бюджета. На 2013 финансовый год МАГАТЭ планирует потратить \$415,5 миллиона, из которых \$ 201 миллион (с перспекти-

вой увеличения до \$225 миллионов) предоставят организации США. Если учесть, что 23% этого бюджета тратятся на зарплаты и представительские, а еще 39% — на организацию проверок (читай — командировочные), то жизнь директора-распорядителя начинает выглядеть сладкой. Но и это не все. Администрация Обамы и руководство ЕС выразили готовность профинансировать создание в рамках МАГАТЭ «службы специальных процедур проверки», ориентированной на выявление «подпольных объектов». Фактически — своеобразной разведки, «репильные фонды» которой будут вне общественного контроля.

Естественным после этакой щедрости становится соблюдение принципа: «Кто МАГАТЭ ужинает, тот его и танцует». Но столь же естественным должно быть и понимание того факта, что МАГАТЭ — это не независимая международная организация, а дочерняя компании антииранской коалиции Запада. И уповать на это агентство как на беспристрастного арбитра

МАГАТЭ — это не независимая международная организация, а дочерняя компании антииранской коалиции Запада

или независимого контролера в вопросах, связанных с иранской ядерной программой, — весьма чревато. Впрочем, Аmano — лишь исполнитель, «говорящая голова», рупор «западного блока» в 5+1. Именно этот блок продемонстрировал на прошедшей встрече, что договариваться с Ираном не будет ни при каких уступках со стороны последнего.

Ведь что, по сути, произошло в процессе Алма-Ата 2.0? Еще 2 апреля информированные источники Wall Street Journal сообщили, что «власти Ирана готовы на значительные компромиссы в вопросах собственной ядерной программы». В Алма-Ате иранская делегация заявила, что готова приостановить на шесть месяцев обогащение урана до 20%-ного уровня на объекте в Фордо, обменять уже имеющийся запас на оксид урана, необходимый для применения в медицине, и обеспечить доступ международных инспекторов для контроля этого решения. Фактически, Иран принял все предложения, которые были высказаны 5+1 на переговорах в феврале. «В обмен на это», — заявила иранская делегация, — «мы ожидаем, что будут выполнены и те обещания, которые давались нам на предшествующих переговорах». А именно — будет принято решение ослабить ограничения на работу Ирана с международными финансовыми институтами, снять санкций на торговлю Ираном золотом и другими драгоценными металлами, а также произойдет отмена одностороннего (США и ЕС) эмбарго на импорт иранской нефтехимической продукции.

Сложилась, казалось бы, уникальная для западной дипломатии ситуация. Иран готов на компромисс, принял все предложения 5+1 (за скобками оставим то, что именно эти предложения Иран делал еще в августе минувшего года), осталось закрепить все на уровне протокола о намерениях и приступить к подготовке полномасштабного соглашения, окончательно закрывающего вопрос об иранской ядерной программе. А не тут-то было! Западный блок 5+1 устами Майкла Манна заявил, что приветствует прогресс иранской стороны, но: «Иран должен заверить международное сообщество, что он не использует ядерные технологии в военных целях». Как должны выглядеть эти заверения — тайна великая есть. Слов духовного

лидера, заявлений политического руководства Ирана, данных спецслужб — недостаточно. Подозреваем, что мадам Эштон эти заверения представляет себе в виде 70 миллионов подписных листов, в виде расписки от каждого иранца о том, что каждый гражданин Исламской Республики не собирается использовать ядерные технологии в военных целях. Других вариантов гарантий уже просто не остается.

Если говорить прямо — то это стриптиз, факт обнажения истинной позиции Запада в отношении ядерной программы Ирана. Никакие договоренности в данном вопросе ему не нужны. Ни в каком снятии напряженности вокруг иранского атома определенная часть западной политической элиты не заинтересована. Деятельность 5+1 из-за позиции ее «западного блока» превращается в фарс.

Причем, это понимают и в антииранской коалиции. Провал Алма-Аты 2.0 там попытались увязать с предстоящими президентскими выборами в Иране. Дескать, нет смысла договариваться и заключать соглашения, потому как неизвестно, кто станет новым иранским президентом, и как эти соглашения будут выполняться. Подобное утверждение — либо откровенная ложь, либо наивность на грани некомпетентности. Итоги президентских выборов никакого влияния на отношение политического руководства Ирана на ядерную программу своей страны не окажут. По одной простой причине — вопросы, связанные с этой программой находятся исключительно в компетенции высшего руководства, духовного лидера Али Хаменеи, сегменты этой программы курируются его канцелярией и никем иным. Президент, Маджлис, МИД ИРИ здесь права голоса не имеют. Только духовный лидер Али Хаменеи, а его выборы Конституцией Ирана не предусмотрены.

Существует еще одна точка зрения: переговоры должны вестись при любой ситуации, даже если раз за разом не дают результатов. Такая своеобразная трактовка Бернштейна с его «движение — все, цель — ничто». Порочная, нужно заметить, и трактовка, и тактика. И в порочности ее первой предостит убедиться именно антииранской части западной элиты. Начнем с того, что в самой 5+1 нарастают внутренние противоречия. В частности, еще Хавьер Солана открыто говорил, что уровень согласованности отношений внутри 5 +1 будет уменьшаться, что вполне логично. С одной стороны, между участниками Группы растут разногласия из-за Сирии, а кроме того, Владимир Путин последователен в вопросах недопустимости односторонних санкций. С другой — не конструктивность подходов «западной части» Группы все более раздражает Китай, которому необходимо увеличение объемов экспорта иранской нефти для поддержания уже существующих темпов экономического роста.

Еще более важно то, что мировое сообщество все более убеждается в необоснованности претензий Запада к Ирану. Для антииранской коалиции здесь таится весьма опасный момент — утрата поддержки санкционного режима и среди стран-партнеров, и, что гораздо важнее, внутри бизнес-кругов этих стран. Нынешняя администрация Белого Дома эту опасность осознает, но предпочитает действовать по наработанной схеме — ужесточение санкций и наказание за их нарушение. В преддверии переговоров с Ираном в Конгресс США поступил новый законопроект, который предоставит администрации Обамы право налагать дополнительные санкции в отношении

иностранных компаний, торгующих с Ираном. Кроме того, законопроект направлен на то, чтобы вытеснить Иран из «зоны евро», обеспечив, таким образом, полную изоляцию Ирана от международной финансовой системы.

В перспективе такие действия нанесут Вашингтону и Брюсселю гораздо больше вреда, чем пользы. Сегодня санкции наносят ущерб не только Ирану, но и остальным экономическим субъектам. Представление о том, что текущие американские экономические интересы на Иран завязаны чуть менее чем никак, — весьма поверхностно. Нынешний ущерб от санкций для экспорта США оценивается американской Национальной ассоциацией производителей (National Association of Manufacturers) в \$25 миллиардов. Сумма не критичная, но неприятная. Не менее болезненна утрата иранских рынков для тех же Франции и Германии, не говоря уже о Южной Корее, Индии, Турции, министр энергетики которой на днях заявил о том, что Анкара сохранит объемы экспорта иранских энергоносителей в прежнем объеме.

Этот нюанс прекрасно понимают в Тегеране и достаточно тонко обыгрывают. На днях главный переговорщик Ирана по ядерной программе и доверенное лицо духовного лидера Саед Джалили сказал: «Экономические угрозы против моего народа — не новость. Однако же они (США) сами видели, что иранскому народу удалось трансформировать эти угрозы в возможности. На данный момент Иран является 17-й экономикой мира. Несмотря на санкции, иранским ученым удалось построить космический корабль и послать в космос живых существ». По его словам, применение санкций в отношении Ирана, в первую очередь, вредит гражданам и компаниям самих США, которые теряют возможность работы на «доходном иранском рынке». Говорилось о США, но подразумевалась и европейские компании. И можно быть уверенным — бизнес слова Джалили слышит. Boeing, Exxon Mobil, Cargill Inc, ConocoPhillips, Hannover Re, Bechtel Corp и Siemens AG — это неполный перечень крупных компаний, которые лоббируют сегодня в Конгрессе вопрос о смягчении санкций в отношении Ирана.

***

По итогам Алма-Аты 2.0 и развитие ситуации на Ближнем Востоке можно сделать вывод о том, что стратегия использования вопроса ядерной программы Ирана и ее мифической «военной составляющей» для давления на Исламскую Республику начинает исчерпывать себя, хотя еще как минимум пару лет будет отравлять миазмами международные отношения. Реакция Джона Керри на известие о провале переговоров была достаточно показательной: «переговоры не могут идти бесконечно, однако вопрос (об иранской ядерной программе — примеч. Iran.ru) должен решаться дипломатическим путем». Подобная сдержанность к столь важному для западной дипломатии вопросу — кажущаяся. В реальности это означает, что администрация Обамы сегодня лихорадочно ищет новые формы и методы воздействия на Иран. Их декларируемый «дипломатический характер» означает только то, что эти формы и методы будут лежать в плоскости не открытого военного конфликта, а «необъявленной войны» против Ирана.

Станислав Иванов

Нарастание протестных настроений в Ираке

Казалось бы, вывод американских войск из Ирака в конце 2011 года должен был способствовать постепенной консолидации иракского общества и нормализации внутривнутриполитической ситуации в стране. Ведь был снят главный раздражитель для патриотически настроенных иракцев — почти восьмилетняя оккупация страны иностранными войсками. Американцы, в свою очередь, считали, что они оставляют страну с лояльным Западу премьер-министром Нури аль-Малики, который, по их мнению, мог бы и дальше эффективно управлять страной. Бывший посол США в Ираке Залмай Халилзад в свое время заявлял, что «...Малики является человеком, не зависящим от Ирана, позиционирующим себя как араб и националист, прежде всего».

Однако эти ожидания Вашингтона и самих иракцев не оправдались. Раскол иракцев по этно-конфессиональному признаку (арабы-шииты, арабы-сунниты и курды) преодолеть не удалось, более того, правительство аль-Малики своими действиями или бездействием лишь усугубило разногласия и противоречия между этими общинами, террористическая активность вооруженной оппозиции сохранилась, коррумпированность госаппарата стала еще выше, медленно решаются социально-экономические задачи и восстанавливаются инфраструктура, органы правопорядка, системы жизнеобеспечения (водоснабжение, электроэнергетика, жилой сектор и др). Деньги, поступающие от экспорта нефти, расходуются неэффективно и нерационально, часть госбюджета расхищается чиновниками, организованной преступностью, другая — идет на ничем не оправданные новые масштабные закупки вооружений и боевой техники за рубежом, в основном в США. В результате падает авторитет центральной власти, нарастает недовольство ею со стороны большинства населения страны, которое пока так и не ощутило каких-либо перемен к лучшему от восстановления уровня довоенных объемов добычи нефти. Поэтому можно суммировать, что причины нарастания протестных настроений в иракском обществе кроются в неспособности властей обеспечить безопасность проживания в стране своим гражданам и создать элементарные условия жизни для подавляющего большинства иракцев.

Как известно, прошедшие в марте 2010 года парламентские выборы в Ираке не дали возможности победившему с небольшим перевесом блоку «Аль-

Иракийя» во главе с довольно авторитетным лидером Аядом Аллави сформировать новое правительство. Уступивший ему на выборах совсем немного блок Нури аль-Малики «Государство закона» также претендовал на право возглавить будущее правительство.

Чтобы преодолеть затянувшийся почти на год правительственный кризис, президент Иракского Курдистана Масуд Барзани выступил с инициативой предоставить возможность Нури аль-Малики сформировать новое правительство, но при этом предусматривалось пропорциональное представительство основных иракских общин и политических блоков в органах законодательной и исполнительной власти страны, для главы переходного правительства Ирака Аяда Аллави и шиита по вероисповеданию, вводился бы новый важный пост (председатель Национального совета по стратегической политике), курдам давались гарантии выполнения всех положений новой конституции страны, в том числе, о федеративном государственном устройстве Ирака и проведению мероприятий по пересмотру административных границ, так называемых, спорных территорий северных провинций и т.п. Эти договоренности с Нури аль-Малики были зафиксированы накануне его назначения на пост премьер-министра на второй срок в, так называемых, Эрбильских соглашениях. К сожалению, эти соглашения и большая часть обещаний Нури аль-Малики на сегодня остаются невыполненными. Аяд Аллави не получил никакого поста в новом правительстве и остался не у дел.

Руководство Иракского Курдистана предъявляет претензии федеральному правительству по широкому кругу вопросов, основными из которых являются: саботаж Багдада в выполнении статьи 140 конституции Ирака (судьба спорных территорий), волокита с принятием нового закона по нефти и газу, неясность статуса и недостаточное финансирование вооруженных формирований курдов «пешмерга» и т.п. При всей сложности взаимоотношений между Багдадом и Эрбилем, обе стороны конфликта пока стараются избегать каких-либо насильственных действий и пытаются достигнуть консенсуса в парламенте или за столом переговоров различного уровня. Президент Иракского Курдистана Масуд Барзани неоднократно подчеркивал, что иракские курды намерены добиваться своих национальных прав конституционным путем.

Гораздо сложнее складываются отношения правительства с арабами-суннитами. В январе 2013 года около 20 тысяч протестующих суннитов вышли на улицы Самарры, города, расположенного к северу от Багдада, призывая к восстанию против правительства Ирака. Проповедник шейх Мухаммед Таха Талиб в своей пятничной молитве призвал правительство ответить на справедливые требования протестующих. Волна стихийных митингов и демонстраций арабов-суннитов охватила практически все иракские провинции с преимущественно суннитским населением и продолжается вот уже несколько месяцев. Демонстранты критикуют правительство за низкий уровень жизни в одной из самых богатых нефтяных стран в мире, требуют освободить политических заключенных, в первую очередь женщин. Чтобы как то разрядить обстановку, власти Ирака пошли на освобождение несколько сотен заключенных из числа арабов-суннитов, но в тюрьмах остались тысячи других. В целом, арабы-сунниты считают себя ущемленными в правах при новом режиме, многие из них лишены права занимать должности на

государственной службе и в силовых структурах, часть по прежнему вынуждена скрываться за рубежом, опасаясь преследований по обвинениям в соучастии с режимом Саддама Хусейна.

Стихийное протестное движение иракских арабов-суннитов против правительства Нури аль-Малики умело используют в своих интересах арабские монархии Персидского залива, где у власти находятся суннитские (салафитские) кланы. Наибольшую активность в Ираке проявляют Саудовская Аравия и Катар, которые по каналам спецслужб и через неправительственные организации оказывают финансовую, материальную и военную помощь различным группировкам иракской вооруженной оппозиции. При этом большая часть денег и оружия попадает в руки наиболее радикально настроенных группировок (ваххабиты, «Аль-Каида» и другие). Похоже на то, что саудиты и катарцы решили превратить Ирак в поле битвы между суннитами и шиитами, как это уже удалось им в соседней Сирии. Не исключено, что правящие салафитские династии Персидского залива поставили себе целью превратить весь регион в арену борьбы суннитов с шиитами и дать решающий бой, так ненавистному им, — шиитскому течению в исламе.

Вот несколько фактов, подтверждающих вмешательство Эр-Рияда и Дохи во внутрииракский конфликт. По сообщениям иракских СМИ, в районе Центрального Евфрата была арестована террористическая группа (около 250 исламистов-ваххабитов), связанная с главой саудовской разведки Б. бен Султаном и бывшим вице-президентом Ирака Т. аль-Хашими. Кроме организации терактов, ведения подрывной деятельности против иракских шиитов и разжигания межконфессиональной розни, в задачу группировки входила вербовка и подготовка террористов-смертников для проведения терактов в шиитских районах (Багдаде, Кербеле, Неджефе, Дивании). Особое внимание при этом уделялось террористическим атакам на шиитские святыни в Кербеле и Неджефе. На финансирование только этой группы выделялось ежегодно до 250 млн долл. США.

В начале 2013 года иракские власти вынуждены были закрыть пограничный переход Требиль на ирако-иорданской границе. Основной целью временного закрытия этого КПП — основного пункта, через который в Ирак поступают промышленные товары и продовольствие, по мнению местных аналитиков, является решение центральных властей нанести экономический ущерб суннитскому клану Абу Риша, контролирующему район. Негласно этот клан получал с каждого большегрузного автомобиля 300 долл. США за право проезда через свою территорию. Шейх племени — Абу Риша считается одним из главных организаторов протестных акций в иракской провинции Анбар (сторонник режима С.Хусейна и партии Баас, поддерживает тесные связи со странами Персидского залива, особенно с Катаром).

20 марта 2013 года боевики суннитских «легионов смерти» отметили десятую годовщину вторжения войск США в Ирак новой серией терактов, в результате которых в шиитских районах Багдада погибли, по меньшей мере, 56 человек, более 200 иракцев получили ранения. Взрывные устройства были заложены в нескольких автомобилях, припаркованных в шиитских районах. Кроме того, террорист-смертник на грузовике протаранил полицейский участок к югу от Багдада. В МВД Ирака полагают, что организаторами терактов выступили боевики радикальной суннитской группировки «Исламский эмират Ирака», тесно связанной с «Аль-Каидой».

Таким образом, протестное движение иракских арабов-суннитов проходит на фоне все более активного вмешательства во внутренний конфликт со стороны внешних сил, прежде всего Саудовской Аравии и Катара, и сопровождается новыми масштабными террористическими актами, которые приводят к многочисленным жертвам среди правоохранительных органов и мирного населения.

Следует отметить, что Нури аль-Малики, исповедующий ислам шиитского толка, не пользуется безоговорочной поддержкой и авторитетом даже среди иракских шиитов. Наиболее радикальные шиитские движения, такие как, например, группировка Муктады ас-Садра, и некоторые авторитетные духовные лидеры критикуют центральное правительство за неспособность обеспечить безопасность граждан и защитить от терактов шиитские святыни в городах Кербела и Неджеф. Раздаются упреки в адрес аль-Малики и в проведении прозападной, проамериканской политики.

В последнее время отмечается тенденция к объединению всех иракских оппозиционных правительству аль-Малики парламентских и внепарламентских политических сил и группировок в единый оппозиционный фронт. Глава политического блока «Аль-Иракия» Аяд Аллави заявил, что «правительство аль-Малики не в состоянии вывести страну из экономического и политического кризиса» и призвал премьер-министра добровольно уйти в отставку, а затем провести в стране досрочные парламентские выборы. В знак протеста против политики Нури аль-Малики сунниты и шииты проводят совместные пятничные молитвы, где участвуют влиятельные суннитские и шиитские лидеры страны. Оппозицией рассматриваются все возможные варианты досрочного отстранения от власти главы правительства. Общая политическая ситуация в стране остается весьма сложной и неопределенной.

Сергей Никитин

Убийство шейха аль-Бути — это истинное лицо сирийской оппозиции

21 марта в результате взрыва террориста-смертника в мечети аль-Иман на севере Дамаска, погибло несколько десятков человек, в числе которых оказался и выдающийся мусульманский ученый шейх Мухаммад Саид Рамадан аль-Бути. Также от взрыва погиб внук богослова. Президент Сирии Башар Асад и лидер мятежников Ахмед Муаз аль-Хатиб одновременно заявили о своей непричастности к теракту, а также взаимно обвинили в убийстве шейха и его учеников друг друга. «Открестился» от причастности в гибели аль-Бути и катарский идеолог сирийских оппозиционеров Юсуф аль-Кардави. Казалось бы, дело об убийстве одного из самых выдающихся суннитских ученых Сирии и мира может стать запутанным, однако на данный момент большинство интересующихся «сирийским вопросом» уже не сомневаются в том, чьи действия стали причиной гибели шейха.

Шейх аль-Бути — против любого проявления экстремизма, радикализма и насилия

Чтобы более точно разобраться в том, кому выгодно устранение Саида Рамадана аль-Бути, стоит напомнить, что за человек это был. На протяжении всей своей жизни шейх стоял на страже традиционного суннитского ислама от различных экстремистских группировок, прежде всего, салафитов. Известна критика идей «иконы» современного салафизма Насирудина Албани со стороны аль-Бути. Кроме того, перу ученого принадлежит книга «Салафизм — это благословенный временной этап, а не исламский мазхаб». Шейх Саид Рамадан аль-Бути являлся последовательным противником насилия как средства достижения политических целей. Свои взгляды по этому вопросу он изложил в вышедшей в 1993 году работе «Джихад в исламе».

Шейх Мухаммад Саид Рамадан аль-Бути, несомненно, знал, что говорил и проповедовал — он являлся одним из наиболее уважаемых и знающих исламских ученых своего времени. В 1965 году аль-Бути стал доктором

мусульманского права в самом авторитетном в мире исламском университете «Аль-Азхар» в Египте, до этого закончив шариатский факультет Дамасского университета. Именно с данным факультетом связана жизнь шейха аль-Бути. Там он сначала стал преподавателем шариатских дисциплин, а затем долгие годы работал деканом. На уроке по шариату в дамасской мечети аль-Иман и застала ученого смерть.

Помимо этого аль-Бути являлся имамом Мечети Омейядов в Дамаске, возглавлял Ассоциацию исламских ученых Леванта, состоял в высшем совете Оксфордской академии и ряде других престижных организациях.

К слову, перу шейха аль-Бути принадлежат не только труды по богословским вопросам, но и несколько философских сочинений, одним из которых является «Европа от техники к духовности. Проблема разрушенного моста». Несколько работ шейха переведены и на русский язык и используются в преподавании религиозных дисциплин.

Шейх Мухаммад Саид Рамадан аль-Бути являлся одним из наиболее уважаемых и знающих исламских ученых своего времени

Во время разгоревшейся в Сирии смуты Саид Мухаммад Рамадан аль-Бути выступал за мирное урегулирование конфликта. Будучи верным себе, шейх не мог принять агрессивных методов борьбы оппозиционных групп. Это не удивительно, так как многие из тех, кто противостоят сейчас Башару Асаду — никто иные, как герои книг аль-Бути, салафиты. Ученый не стеснялся раскрывать истинную природу сирийского протестного движения, указывая на его связи с за-

падными странами, Катаром, Саудовской Аравией и даже Израилем, не жалел крепких слов в адрес «солдат» «Сирийской свободной армии». В результате у Саида Мухаммада Рамадана аль-Бути появилось множество врагов. По большей части, среди оппозиционеров и тех, кто этих самых оппозиционеров поддерживает. Ранее в адрес шейха слышались угрозы даже со стороны его коллег. Последние, в частности, озвучивал весьма примечательный персонаж, Юсуф аль-Кардави.

«Друг» шейха аль-Бути Юсуф Кардави

Господин Кардави, также уважаемый в определенных кругах катарский исламский ученый и «штатный» проповедник печально известного телеканала «Аль-Джазира», в своем обращении, касающемся смерти шейха аль-Бути заявил о том, что являлся его «другом», хотя и не разделял позицию сирийского аллима. Кроме того, Кардави отметил, что те, кто воюет против Асада, не могли убить шейха, да еще в мечети, так как они «не сторонники» насильственных действий по отношению к ученым, тем более в местах поклонения Богу. Катарский проповедник возложил вину в гибели аль-Бути на Башара Асада, предположив, что бывший декан шариатского факультета был устранен по причине возможного в будущем перехода в стан оппозиции.

Стоит отметить, что господин Кардави солгал. Сирийские оппозиционеры с удовольствием убивают духовных лидеров — суннитских, шиитских,

алавитских и христианских, в том числе, и в храмах. Всего лишь через неделю после гибели аль-Бути мятежники казнили, причем жестоко, еще одного суннитского ученого шейха Хассана Сайфа ад-Дина. Шейх был обезглавлен, его тело выброшено на улицу, а голова насажена на минарет мечети, в которой он проповедовал. Хассан Сайф ад-Дин, также, как Рамадан аль-Бути, был последовательным противником насильственных действий по свержению действующей в Сирии власти. А несколькими месяцами ранее от рук боевиков пал другой суннитский шейх, Мохаммад Ахмад Ауф Садек из дамасской мечети Анас бен Малек. Число шиитских и алавитских ученых и проповедников, погибших от действий оппозиционеров в Сирии, и вовсе идет на десятки.

Неправда и то, что боевики «не трогают» мест поклонения Богу. Не говоря даже о христианских святынях, в обилии пострадавших от действий «Сирийской свободной армии» (что неоднократно отражалось на Iran.ru) и ее союзников из «Джаббат аль-Нусра» (иракский филиал аль-Каиды), имеется, как минимум одна видеозапись, где боевики радуются уничтожению «логова шиитов и рафидитов» в деревне Зарзур. Информацию о разорении шиитской хусейнии приводит и правозащитная организация Human Rights Watch.

Ложь Кардави и его, по крайней мере, косвенную вину в гибели шейха аль-Бути обличил, к примеру, такой видный мусульманский (к слову, тоже суннитский) богослов, имам иерусалимской мечети Аль-Акса, Салах ад-Дин абу Арафа. По словам имама, катарский проповедник должен наряду с исполнителями зверского теракта в Дамаске нести ответственность за смерть Рамадана аль-Бути.

Лояльные оппозиции «ученые» о гибели Саида Рамадана аль-Бути: косвенно и прямо

Примечательна также позиция Ассоциации исламских ученых Сирии, члены которой в заявлении, в ответ на гибель шейха аль-Бути отметили, что, несмотря на несогласие с шейхом, они осуждают взрывы в мечетях и убийства ни в чем не виновных людей. Эта организация, полностью лояльная оппозиции, как и Кардави, обвинила в гибели аль-Бути Башара Асада. Как на деле решают «религиозные вопросы» и «разногласия» представители сирийской оппозиции, мы видели выше. Странная в плане элементарной порядочности позиция для их верных «духовных слуг».

Шейхи из Саудовской Аравии, союзники в деле свержения Башара Асада, как оппозиции, так и Ассоциации исламских ученых Сирии, по крайней мере, выражают свои взгляды открыто и честно. Например, Абу аль-Басир Тартуси назвал сирийского ученого «лжецом, который всю жизнь поддерживал правителей», отметив, что не жалеет о его смерти. При этом Тартуси выразил сожаление в связи с гибелью во взорванной мечети других мусульман. Порадовался гибели Рамадана аль-Бути и имам Запретной мечети в Мекке Абдул Рахман аль-Судейс. Великий ученый, по мнению имама, «муджахид на пути Сатаны». Свою радость этот суровый салафитский противник нововведений выразил... на собственной страничке в Facebook.

Поиск виновных

Кому же выгодно убийство шейха аль-Бути, столпа традиционного ислама и защитника Сирии от религиозного радикализма? Разве Башару Асаду, который оказался на переднем краю борьбы с означенным злом? Цитируя Булгакова, «не правильно ли думать, что с ним управился кто-то совсем другой»? Если официальные, имеющие ход к европейским и американским покровителям, лица сирийской оппозиции, а также лояльное ей духовенство еще делают какие-то попытки оправдаться, то низовой уровень «борцов с режимом», равно как и его саудовские вдохновители не затрудняют себя подобными «глупостями».

Сразу после смерти Рамадана аль-Бути стали появляться поистине «инопланетные» версии его смерти — то «дочь» шейха обвиняла многострадального Башара Асада в его убийстве, и угрозах изнасилованием своих сестер, то появившемуся заявлению о том, что Бути был расстрелян, а не взорван. К настоящему времени значительное количество бреда, появившегося в связи с гибелью ученого, опровергнуто, однако не сделано главное — до сих пор не найдены исполнители теракта. Вместе с тем, определенная надежда на возмездие есть. Башар Асад сразу же после убийства шейха заявил о том, что экстремисты будут стерты с лица земли солдатами армии Сирии.

Реакция мирового сообщества на убийство шейха аль-Бути

Негативная реакция на подлую расправу над ученым и его студентами сирийского президента была поддержана значительной частью мирового сообщества. Согласно заявлению МИД Ирана, данный теракт стал ничем иным, как преступлением против исламской религии и всего человечества. Представители ИРИ не сомневаются в том, что убийство шейха аль-Бути было спланировано американским и сионистским режимами, которые поставляют в регион оружие и готовят бойцов сирийской оппозиции. Официальный Тегеран также выступил с жестким осуждением чудовищного теракта

Негативная реакция на подлую расправу над ученым и его студентами сирийского президента была поддержана значительной частью мирового сообщества

в мечети аль-Иман. В специально опубликованном манифесте МИД Ирана осуждены также и остальные террористические акты в Сирии. Иран не только указал на сионистские, европейские и арабийские «корни» данного явления, но и, в духе погибшего Шейха, призвал воюющие стороны к диалогу. По мнению Тегерана, внимание всех мусульман и свободных людей мира должно быть привлечено вопиющим случаем расправы над мусульманским ученым. После таких инцидентов нельзя молчать, ибо, дальнейшее молчание может привести к продолжению подобных акций. Тегеран настаивает на скорейшем международном расследовании убийства и привлечении всех виновных к суровой ответственности.

Председатель Всемирной ассамблеи сближения исламских мазхабов аятолла Мохсен Араки назвал смерть шейха аль-Бути мученической, а советник

Верховного лидера Ирана Мохаммад Али аль-Тасхири отметил, что его уход является большой утратой для исламского мира. Осудили убийство Рамадана аль-Бути и сирийские студенты, обучающиеся в России и Иране, и даже представители ливанской партии Хезболла.

Не выдерживают порой нервы и у зарубежных политиков недружественных Сирии стран, уделяющих внимание «сирийскому вопросу». Так, турецкий парламентарий, член Народно-республиканской партии Али Оз Гюндюз обвинил в причастности к гибели шейха аль-Бути не только не раз звучавшие в речах самого шейха Израиль, США, Катар и Саудовскую Аравию, но и собственное правительство, также активно поддерживающее сирийскую оппозицию.

Акции памяти и скорби по погибшему исламскому ученому прошли и в ряде европейских стран. К примеру, в Париже был организован целый митинг протеста против жестокого убийства. Выразить свою солидарность с позицией шейха пришли не только сирийцы, но и представители других общин Франции, а также коренные жители этой страны. Несколько подобных акций прошли и в России. В частности, в Грозном в Центральной мечети «Сердце Чечни» верующие совершили джаназа-намаз (т. е. заупокойную молитву) по мученически погибшему шейху. Пришедшие в тот день в мечеть граждане решительно осудили совершенное против аль-Бути и его учеников преступление.

Соболезнования родным и близким шейха выразил на своем официальном сайте и Совет муфтиев России. В опубликованном сообщении смерть аль-Бути названа печальной вестью, несмотря на то, что ни одной версии, относительно виновников происшествия, там не приведено. Стоит отметить, что сочувствие сирийцам, потерявшим Рамадана аль-Бути для наших сограждан — не пустая формальность. Уроки шейха посещали и многие российские студенты, обучавшиеся в Сирии исламским наукам. В этой связи уместно сказать, что многие российские мусульмане ожидали от Совета муфтиев России более выразительной позиции по поводу убийства этой масштабной личности.

Уже сейчас проводятся параллели между гибелью Саида Рамадана аль-Бути и трагической кончиной другого известного мусульманского лидера, уже российского, Саида-Афанди Чиркейского. В том и другом случае — взрыв, осуществленный смертником. Оба погибших — столпы исламской ортодоксии, борцы с ваххабизмом и салафизмом, сторонники диалога и противники насилия. В этой связи не лишним было бы задуматься об общих корнях двух преступлений и, возможно, общих «кукловодах» убийц...

После шейха аль-Бути...

К чему приведет гибель Саида Рамадана аль-Бути? Если говорить о тех, кто разделял взгляды шейха она, по выражению уже упомянутого аятолы Мохсена Араки, не только послужит консолидации всех приверженцев настоящего ислама в единый фронт, но и полной их победе над экстремистами и террористами, угрожающими жизням тысяч мирных граждан. Хочется верить, что жертва, принесенная шейхом аль-Бути будет не напрасной. Его убийство продемонстрирует истинное лицо, как сирийской оппозиции,

так и ее союзников — режимов Катара, Саудовской Аравии, правительств США, Израиля и Турции. Гибель аль-Бути, как и других религиозных лидеров Сирии имеет шанс окончательно разделить в этой стране «добро и зло». Вопреки лжи, озвучиваемой, как повстанцами, так и союзными им медиа, такими, как телеканал «Аль-Джазира», правительство Башара Асада — не «кровавый алавитский режим», а орган, поддерживаемый народом этой страны, в том числе и его суннитской частью. Мученик, шахид аль-Бути — отнюдь не единственный крупный суннитский ученый, понимающий суть происходящего конфликта и не купившийся на призывы и посулы оппозиции. Не стоит забывать, что на тех же позициях стоит и муфтий Сирии Ахмад Бадр ад-Дин Хассун, которого не заставила изменить законному правительству страны даже гибель от рук боевиков собственного сына. Такие взгляды разделяются в САР многими богословами, политиками, военными и простыми гражданами.

Гибель аль-Бути, как и других религиозных лидеров Сирии имеет шанс окончательно разделить в этой стране «добро и зло»

А что же оппозиция? Что получает она, убив крупного религиозного лидера? Вне сомнения, огромное моральное (если подобные люди имеют понятие о морали) удовлетворение, перспективу запугивания, как простого населения Сирии, так и ее духовных лидеров, а также возможность продемонстрировать свою «силу». Кроме того, оппозиционеры лишаются сильного критика, знающего

изнутри ситуацию в стране, сущность ее протестного движения и при этом имеющего огромный авторитет и обширные международные связи.

Однако устранение столь опасного идеологического противника, как аль-Бути, может стать тем грузом, от которого утлое суденышко сирийской оппозиции попросту затонет. Гибель шейха, возможно, окончательно даст понять всем здравомыслящим людям, не только в Сирии, но и во всем мире, то, что из себя представляют собой противники официального Дамаска. Боевики и бандиты, не просто оправдывающие насилие, а совершающие его, не просто проклинаящие лучших людей страны, а убивающие их, не просто запугивающие ее население, а терроризирующие его, не могут долго пользоваться поддержкой граждан, обществ, режимов, хотя бы претендующих на цивилизованность. Возможно, именно с 21 марта 2013 года изоляция сирийского правительства постепенно пойдет на нет. В это очень хочется верить.

В завершение — небольшой постскрипtum. Сирийские боевики, убившие Саида Рамадана аль-Бути, по-видимому, не считали его, человека, призывавшего к диалогу и взаимопониманию, умеренности и терпению, достойным себя мусульманским лидером. На днях салафитский шейх из Иордании Ясир аль-Адждауни, объявил для восставших против Башара Асада «бойцов» захват и насилия над немусульманскими и несуннитскими женщинами «законной фетвой». Своим «блестящим» решением этот так называемый «богослов» дает каждому из нас понимание того, каким должен быть истинный духовный лидер для «бойцов» сирийской оппозиции. Если это станет понятно и значительной части общества стран, поддерживающих «борцов с режимом», «демократический» ореол оппозиционеров будет уничтожен, а мир в Сирии наступит очень быстро.

Икрам Нур Шабири

Турция — Израиль: субподрядчики американского «перезапуска»

«Израильяне любят Турцию» — написано на плакате одного из тургентств в Тель-Авиве. Туроператоры полны оптимизма, и надеются, что курорты турецкой Анталы вновь наполнятся израильскими туристами, как это было всего четыре года назад. Ведь «Биби» Нетаньяху принес свои извинения турецкому премьеру Эрдогану, а тот эти извинения принял. Западные медиа говорят, что поездку Барака Обамы на Ближний Восток можно считать удавшейся хотя бы из-за примирения Турции и Израиля. Два мощных и влиятельных государства региона вновь сближаются и готовы к совместным политическим ходам на заминированном поле ближневосточного перезапуска. Но насколько прочны будут их отношения после серии демаршей в отношении друг друга? Куда будут обращены их совместные усилия? Вот вопросы, правильные ответы на которые определяют ситуацию на Ближнем Востоке, в «шиитском полумесяце» Большого Ирана и в постсоветских Центральной Азии и Закавказье.

Эпоха сердечного согласия до Эрдогана

Турция была первой мусульманской страной, признавшей Израиль в 1949 году. Анкара как форпост НАТО в регионе и Тель-Авив как силовой противовес «арабскому социализму» — две страны были обречены на альянс. Тем более что это отвечало интересам и главного их стратегического союзника — США. Факт партнерства и общности интересов был закреплен договором, а точнее — протоколом 1958 года, который подписали премьер-министр Турции Аднан Мендерес и легендарный Давид Бен Гурион. Документ предусматривал самое широкое сотрудничество в военной и экономической областях, а дополнительный меморандум объявлял о совместной борьбе с экстремизмом (под которым тогда подразумевалась деятельность палестинцев и турецких курдов) и о противостоянии «расширяющемуся советскому влиянию».

Революция 1979 года в Иране только укрепила этот союз. У Анкары и Тель-Авива появился вполне серьезный общий геополитический противник. Его

усиление угрожало интересам обеих стран, а ничего не сплачивает больше, чем дружба против кого-то конкретного. Революция в Иране создала некую общую угрозу, перед которой элиты двух стран объединились, а у возникающего альянса появилась внутренняя динамика, подхлестываемая внешней угрозой.

В 1991 году, когда холодная война близилась к завершению, Турция и Израиль перевели дипломатические отношения своих государств на уровень послов. Спустя пять лет было заключено полномасштабное военное соглашение между двумя странами. Кроме поставки израильской военной техники Анкаре и модернизации турецких военных самолетов в Израиле, соглашение также предусматривало создание объединенной группы военно-стратегических исследований, обучение турецких офицеров в Израиле, обмен разведывательной информацией. Отдельными статьями соглашения оговаривались проведение совместных сухопутных, военно-морских и военно-воздушных маневров, тренировочные полеты турецких самолетов в израильском небе и, соответственно, израильских — в турецком. Соглашение было подписано в период первого премьерского срока Биньямина Нетаньяху и до сих пор считается одним из самых серьезных дипломатических успехов Израиля.

В 1991 году, когда холодная война близилась к завершению, Турция и Израиль перевели дипломатические отношения своих государств на уровень послов

Последствия данного договора не исчерпывались исключительно военной сферой. Его реализация вела к возникновению тесной связи между политическими, военными и разведывательными элитами двух стран, к выработке у них общего видения на те или иные внешние угрозы, на геополитические расклады в регионе. Не менее важ-

ный в этом контексте элемент связан с произраильским лобби в США и его возможностями. Сближение с Тель-Авивом позволяло Анкаре использовать возможности этого лобби, что вскоре принесло весьма ощутимые плоды. Именно благодаря усилиям израильского лобби в США были созданы препятствия для проекта резолюции Конгресса, связанного с признанием факта геноцида армянского народа, уже подготовленного под давлением лобби армянского.

В 1997 году состоялись визиты министра обороны Израиля Ицхака Мордехая в Турцию и министра обороны Турции Турана Таяна в Израиль. Неделю спустя после визита турецкого министра на встречу с И. Мордехаем прибыл начальник Генштаба Турции генерал Чевик Бир в сопровождении 23 офицеров. В начале января 1998 года состоялись первые совместные военно-морские маневры Израиля, Турции и США под названием «Надежная русалка».

Военное сотрудничество дало толчок и развитию экономических отношений между двумя странами. С подписанием договора 28 августа 1996 года был подписан договор о сотрудничестве в области оборонной промышленности. А в 1998 году во время визита премьер-министра Турции Месута Йылмаза в Израиль был заключен договор о свободной торговле.

Этот экскурс в историю отношений Тель-Авива и Анкары в эпоху холодной войны необходим для того, чтобы понять — сердечное согласие двух

стран и их партнерство изначально подразумевало наличие внешнего врага — СССР-Россию, Сирию, Иран. Соответственно, это партнерство как нельзя более полно отвечало интересам США в регионе, более того, давайте уж называть вещи своими именами, было инструментом его политики, а потому — пользовалось его вниманием и поддержкой. Внешне — США играли посредническую роль в укреплении альянса. Но на самом деле именно американские интересы в регионе создавали фундамент турецко-израильского партнерства.

Кстати, антисирийская и антииранская направленность этого альянса ни для кого секретом не была. И другие союзники США в регионе относились к данному факту более чем одобрительно. Когда на совещании Лиги арабских государств Сирия, ощутившая уже в те годы агрессивный потенциал альянса, выдвинула предложение принять резолюцию, осуждающую турецко-израильское военное сотрудничество, то ее инициатива была не просто отклонена. Представители Иордании и Омана выразили мнение о том, что альянс Анкара-Тель-Авив не представляет опасности для арабского мира. Впрочем, никого это особо не удивило. Нефтяные монархии Персидского залива и иорданский король Абдалла Второй просто в очередной раз продемонстрировали, что интересы США для них важнее вопроса о Палестине и Иерусалиме.

Эрдоган в поисках нуля

Как только в 2002 году «Партия справедливости и развития» единолично осталась у власти, внешняя политика Анкары стала напоминать некие хаотичные подергивания, которые официально назывались «ноль проблем с соседями», «максимум консолидации», «ритмичная дипломатия». Но этот хаос и неупорядоченные связи имели свою внутреннюю логику. Членство в НАТО и вступление в ЕС были стратегическими приоритетами турецких политических элит и остаются таковыми на сегодняшний день. Вопрос для Эрдогана и руководства ПСР заключался в другом — как повысить свой статус на внешнеполитической арене, добиться положения «особого партнера» в глазах Запада и при этом не растерять поддержку внутри страны.

Исламские ценности, о которых говорят лидеры ПСР — это лишь инструмент, который избран Эрдоганом для приобретения «особого статуса Турции». Это ответ на рост национализма в стране, на стремление политических элит Турции к региональному доминированию и лидерству в тюркском мире. Если внимательно анализировать действия Анкары, то создается впечатление, что Эрдоган и Давутоглу избрали во внешней политике роль «вечного модератора» и «постоянного посредника». Это, возможно, выигрышная позиция, но выигрышна она лишь на коротких дистанциях. Стремясь получить максимум бонусов в глазах исламского мира, Эрдоган предпochел жесткую позицию в отношении Израиля, что неизбежно вело к припису в отношениях и, как вскоре оказалось, серьезно снижало возможности для турецких дипломатических маневров. Первый кризис в турецко-израильских отношениях был связан с тем, что Анкара, чтобы улучшить свой престиж в глазах исламистского электората в феврале 2006 года, стала первой страной, которую посетил с визитом победивший на выборах в Палестине лидер ХАМАСа Халед Машаль. Итогом кризиса стало то, что израильское

лобби начисто отказало новому руководству Турции в своей поддержке.

Но это было лишь начало. Переговоры между Израилем и Сирией при посредничестве Турции в 2007 году имели все шансы стать опорой процесса мирного урегулирования на Ближнем Востоке. Турция успешно выполняла посреднические функции между сторонами, и казалось, что до заветной цели Анкары — особого уважения и возможности решать важнейшие проблемы региона — было рукой подать. Но близившиеся к успеху переговоры были прерваны операцией «Литой свинец», которую 27 декабря 2008 года начал Тель-Авив в секторе Газа. Поскольку операция была начата сразу же после визита премьер-министра Израиля Эхуда Олмерта в Анкару, Турция, посчитала себя обманутой. В реальности же наступила расплата за односторонний выход из турецко-израильского альянса.

Столь же неудачными были и попытки Анкары сыграть особую роль в диалоге Запада и Ирана по поводу ядерной программы последнего. Анкара подчеркивала значимость партнерских отношений с Ираном, демонстративно говорила о том, что не поддерживает односторонние санкции в отношении исламской республики, введенные в январе 2012 года Вашингтоном. Эрдоган говорил о праве Ирана на мирный атом, Ахмед Давутоглу заявлял, что «мы не позволим кому-либо вбить между нами (Ираном и Турцией) клин». Но одновременно с этой риторикой — шел поиск Турцией партнеров для замещения импортируемых из Ирана энергоресурсов, а министр энергетики Танер Йылдыз постоянно подчеркивал необходимость расширения импорта энергоресурсов из Саудовской Аравии, Ливии и, особенно, из Азербайджана.

Подобная непоследовательность была во всем. Руководство Турции пыталось установить «особые отношения» с арабскими монархиями, а буквально через день Эрдоган заявлял, что его настораживает излишняя внешнеполитическая активность монархий Персидского залива и беспокоит исходящая оттуда экспансия ваххабизма. Но вот какой интересный момент: даже если не обращать внимание на то, что нынешний президент Турции А.Гюль восемь лет отработал экономическим советником в Исламском банке развития в Джидде (Королевство Саудовская Аравия), а ряд влиятельных сегодня в Турции политиков имеют очень тесные связи с Королевством, то ежегодные транши «зеленых денег» в Турцию из монархий Залива в размере от \$6 до \$12 миллиардов — факт, заставляющий с изрядным скепсисом относиться к антисаудовской риторике турецких политических лидеров.

Подобная непоследовательность была слишком очевидной, чтобы оставаться безнаказанной. «Особого диалога» с Тегераном не получилось, как не получилось достичь с Эр-Риядом и Дохой полноценного соглашения по Сирии и ее «пост-асадовскому» обустройству. А Тель-Авив, который и без того всегда «себе на уме», который в любых союзах и альянсах стремится к реализации, в первую очередь, своих интересов, решил, что пара публичных пощечин Эрдогану совершенно не повредит. Как итог — новый виток кризиса в двусторонних отношениях: скандал в Давосе-2009, история с «Флотилией мира» и так далее. Впрочем, эти события достаточно полно описаны, чтобы пересказывать их вновь. Более важным является то, что при всех поворотах отношений и публичных скандалах, альянс продолжал существовать, пусть и в менее заметной широкой публике форме.

Обама примиряющий

Впечатления от успешности Обамы в роли миротворца и примирителя Анкары и Тель-Авива, «эпохальность извинений Израиля» портят несколько обстоятельств. На официальном уровне — да, Анкара и Тель-Авив обменивались резкими заявлениями. На бытовом — да, существовало напряжение, было даже снято замечательное кино «Долина волков. Палестина» с блестящим Неджати Шашмазом. Однако, экономические отношения между двумя странами в этот период... успешно развиваются. Если посмотреть динамику, то за первые 10 месяцев 2010 года (как раз в год инцидента с «Мави Мармара») импорт из Турции в Израиль увеличился на 18%, а израильский экспорт в Турцию подскочил на 29%. Смотрим год 2011. По данным израильского Института экспорта, с января по август, торговля между Израилем и Турцией выросла еще на 26%, составив 2,8 миллиарда долларов, а импорт из Турции, вырос за указанный период, в среднем на 23%. Где здесь серьезное ухудшение отношений?

Да, правительство Эрдогана на некоторое время заморозило с Израилем государственные заказы для оборонной промышленности. Израиль в свою очередь решил не возвращать Турции 5 БПЛА Heron, которые нуждались в замене двигателей, а также отказались поставлять ракеты Барак-8, и реактивные бронеконструкторы для танков М-60. Была приостановлена модернизация четырех АВАКС'ов, приобретенных Турцией у США, на которых израильская IAI-Elta должна установить программную систему поддержки стоимостью в 25 миллионов долларов. Но потом, когда общественное возмущение стихло, военнотехническое сотрудничество вновь начало входить в прежнее русло, а сотрудничество спецслужб и не прекращалось.

Создается впечатление, что публичное обострение отношений с Израилем, на которое пошел Эрдоган, было рассчитано на внутривнутриполитический эффект, было, так сказать, «явлением для внутреннего употребления». В реальности же отношения с Израилем оставались чрезвычайно важными для Турции, особенно с учетом ее долгосрочных интересов. И демонстративные шаги Эрдогана если и были восприняты с одобрением частью турецкого общества, то согласия между турецкими политическими элитами не добавили.

Разрыв отношений с Израилем не давал Турции никаких внешнеполитических и экономических преимуществ, разрушал баланс в отношениях с соседями по региону, ослаблял позиции Анкары на переговорах с Саудовской Аравией и Катаром. Другое дело, что выйти из этой ситуации Эрдогану надо было с наименьшей потерей лица. Потому и публичный «акт примирения» был раздут медиа как событие чуть ли не мирового значения.

Суть состоявшегося примирения при посредничестве Обамы заключалась в том, что перед мировой общественностью трио Вашингтон-Анкара-Тель-Авив разыграло спектакль. Вашингтон выступил посредником, продемонстрировав свое влияние на две ключевые страны региона, что несколько

Создается впечатление, что публичное обострение отношений с Израилем, на которое пошел Эрдоган, было рассчитано на внутривнутриполитический эффект

снизило критику ближневосточной политики нынешней администрации внутри страны. Израиль показал себя государством, способным на компромисс, нежелание достигать который ставится ему в вину во всем мире. Эрдоган чуть ли не заработал лавры «национального героя тюркского мира».

А в итоге — альянс официально восстановлен, готов к решению поставленных Вашингтоном задач в регионе и на прилегающих к нему пространствах. Кроме того, теперь и Анкаре, и Тель-Авиву будет проще объяснять общественности своих стран совместные шаги в Леванте, вокруг Ирана, на Кавказе и в Центральной Азии.

Иран, Россия и новый старый альянс

Для чего США понадобился новый альянс — достаточно очевидно. В чем суть затеянного Вашингтоном «переформатирования», десятилетний юбилей которого регион будет «отмечать» в нынешнем году? Приход к власти в государствах Ближнего Востока (и не только) тех политических элит, которые сформировались в результате «национальных модернизаций», которые считают западный путь развития единственно возможным, а «общество потребления» — идеалом (ну, может с некоторым отклонением в сторону местной специфики).

Но реализация этого плана столкнулась со значительными трудностями, Вашингтон откровенно недооценил влияния Ислама и переоценил привлекательность «западного образа жизни» для населения государств региона. Пока что власть перехватывают «исламские традиционалисты». За годы борьбы с ними режимов, которые в той или иной мере поддерживал Вашингтон, они сформировались как гибкая политическая структура, пользующаяся поддержкой и авторитетом у населения, способная действовать в условиях «управляемого хаоса». Но в Белом Доме оптимизма не теряют, логично рассуждая о том, что все течет, все меняется, лет через пять «весенняя пена» постепенно схлынет, и к власти придут проамериканские элиты.

Пока же перед Вашингтоном стоит проблема утилизации «горючего материала», тех, кого Запад сначала выпестовал, а теперь «не признает», называя «исламистами» и «террористами». Куда канализовать недовольство «умеренных»? Только в идею Аль-Кудса, в возвращение Иерусалима. Политическая борьба вокруг этого вопроса длится уже 65 лет, и может продлиться еще столько же, если США и Западу в целом удастся сохранить военно-политический баланс «обновленных арабской весной» государств и альянса Турция-Израиль. Если посмотреть историю поддержки арабскими странами Палестинского движения сопротивления — то ничего особо сложного в этой задаче нет. И Анкаре здесь отводится роль инициатора нового мирного процесса, учитывая уже имеющийся опыт и установленные в палестинской среде связи.

Израилю и Турции предстоит также и «работа» в Сирии. По представлениям вашингтонских аналитиков, их совместные действия должны, во-первых, не допустить превращения приграничных районов в «дикие земли», левантский вариант Сомали. Во-вторых, сделать все, чтобы Эр-Рияд и Катар не оказались в числе тех, кто получит от свержения Сирии максимальные бонусы. И в-третьих, максимально ослабить и убрать с политической арены Леванта Хезболлу.

Кроме того, Вашингтон рассчитывает, что совместными турецко-израильскими усилиями «умеренные» будут втянуты в подогреваемое извне суннитско-шиитское противостояние, в борьбу с ростом значения Ирана как региональной державы. Исламская Республика была и остается основным противником альянса в регионе, а сочетание израильских угроз и турецких «мягких методов» существенно расширяет его возможности в давлении на Тегеран.

Если же говорить не об «умеренных», а о «непримиримых», то они будут задействованы в экспансии «агрессивного Ислама» в «шиитский полумесяц», на Кавказ, в Центральную Азию. И этой своей гранью израильско-турецкий альянс направлен против России. Совместные действия Турции и Израиля уже обеспечили антироссийскую и антииранскую ориентацию Азербайджана. Но это не конечная точка, в перспективе — новая, прозападная конфигурация Южного Кавказа. Итоги закончившегося вчера визита Эрдогана в Кыргызстан также заставляют серьезно задуматься. Пророссийская элита Бишкека не столь сильна, как это порою принято представлять в Москве, а политические, экономические и культурные позиции Турции в Кыргызстане уже сегодня сильнее российских.

Для Москвы и Тегерана пришло время задуматься о своем отношении к израильско-турецкому альянсу и его возможной стратегии. Этот альянс — инструмент США, своеобразная форма политического аутсорсинга для работы в регионах. Но его прикладной характер только увеличивает количество вызовов для внешней политики стран, против которых он направлен.

Шахерезада по-Американски или тысяча первая сказка о связях Ирана с Аль-Каидой

«Н

ет ничего тайного, что не стало бы явным». Очевидное до банальности, затертое от частого употребления, это выражение приобретает новые краски в свете происходящего в Сирии. «Внезапно» выяснилось, что в союзниках у США и ЕС — та самая Аль-Каида, на борьбу с которой Запад тратит сотни миллионов, под предлогом борьбы с которой с кровью разодран Ирак, во имя победы над которой в афгано-пакистанской Зоне племен «дроны» десятками бессудно убивают людей, «похожих на террористов». То, что принято называть «Аль-Каидой» — в Сирии действует на стороне Запада. Чуть раньше тоже самое происходило в Ливии. А если посмотреть, но кого направлено острие атак «местных отделений Аль-Каиды» в Пакистане, Леванте, Магрибе и далее везде, то выяснится удивительная картина — под удар «международных исламских террористов» попадают в основном те, кто по тем или иным причинам являются противниками продвижения интересов Запада в этих регионах. Но еще более удивительным является то, что в связях с Аль-Каидой продолжают обвинять... Иран.

Впрочем, не только в связях с Аль-Каидой. Еще известная борец за демократию во всем мире Конди Райс заявляла, что «Иран был и остается страной, которая является одним из крупнейших спонсоров терроризма, в таких важных для нас территориях как Ливан, Палестина, Ирак и Афганистан». В Белом Доме она уже не работает, но заданное ею направление мысли остается неизменным: «Иран остается активным спонсором терроризма, продолжает активно оказывать финансовую, материальную и материально-техническую поддержку террористическим организациям и группам боевиков по всему Ближнему Востоку и Центральной Азии» (U.S. State Department Country Reports on Terrorism 2011 — Chapter 3: State Sponsors of Terrorism). Сказочники, однако...

Ведь когда дело доходит до доказательной базы, до конкретных фактов причастности Ирана к поддержке террористов и Аль-Каиды — начинаются откровенные недоразумения, позволяющее с полным основанием утверждать, что обвинения Ирана в поддержке терроризма — это часть спланированной кампании по оказанию давления на Исламскую Республику. Что это предлог для антииранских действий, причем предлог надуманный.

В июне 2008 года премьер Великобритании Гордон Браун отдал распоряжение заморозить активы филиалов иранских банков, действующих на территории Соединенного Королевства, и рекомендовал принять аналогичные меры государствам-участникам Британского Содружества. Мотивом такого решения послужила предоставленная разведкой информация о том, что Иран, якобы, поставляет оружие талибам и группам Аль-Каиды в Афганистане, что привело к гибели британских военнослужащих. Надуманность обвинений была столь очевидной, что с его опровержением выступил Крис Алексанер, заместитель представителя ООН в Афганистане, до этого бывший послом Канады в Кабуле. В интервью *Canwest News Service* он сказал, что «Иран не является источником поставки оружия талибам. Это утверждение просто не соответствует действительности. На самом деле Иран выступает против талибов, Иран является активным участником международного партнерства по восстановлению Афганистана. Его финансовая помощь в деле восстановления Афганистана составляет десятки миллионов долларов, а его инвестиции в промышленность этой страны приближаются к сотне миллионов». Разумеется, британское руководство это мнение проигнорировало.

В январе-феврале 2012 года США и Евросоюз принимают пакет тех самых «калечащих санкций», которые должны обвалить иранскую экономику. Были прекращены все сделки с финансовыми институтами и компаниями, которые так или иначе сотрудничают с Центробанком Ирана, все иностранные компании, чьи акции торгуются на американских биржах, обязали предоставить в Комиссию по ценным бумагам и биржам США документы, указывающие на отсутствие либо наличие контактов с иранскими компаниями. Совет ЕС ввел запрет на импорт, приобретение и транспортировку иранской нефти и нефтепродуктов, а также относящиеся к ним финансовые и страховые операции. Кроме того, был наложен запрет на экспорт в Иран нефтехимического оборудования, передачу соответствующих технологий, инвестиции в иранские компании нефтяного сектора и создание совместных предприятий. Этот пакет санкций встретил весьма прохладное отношение и в мире, и в американских и европейских деловых кругах, а его почти трехмесячная подготовка вызвала достаточно острую дискуссию в лоббистских и экспертных кругах Вашингтона...

И вот тут, как по заказу, возле здания израильского посольства в Дели прогремел взрыв. Индийское ТВ сообщает, что взорвался автомобиль израильской дипломатической миссии: два человека были ранены в машине, пострадало еще несколько человек. Одновременно из Тбилиси поступила информация о том, что возле посольства Израиля было обнаружено взрывное устройство. Внимание на подозрительный предмет обратил один из сотрудников посольства. На место происшествия были вызваны полицейские саперы. Представители посольства Израиля в Грузии сообщили радиостанции, что взрывное устройство было успешно обезврежено. В результате инцидента никто не пострадал. Практически сразу была выдвинута версия о причастности Ирана к этим терактам. «Калечащие санкции» сразу получили одобрение «морального большинства»: Иран не только создает ядерную бомбу, но и организует теракты по всему миру. Впрочем, поднявшийся было шум быстро стих. «Иранский след» привел к организации «Моджахеддин-э Хальк», которые не только являются активными врагами существующего строя Исламской Республики, но и... планировались в это

время администрацией США к исключению из списков террористических организаций, куда были внесены в 1996 году за участие в убийствах американских граждан.

Не менее сказочно и эпично получается розыгрыш карты «связь Ирана с Аль-Каидой» и у тех, кому метастазы «исламского экстремизма» обязаны финансовой, материальной и идеологической подпиткой. В октябре 2009 года саудовская «Аль-Шарк аль-Авсат» опубликовала подробности процесса в уголовном суде, специализирующемся на терроризме и государственной безопасности в Эр-Рияде.

В соответствии с материалами дела, «террористическая ячейка, связанная с «Аль-Каидой», в сотрудничестве с иранцами намеревалась убить видного шиитского деятеля в восточном регионе [королевства] с целью посеять межрелигиозную рознь в Саудовской Аравии и отвлечь внимание сил безопасности, которые все плотнее и плотнее сжимали кольцо вокруг элементов этой организации внутри Саудовской Аравии». Кроме того, в качестве доказательства того, что Иран пытался использовать Аль-Каиду в качестве карты в спорах с Саудовской Аравией, фигурировало заявление, якобы сделанное Мохаммедом аль-Авфи (тем самым, который объявил о создании «Аль-Каиды на Аравийском полуострове» в 2009 году) о том, что Иран снабжал филиал Аль-Каиды в Йемене разведанными. Подлинность этого заявления никогда и нигде доказана не была, о том, что такое заявление действительно было сделано — известно из весьма «мутных» источников. А вот доказательства истинного отношения «Аль-Каиды на Аравийском полуострове» (АКАП) к Ирану содержатся в подлинной аудиозаписи, полученной американской группой SITE Intelligence. В аудиозаписи, предназначенной для членов и последователей АКАП, лидер этой организации, Мухаммед бин Абдул Рахман ар-Рашид предупреждает, что мусульмане-шииты, в частности, Иран, представляют большую опасность для мира, чем евреи или христиане: «Они (шииты) подвижны жадностью в своем стремлении захватить мусульманские страны, и они полны желания уничтожить суннитов. Их угрозу для ислама и мусульман гораздо больше, чем со стороны евреев и христиан. Мы призываем верных противостоять шиитам любыми средствами, чтобы предотвратить угрозу со стороны Ирана и тех, кто является сторонником шиитской веры в регионе»...

Да, есть еще одно обвинение Ирана, получившее широкое распространение в российской экспертной среде и масс-медиа. Тем, кто его выдвигает, оно кажется неотразимым для доказательства связей Ирана с террористами. Речь идет об известном тезисе: «Иран открыто поддерживает террористическую организацию Хезболла». Но и тут не обходится без некоторого конфуза. Дело в том, что «террористической» Хезболлу считают лишь несколько стран: США, Великобритания, Нидерланды, Канада, Австралия, Египет и примкнувший на днях к этому списку Бахрейн. Согласитесь, этого не вполне достаточно, чтобы утверждать о «террористическом характере» организации, которая имеет 11 депутатов в ливанском парламенте (всего в возглавляемую ей коалицию входят 57 депутатов из 128). Да и утверждения об «абсолютно проиранской» ориентации Хезболлы основываются на устаревших и односторонних взглядах, там все далеко не так однозначно, как было в 1982 году. Словом, и здесь не все срастается у «сказочников». Надуманность обвинений Ирана в связях с Аль-Каидой очевидна любому не-

предвзятому аналитику. «Существенной информации, позволяющей говорить о наличии рабочих взаимоотношений между Ираном и «Аль-Каидой», сегодня нет», — заявляет на брифинге сотрудник Госдепартамента США.

Бывшая сотрудница Совета национальной безопасности Хиллари Мэнн Леверетт (Hillary Mann Leverett), работавшая там при Клинтоне и Буше, призывает проводить четкие различия между Ираном и «Аль-Каидой», отметив, что Тегеран в прошлом выслал более 200 боевиков этой организации, проникнувших на его территорию, и даже передал в ООН копии их паспортов. «Мне кажется, сейчас налицо лихорадочная военная истерия», — говорит она, — «многое из этой информации звучит необоснованно и вызывает сомнения».

Комиссия 9/11 заявила, что она «не нашла доказательств того, что Ирану или Хезболла было известно о планировании за то, что позже стало 9/11 нападение», и что «тема требует дальнейшего изучения со стороны правительства США». Все обвинения Ирана на этот счет строятся на показаниях двух перебежчиков, личности которых тщательно скрываются и о которых со слов американских спецслужб известно лишь то, что они работали в Министерстве информации Ирана. «В 2003 году, перед тем, как войска международной коалиции вторглись в Ирак, правящий режим Ирака обвинили в сотрудничестве с Аль-Каидой. Поэтому вполне вероятно, что дальнейшие события с Ираном пойдут по тому же пути», — констатирует *Foreign Policy Journal*.

***

Сказки Вашингтона о связях Ирана с Аль-Каидой строятся на мифе, который Запад успешно внедрил в международное общественное сознание. На мифе о том, что существует глобальная террористическая угроза. Из этого вполне логично вытекает и то, что существует и глобальный террористический заговор Аль-Каиды, и то, что должна вестись глобальная война с терроризмом (разумеется, под предводительством США).

Но что мы видим в действительности? Никакой «международной Аль-Каиды» не существует. Есть «субподрядные организации», прикрывающиеся лозунгами Ислама, действия которых в конечном итоге отвечают геополитическим интересам США, что наглядно продемонстрировали события в Ливии и Сирии, что становится очевидным при анализе разворачивающихся событий в Пакистане, на Кавказе, в Центральной Азии и «шиитском полумесяце».

Чтобы скрыть это неприятное обстоятельство, Запад действует в полном соответствии с русской присказкой — «с больной головы на здоровую». Сегодня в терроризме обвиняют Сирию и Иран. Кого обвинят завтра? Россию и Китай? Для политических элит, не обласканных стратегическим партнерством с Вашингтоном, а руководство России и Китая явно к таковым не относятся, крики западного сообщества о «поддержке терроризма» должны вести не к мобилизации на «глобальную войну с Аль-Каидой», а к пристальному изучению действий того, кто громче всех об этом кричит и рассказывает миру сказки...

Ольга Жигалина

Курдский вопрос в Иране

Идея о создании «Великого Курдистана» живет не только в умах и сердцах десятков миллионов курдов, но и является важнейшей частью американской доктрины «Большого Ближнего Востока». В реализации этого проекта заинтересованы также Саудовская Аравия и другие монархии Персидского залива, которые хотят быстрого расчленения Ирака, Сирии, Ирана и Турции. Вашингтон активно разыгрывает «курдскую карту» в регионе и намерен использовать курдов как «пятую колонну» для усиления давления на правящие режимы, прежде всего в Сирии и Иране.

Этнополитические процессы, происходившие в последние годы в курдских ареалах Ирака, Сирии и Турции, являющихся частями бывшей Османской империи, не могли остаться незамеченными и иранским руководством, заботящимся о поступательном развитии своего государства и сохранении его территориальной целостности. Кабинет действующего президента Махмуда Ахмадинежада прилагает значительные усилия к разрешению наиболее острых социально-экономических и политических проблем страны, к числу которых относится и курдский вопрос. После свержения шахского режима, как известно, курды добивались предоставления им национальной автономии в рамках Исламской Республики Иран. Однако в то время для формы самоуправления каким-либо отдельным регионом не было достаточной законодательной базы и к тому же такая инициатива не совсем вписывалась в тогдашние принципы шиитского теократического государства.

Курдский ареал Ирана, условно именуемый Иранским Курдистаном, по представлениям курдов охватывает четыре иранских провинции — Курдистан, Керманшах, Западный Азербайджан и Илам, курдское население которых составляет от 6 до 7 млн или 7–9% от всего населения страны. Курды проживают также в северном Хорасане и в северо-восточном Иране, крупных административных центрах (Тегеране, Сенендедже и др.). По вероисповеданию значительная их часть является суннитами, но среди курдов есть и шииты, адепты шиитских сект (али-иллахи), езиды, суфии и пр.

Иранское руководство заинтересовано в сохранении стабильности в стране и «многонационального государства как единого целого». Кроме того, политическая конфронтация Ирана с США и Израилем и некоторые другие сопутствующие причины, в частности, ограничительные санкции ООН и стран Запада, побуждают иранское руководство проводить курс на дальнейшую интеграцию страны. В этих целях иранские власти пытаются ускоренно развивать экономику курдского региона, основой которой пока остаются

ся сельское хозяйство — земледелие и скотоводство, а также ремесленное производство. Иранские провинции с преимущественным курдским населением являются житницами страны: в провинции Керманшах, в которой находятся ресурсы Нефтешаха, курды собирают богатые урожаи зерновых культур, риса, овощей и фруктов. В 2011 г. в провинции Западный Азербайджан был собран небывалый урожай сахарной свеклы, часть которой была закуплена пятью сахарными заводами самой провинции, а остальная была направлена для переработки в другие провинции. В министерстве сельского хозяйства ИРИ подчеркивают, что сахарная свекла относится к числу стратегически важных культур и имеет большое значение с точки зрения обеспечения страны продовольствием.

В целях борьбы с безработицей иранское руководство стремится увеличить число рабочих мест. Правительство выделило 200 млрд риалов (примерно 16,5 млн долларов) на строительство нового завода автопромышленной группы (АГ) «Иран ходроу» в Сенендедже, административном центре провинции Курдистан. Завод должен быть введен в эксплуатацию через 2 года и 1,8 тыс. человек получат новые рабочие места.

В то же время в Иранском Курдистане немало проблем, ожидающих своего решения. Там, например, ощущаются недостаток воды, электричества, отставание сферы жилищного строительства и пр. Трудности с устройством на работу все еще испытывает до 63,1% трудоспособного населения до 25 лет. Многие курды не могут оплачивать жилье из-за высокой арендной платы и низкого прожиточного минимума. В регионе ощущается нехватка ВУЗов, средних специальных учебных заведений, школ, больниц, недостаточно мест для проведения досуга и развлечений населения.

На положении иранских курдов весьма благоприятно сказывается сближение ИРИ с Иракским Курдистаном. После принятия в Ираке новой конституции в 2005 г. и определения статуса Курдистанского региона Ирака как субъекта федерации, Иран наладил довольно тесные политические и торгово-экономические отношения с Иракским Курдистаном, что дало толчок к ускоренному развитию приграничных иранских районов, населенных преимущественно курдами. 60% всех торговых операций с Ираком приходится на Курдистанский регион, что составляет объем годового товарооборота примерно в 4 млрд долларов США. Намерения обеих сторон и далее развивать торгово-экономические курдско-иранские отношения показала, в частности, прошедшая в июне 2012 г. Международная ярмарка в Эрбиле, в которой приняли участие 165 иранских компаний из 19 провинций, специализирующихся на пищевой, ковровой, швейной, сельскохозяйственной, строительной и других отраслях.

В настоящее время уже свыше 500 иранских компаний ведут свой бизнес в Курдистанском регионе Ирака. Ожидается, что их численность будет возрастать. В то же время иранские предприниматели заявляют, что 10% соглашений с Курдистанским регионом не были осуществлены из-за трудностей транспортировки товаров и плохого состояния дорог. Однако с ожидаемым в ближайшее время открытием перевалочного пограничного пункта Хаджи Омаран многие проблемы, мешающие развитию бизнеса будут решены. Это важный стратегический пункт, в котором заключаются сделки на крупные суммы, и иранские торговцы и бизнесмены получают от этого большую выгоду.

Политические и дипломатические связи ИРИ с Региональным правительством Курдистана (Ирак) осуществляют генеральные консульства. В 2000 г. были открыты два таких консульства: в Эрбиле и Сулеймании. А в Тегеране в 2007 году было открыто представительство Регионального правительства Курдистана, которое возглавил Назим Омар Даббаг. Путем переговоров и компромиссов решались сложные проблемы безопасности участков иракско-иранской границы, где проживают курды, открывались новые пограничные КПП, упрощались процедуры перемещения граждан и грузов. При этом подчеркивалась необходимость соблюдения принципов международного права и уважения суверенитета обеих стран. Укреплению ирано-курдистанских отношений способствует и открытие регулярного авиасообщения между ИРИ и Курдистанским регионом Ирака. Дважды в неделю из Урумии (Иран) в Эрбиль (столица Иракского Курдистана) и обратно будут осуществляться прямые авиарейсы.

В конце октября 2011 г. состоялся визит в Тегеран президента Курдистанского региона Ирака Масуда Барзани, который встречался с Верховным лидером страны аятоллой Али Хаменеи, президентом ИРИ Махмудом Ахмадинежадом и другими иранскими руководителями. Барзани охарактеризовал Иран как «дружественную страну». В ответ аятолла Хаменеи заверил Барзани, что Иран будет способствовать поддержанию стабильности и единства Ирака, а также восстановлению его промышленности и инфраструктуры. Верховный лидер ИРИ подчеркнул важность мирного сосуществования различных этнических групп, которые, как особо отметил аятолла Хаменеи, являются «близкими братьями Ирану с отношениями, имеющими глубокие корни». Верховный лидер Ирана также положительно охарактеризовал складывающиеся взаимовыгодные двусторонние отношения между Тегераном и Эрбилем. На встрече Масуда Барзани с министром иностранных дел ИРИ Али Акбаром Салехи также обсуждался вопрос двусторонних отношений. Барзани высказал свою готовность к посредническим усилиям между иранскими властями и некоторыми курдскими оппозиционными группировками. Это особенно актуально звучит сегодня, когда не без активного участия лидеров иракских курдов удалось наладить мирный диалог и снизить уровень конфронтации между турецкой Рабочей партией Курдистана и Анкарой.

Вполне очевидно, что в Тегеране весьма негативно оценивают планы искусственного геополитического образования, так называемого, «Великого Курдистана», согласующиеся, как с американской концепцией Большого Ближнего Востока, так и с заинтересованностью Саудовской Аравии и других монархий Персидского залива в расчленении Ирака, Сирии и Ирана. Весьма прозрачны попытки Вашингтона разыграть в регионе «курдскую карту» в своих интересах и использовать курдов как «пятую колонну» для усиления давления на правящие режимы в Сирии и Иране. Курды же, наученные горьким опытом, когда западные страны провоцировали их на вооруженные выступления в Ираке, Сирии, Иране, других странах, а затем теряли к ним интерес и бросали на произвол судьбы, не спешат втягиваться в новые американские игры и предпочитают самим решать свои проблемы преимущественно мирным путем.

Лидеры Иракского Курдистана М.Барзани и Дж.Талабани регулярно встречаются с представителями всего спектра политических партий иранских

курдов. Они являются как бы посредниками в выстраивании отношений иранского руководства с курдской оппозицией, которая представляет собой конгломерат политических партий, придерживающихся в основном сходных общих лозунгов, но принадлежащих к различным течениям и идеологическим платформам. В последнее время стала наблюдаться тенденция объединения курдских партий в единый национальный фронт. 22 августа 2012 г. Демократическая партия Иранского Курдистана (ДПИК) и Комала (Революционная партия трудящихся Курдистана) подписали соглашение о сотрудничестве, рассматриваемое ими как «основа большого политического союза» в Иранском Курдистане (на фото слева генеральный секретарь «Комала» Абдулла Мохтади и его коллега из ДПИК Мустафа Хиджри). Однако это соглашение встретило неоднозначную реакцию других политических течений иранских курдов. Курдское движение в Иране по-прежнему остается расколотым и пока не представляет собой консолидированной общественно-политической силы.

Между тем, иранское руководство обратилось к курдским лидерам и представителям местных властей с предложением провести переговоры в целях дальнейшего урегулирования курдского вопроса в стране. Можно полагать, что это обращение и конкретные меры правительства по ускоренному социально-экономическому развитию курдских провинций будут способствовать сохранению стабильности в районах компактного проживания иранских курдов на ближайшую перспективу.

Антон Евстратов

Сможет ли новый премьер Ливана «дружить» и с Ираном, и с сирийской оппозицией?

Избранный буквально на днях на пост премьер-министра Ливана прозападный политик Таммам Салам, в открытую заявляя о своей поддержке сирийской оппозиции, обратился за помощью в работе к движению «Хезболла» и правительству Ирана. Сможет ли «миролюбие» нового премьера стать залогом преодоления кризиса в «республике кедров»?

Конфессиональный кризис

Напряженная ситуация в Ливане тянется еще с 2011 года. Именно тогда политическое противостояние, переросшее в религиозный конфликт в Сирии, стало ощущаться и в соседней республике, традиционно находящейся под влиянием Дамаска.

А в 2012 году Ливан оказался едва ли не впрямую вовлечен в сирийские события. Вначале, в ходе бомбардировки города Аваз сирийской авиацией погибли 11 находившихся в руках оппозиционеров заложников. При этом ливанский телеканал Al-Manag сообщал о том, что заложники были убиты самими боевиками, похитившими их. Данное происшествие привело к тому, что возмущенные ливанцы, родственники погибших, устроили сирийские погромы в Бейруте. Пострадали магазины, лавки и торговые точки. Протестующие перекрыли шоссе Бейрут-Дамаск, блокировали бейрутский аэропорт. Более того, в заложники попали сирийские рабочие, приехавшие в ливанскую столицу на автобусе.

В июне 2012 года суннитские радикалы столкнулись с шиитскими вооруженными формированиями в городе Триполи, что привело к гибели 40 человек. Тогда конфликт удалось остановить лишь, благодаря вмешательству теперь уже бывшего премьера Наджиба Микати, а также муфтия Ливана Рашида Каббани. Впрочем, не обошлось и без введения в город воинских частей. Примерно двумя месяцами позже военным снова пришлось «разнимать» враждующих жителей Триполи — суннитов и шиитов. В ходе этого инцидента пострадали 18 человек.

Далее, в ответ на похищение Хассана Салима аль-Мекдада, одного из лидеров влиятельного в Ливане шиитского клана аль-Мекдад, члены этого клана

похитили 20 сирийцев, противостоявших Башару Асаду. Все эти граждане пребывали в Ливане на лечении в местных больницах. Хассан аль-Мекдад был показан в ролике телеканала «Аль-Арабия». В коротком видео мужчина «признавался» в том, что находился в Сирии по заданию главы движения «Хезболла» Хассана Насралла. По словам похищенного ливанца, с его Родины в Сирию прибыло еще 250 бойцов, задачей которой стало оказание помощи шиитскому (алавитскому) режиму Асада. Вряд ли стоит доверять данным телеканала «Аль-Арабия», уже публиковавшего ряд позднее опровергнутых материалов, да и под давлением вооруженных людей ливанский пленник мог сказать многое... Представители самого «Хезболла» все, что говорилось в видео, опровергли. Однако похищение привело к тому, что члены клана аль-Мекдад не только сделали то же самое с сирийцами, они продолжили свои «акции возмездия», захватывая новых людей. Имелась информация о том, что шиитские боевики клана, поддержанные кланами Зуэйтар, Насреддин, Дандаш и Шамас, пытались проводить ночные рейды против местных суннитов. Глава последних, Ахмед аль-Асир, грозил, в свою очередь, заполнить улицы городов собственными людьми.

Недовольство шиитов коснулось и граждан Саудовской Аравии и Турции, которые, что не является секретом уже для всего мира, поддерживают сирийскую оппозицию. Правительству пришлось по тревоги поднимать воинские части в Бейруте и Триполи, чтобы остановить противостояние, а президенту Мишелю Сулейману — лично обращаться к гражданам.

Ливан — «приют» для воюющих сирийцев

На территории Ливана находят помощь, поддержку и убежище, как верные президенту Башару Асаду граждане Сирии, так и его непримиримые противники из числа боевиков Свободной сирийской армии. Мятежники готовят на ливанской территории своих новобранцев, для чего примерно с мая прошлого года действуют специальные курсы. Вместе с сирийскими «братьями» боевой подготовкой занимаются и местные сунниты. Наиболее боеспособная сила страны, движение «Хезболла», также не отстает от «идеологических противников», готовя своих сторонников. Между тем, в Ливан прибывают все новые и новые сирийские беженцы. По последним подсчетам, их число оценивалось в 400 тысяч человек. Такое количество «гостей» ведет к целому спектру проблем — экономических, социальных и политических.

Как отмечал лидер движения «Мусульмане без границ» Али Абдул Халек, поток беженцев может привести к массовому падению уровня жизни простых ливанцев. Население одного только Дамаска равняется количеству всех жителей Ливана. Последний попросту не может без масштабной иностранной помощи обеспечить необходимым сотни тысяч сирийцев. Между тем беженцы, как было отмечено выше, в соседней республике отнюдь не только спасаются от войны, но и, порой, готовятся к ней. Это ведет к поляризации, разделению по политическим, религиозным и идеологическим признакам самих ливанцев.

Такая поляризация, как мы видели выше, приводит отнюдь не к мирному сосуществованию представителей разных конфессий Ливана. Между тем,

последний фактор для страны с 30% шиитского, 20% суннитского, 40% христианского и 10% друзского населения — необходимое условие самого ее существования.

Религиозный конфликт простых ливанцев отразился и на политиках

Стоит напомнить, что даже в распределении высших постов в руководстве Ливана соблюдается конфессиональный принцип — президентом может быть только христианин, премьер-министром — только мусульманин-суннит, а спикер парламента — мусульманин-шиит. Вместе с тем, конфликт в Сирии, а, с некоторых пор, затронувший и часть населения Ливана, сказался и на его политической элите. К примеру, занимавший пост премьер-министра до Наджиба Микати Саад Харири, возглавляющий ныне прозападное суннитское движение «Мустакбаль» и ведомый им «Альянс 14 марта», является открытым сторонником Свободной сирийской армии. Более того, по сообщениям ливанских СМИ, господин Харири содействует и боевикам «Аль-Каиды» в проникновении на территорию Сирии через ливанскую границу. Обычно боевики и оружие проникали на сирийскую территорию через северный Ливан. Солдатам сирийской армии приходилось прибегать к обстрелам приграничных ливанских поселений, справедливо полагая, что именно оттуда к ним являются не только местные оппозиционеры, но и боевики «Аль-Каиды».

Шейх Хассан Насралла, лидер шиитского движения «Хезболла» — активный сторонник Башара Асада (который несколькими годами из алавизма перешел в «правильный», двенадцатнический шиизм). Ранее его движение получало поддержку Сирии в борьбе против Израиля. Важным фактором является также содействие «Хезболла» со стороны Ирана, что значительно усиливает позиции ливанских шиитов. Также эта политическая сила возглавляет «Коалицию 8 марта» в парламенте страны.

Движение оказалось настолько сильным, что сумело поспособствовать назначению на пост премьер-министра страны своего сторонника (хотя, согласно писаному правилу, и суннита) Наджиба Микати. Это способствовало значительному влиянию в регионе Ирана, а также несколько подрывало силы сирийской оппозиции, которой Тегеран официально противостоит, поддерживая Башара Асада. Такое положение продолжалось... До последних дней.

Новый премьер

Уход в отставку правительства Наджиба Микати, состоявшийся по причине неприятия им нового закона о выборах, и нерешенности вопросы о продлении полномочий главы ливанской жандармерии Ашрафа Рифи (ярого противника «Хезболла»), на какой-то момент поставил страну в кризисную ситуацию. Положением обеспокоились представители ООН и верховный представитель Евросоюза по иностранным делам Кэтрин Эштон.

Впрочем, витка насилия и политического противостояния не случилось, и на пост нового премьер-министра вскоре нашлась, казалось бы, устраиваю-

щая всех кандидатура. Сын бывшего премьер-министра Ливана, аристократ, выпускник Армянского университета Бейрута и бывший министр культуры Таммам Салам, занимая прозападную позицию, смог убедить в своих благих намерениях не только «Альянс 14 марта», но и другие политические силы, в том числе, и «Хезболла». В парламенте он заручился поддержкой абсолютного большинства — 124 депутатов из 128. Более того, 68-летний политик уже пообещал защитить свою страну от любых последствий сирийского гражданского конфликта. Может быть, ливанская проблема на сегодня решена, и страна находится действительно в надежных руках? Обратимся к фактам.

Прозападный суннит обращается за содействием к шиитам

Факты, в свою очередь, говорят о том, что Таммам Салам, отмечая для Ливана необходимость соблюдения в сирийских событиях нейтралитета, сам является последовательным сторонником оппозиционных Башару Асаду групп. «Я с революцией сирийского народа и не отрицаю этого», — заявил новый премьер в ходе одного из своих выступлений. В этом — его серьезное для существующей обстановки идеологическое отличие от прежнего главы правительства, Наджиба Микати, придерживавшегося в отношении Сирии нейтральной позиции «по убеждениям», «друга» Ирана и «Хезболла».

Учитывая также прозападную политическую ориентацию нового премьер-министра, стоит задаться вопросом — зачем ливанским шиитам, поддержавшим его, такой глава правительства? На это можно ответить, что, по сравнению с тем же Саадом Харири или поддерживаемым Саудовской Аравией Ашрафом Рифи, Салам — весьма мягок и умерен, что во многом и объясняет позицию в его отношении со стороны «Хезболла» и его союзников.

Надо признать, что новый премьер, понимая шаткость своего «альянса» с шиитским движением, уже сделал реверанс в его сторону. Он охарактеризовал вклад «Хезболла» и его лидера, шейха Насралла, как «огромные». Также Салам назвал движение неотъемлемой частью государственного аппарата Ливана, и обратился к нему за содействием в своей дальнейшей работе. По-видимому, в настоящее время «Хезболла» очень нужна прозападному премьеру, и он готов даже забыть о своем тяготении к противникам этого движения и сирийским оппозиционерам. Представляется, что временно.

Попытался Таммам Салам «задобрить» и Тегеран. В ходе встречи с послом Исламской Республики в Ливане Газанфаром Рокнабади, премьер-министр обратился к иранскому руководству с просьбой о поддержке «ливанского антиизраильского фронта сопротивления». Посол, в свою очередь, пообещал Саламу такую поддержку и поздравил его с назначением на должность главы правительства. Ранее, только получив известие о новом премьер-министре, Рокнабади направил Таммаму Саламу поздравительную телеграмму.

Салам — «технический» премьер и компромиссная фигура

Поддержала назначение Салама и Российская Федерация. МИД РФ выразил надежду на то, что этому политику удастся быстро и успешно сформиро-

ровать новый кабинет министров, установить в стране мир и подготовить ее к летним парламентским выборам. Отметим, что сдержанность в отношении избрания Салама со стороны его, казалось бы, противников, как раз и объясняется тем, что решающее значение в судьбе Ливана на ближайшее будущее будет иметь не кандидатура премьера, а результаты выборов в парламент. При этом, являясь компромиссной фигурой, этот политик имеет шансы обеспечить основное условие успешных выборов — национальное согласие и безопасность. Шииты, имеющие значительный электорат, а также самую могущественную и отмобилизованную политическую силу в Ливане, справедливо надеются на то, что новый премьер не угрожает их положению. Как нам представляется, такова позиция и Ирана. Впрочем, Тегеран, имея интерес в Ливане не только в деле поддержки местных шиитов, но и в противостоянии Израилю, также понимает, что лишь сплоченное ливанское государство способно создавать хотя бы какую-то угрозу Иерусалиму. Эти условия Салам также способен обеспечить.

Заинтересована в мире на территории Ливана и Россия, которую не волнует, подобно Ирану и «Хезболла» противостояние Израилю. Однако Москва понимает, что дестабилизированный Ливан — не что иное, как следствие напряженности в Сирии. Этот фактор может стать детонатором для взрыва всего Ближнего Востока. В данном случае, с позиции РФ, Таммам Салам выступает как удобный «пожарник».

Вне сомнения, компромиссная фигура нового премьер-министра Ливана имеет возможности если не решить, то, хотя бы приостановить политический и конфессиональный кризис в стране. Господин Салам уже выразил готовность активно работать в этом вопросе. При этом всем сторонникам мира на Ближнем Востоке имеет смысл поддержать нового премьера. Однако политические симпатии Таммама Салама также не должны никого вводить в заблуждения. Это политик — для определенного срока и на определенный срок, технический премьер. Основная его задача — проведение летних парламентских выборов, от которых в значительной степени и будет зависеть дальнейшие взаимоотношения религиозных конфессий, а также внешняя политика Ливана. Во многом, это может определить исход сирийского противостояния и судьбу всего Ближнего Востока.

Землетрясение силой 7,5 баллов в Иране

16 апреля в округе Сераван провинции Систан и Белуджистан произошло самое сильное за последние 40 лет землетрясение, мощность которого, по оценкам Геофизического центра при Тегеранском университете, составила 7,5 баллов по шкале Рихтера. Этот природный катаклизм стал самым крупным в Иране за все время измерения силы подземных толчков, которые начали проводить около 56 лет назад.

Последствия землетрясения ощутили в городах Заболъ, Кенарак и Хаш, а также еще в семи деревнях провинции. Для оценки масштабов стихийного действия в пострадавший район отправлено 20 групп специалистов, в помощь которым было выделено три вертолета. По официальной информации, сам город Сераван пострадал незначительно, поскольку эпицентр землетрясения находился от него в 150 километрах. По словам главы Центра экстренной медицинской помощи провинции Систан и Белуджистан, находящего в центре землетрясения в деревне Гошт, за врачебной помощью обратились только три человека, у них незначительные ранения. На данный момент неизвестно точное количество всех пострадавших, однако официальные лица указывают, что с учетом большой силы землетрясения значительных жертв и разрушений удалось избежать.

По сообщению ректора Медицинского университета города Захедан, некоторые разрушения произошли в 20 деревнях, находящихся между Сераваном и Хашем, однако точная статистика пока неизвестна по причине обрыва телефонной связи.

Один из депутатов иранского парламента, представляющий округ Сераван, в своем интервью журналистам сообщил, что землетрясение произошло на глубине 90 километров в непосредственной близости от деревни Кух-е Сефид, а в самом Сераване произошли сильные разрушения, жертвами которых стали 40 человек. Площадь округа Сераван составляет 28 тысяч квадратных километров, на его территории располагается 1,7 тысячи деревень, находящихся на значительном расстоянии друг от друга. В связи с этим властям Ирана, видимо, придется значительно увеличить количество групп спасателей для определения масштабов стихийного действия.

По другой информации, эпицентр землетрясения был в ненаселенной местности, недалеко от деревни Гошт, однако в самом округе разрушились многие старые дома. Заместитель Антикризисной организации Ирана заявил, что землетрясение произошло в 84 километрах от города Хаш, который вместе с Сераваном является ближайшим городским пунктом к месту под-

земного толчка, а из деревень ближе всех к району катастрофы оказались Гошт и Кух-е Сефид.

В общении с прессой губернатор провинции Систан и Белуджистан Хатем Наруи заявил, что землетрясение произошло в 15:15 по местному времени, однако в Сераване человеческих жертв удалось избежать, хотя разрушениям и подверглись некоторые здания. По его словам, в округе Сераван за медицинской помощью обратились только три человека, причем у всех из них были легкие ранения, госпитализация не потребовалась. Губернатор опроверг ранее поступавшие сведения о человеческих жертвах. Наруи сообщил, что сразу после землетрясения в округе отключились электричество, вода и телефон, однако уже через 20 минут все было восстановлено. Чиновник также подчеркнул, что в районе стихийного бедствия ведут активную работу подразделения Корпуса стражей Исламской революции, народного формирования «Басидж» и Мусульманского полумесяца.

Тем не менее позднее глава антикризисного штаба провинции Реза Арбаби заявил, что число пострадавших возросло до 12 человек, из которых четверо доставлены в больницы, а другие получили медицинскую помощь и отказались от госпитализации. По словам чиновника, сумма нанесенного ущерба еще не подсчитана, однако о ней непременно будет заявлено в самое ближайшее время.

Елена Дунаева

Иран накануне президентских выборов

От редакции. Предстоящие 14 июня нынешнего года президентские выборы в Исламской Республике Иран — событие, к которому приковано пристальное внимание и на Востоке, и на Западе. Как изменится внешнеполитический курс Ирана с приходом новой президентской команды и изменится ли он вообще? Как будут выглядеть ориентиры Исламской Республики на фоне «турбулентности» Большого Ближнего Востока? Чем ответит Иран на разжигаемое извне пламя суннитско-шиитского противостояния? И, наконец, что принесет новая президентская команда Тегерана в российско-иранские отношения? Вот лишь самый краткий перечень вопросов, на которые редакция информационного агентства «Iran.ru» попытается ответить в цикле аналитических материалов, посвященных июньским выборам. Сегодня мы предлагаем вниманию читательской аудитории нашего портала первую публикацию из этого цикла — статью эксперта Института Востоковедения РАН Елены Дунаевой

Иран накануне президентских выборов

Новый, 1392 год в Иране возведен в ранг года Политического и Экономического Подвига. Такое выпященное название неслучайно. День 14 июня реально рассматривается на фоне переживаемых сложнейших перипетий как выдающийся: иранцы в 11-й раз будут избирать главу исполнительной власти — президента страны, а с ним органы местного самоуправления и членов Совета экспертов. Духовный лидер Исламской республики аятолла Али Хаменеи в своем выступлении в первый день иранского Нового года назвал выборы важнейшим политическим событием последнего времени и отметил, что именно голос масс определяет будущее народа и государства. Подчеркнув сложность ситуации в связи с международными санкциями, усилением психологического давления и попытками извне дестабилизировать ситуацию, он призвал все население совершить, как он выразился, героический поступок на политическом поле — принять активное участие в выборах и отдать свой голос наиболее достойным кандидатам.

Предстоящие выборы действительно имеют для Ирана чрезвычайное, даже судьбоносное значение. На повестке стоит вопрос выхода из тупика на переговорах по ядерной программе и ослабления, а лучше — отмены, ре-

жима санкций. А с этими проблемами связано скорейшее урегулирование отношений с западным миром и, возможно, начало переговоров с США. Важным моментом внешнеполитической деятельности ИРИ будет защита ее интересов на Ближнем и Среднем Востоке, поскольку здесь в последнее время наблюдается усиление негативного восприятия Ирана в свете обострения суннитско-шиитских противоречий. Стране предстоит отстаивать свой дискурс в исламском мире, в котором она стала региональной супердержавой после военного разгрома Ирака и постараться разорвать изоляцию, вызванную целым блоком проблем, — от навязанного ей статуса возмутителя спокойствия до «провокатора» гонки ядерных вооружений.

Не менее героические, а по масштабам предстоящей работы — действительно титанические усилия предстоит приложить на экономическом поприще. Здесь недостаточно просто противостоять влиянию санкций, необходимо мобилизация внутренних накоплений, активизация производства, поддержать конкурентоспособность и сократить зависимость от нефтяного экспорта. Это, без сомнения, задачи переднего ряда, без решения которых попытки Ирана упрочить собственные позиции и расширить свое влияние в регионе и в мире едва ли будут успешными. Осуществление этих задач ложится на плечи всего иранского народа, однако ответственность за их реализацию должен взять на себя новый президент и избранная им команда. Однако помимо выработки нового курса в сфере внешней политики и социально-экономической сфере, ему придется восстановить баланс сил на внутривнутриполитической арене.

В последние годы Иран переживает сложный момент своей политической истории. Все острее и острее проявляются разногласия между президентом и правительством с одной стороны, и меджлисом, судебной властью и религиозными авторитетами, с другой. Причем, каждая из конфликтующих сторон увязывает урегулирование всех конфликтов с итогами президентских выборов. Причины разбалансировки системы управления скрыты в политике М.Ахмадинежада и событиях, последовавших за выборами 2009 г.

Характерное для ИРИ попеременное доминирование во властных структурах представителей консервативной или более либеральной направленности, придавало определенную стабильность всей системе власти в стране. В наиболее острые моменты вмешательство духовного лидера уравнивало ситуацию. Концентрирование всех институтов власти в руках одного политического течения — консерваторов — при доминировании радикальных элементов, наблюдавшееся после прихода к власти М.Ахмадинежада в 2005 году, закончилось острым противостоянием сил на президентских выборах в году 2009, что и привело к появлению протестных настроений в обществе, активно подпитываемых Западом. Подавление «зеленого движения», разгром лагеря реформаторов внешне стабилизировали внутреннюю ситуацию, однако не смогли предотвратить развитие процесса размежевания сил, охватившего практически все слои и группы населения. Усилились процессы конфронтации между политическими элитами, институтами и партиями, что рельефно проявляется сегодня, в ходе разворачивающейся предвыборной кампании.

Независимая, напористая политика президента, его стремление расширить круг своих полномочий и вывести деятельность правительства из-под контроля меджлиса, неоднозначные высказывания по вопросам внешней и

внутренней политики вызывают противодействие большей части консервативного лагеря, который контролирует две другие ветви власти — законодательную и судебную. Хотя консерваторы уже давно резко критикуют политику Ахмадинежада и даже поднимали вопрос о его импичменте, тем не менее, соблюдая верность духовному лидеру, дали ему возможность довести до конца свои полномочия. В то же время неприятие ими Ахмадинежада увеличивается. Прилагается максимум усилий для того, чтобы не допустить возможности занятия президентского кресла одним из ближайших его сторонников и единомышленников, из опасений, что нынешний президент не уйдет из политики и будет управлять новым президентом, навязывая ему свою волю.

По инициативе Меджлиса еще летом прошлого года был поднят вопрос о внесении изменений в Закон о выборах президента ИРИ. В ходе многочисленных жарких дискуссий при обсуждении проекта были внесены многочисленные поправки, однако не все из них были одобрены большинством и утверждены Наблюдательным советом. Не удалось внести изменения относительно возраста, образовательного уровня и других требований к кандидату. Однако в новой редакции закон лишь несколько ограничил деятельность исполнительной власти по проведению выборов. Согласно новому документу, МВД, подотчетное правительству, всю деятельность по проведению выборов ведет под контролем Центральной исполнительной комиссии. В ее состав помимо министра внутренних дел, информации, генерального прокурора включены представитель президиума меджлиса и наиболее уважаемые религиозные, политические, общественные или культурные деятели (в составе семи человек). Эта комиссия будет утверждать результаты голосования и рассматривать жалобы. Таким образом, законодательная власть и общественность страны оказались включенными в механизм контроля за выборами. Однако органом, который окончательно утверждает итоги голосования, остается Наблюдательный совет.

Этому институту отведена особая роль в выборной системе страны. Стоит напомнить, что система государственного устройства ИРИ сочетает в себе религиозные и демократические принципы. Хотя президентские выборы проходят раз в 4 года на альтернативной основе и главу исполнительной власти избирают прямым тайным голосованием, допустить кандидатов к выборам должен Наблюдательный совет. В этом году официальная регистрация кандидатов будет проходить с 7 по 11 мая. Одновременно документы всех зарегистрированных лиц будут рассматриваться в специальных комиссиях, сформированных министерством внутренних дел. Результаты этой проверки направляются в Наблюдательный совет, который подтверждает благонадежность и богобоязненность всех кандидатов, оценивает их верность исламской революции и соответствие другим требованиям, предъявленным к кандидату согласно Закону о выборах президента. Этот орган, по сути, может отклонить кандидатов, негодных ему по политическим взглядам или иным причинам. В наиболее сложных случаях последнее слово остается за лидером.

В то же время, говоря о выборной системе Ирана, нельзя не подчеркнуть ее демократическую составляющую — активное участие населения в выборных кампаниях, что можно оценивать как достижение исламской демократии. Практически на всех президентских выборах процент явки населения

был достаточно высок, а в некоторые годы превышал 70%. В 2009 г. в голосовании участвовало 85% населения, имеющего право голоса. Даже на парламентских выборах 2012 г., когда оппозиционные режиму силы внутри и за пределами страны активно призывали к бойкоту выборов, население страны откликнулось на призывы руководства проявить патриотические чувства, прийти на избирательные участки, тем самым продемонстрировать свою поддержку режиму и дать решительный ответ внешним врагам республики. Явка на выборы составила 64%.

Определенную тревогу у руководства вызывает возможность повторения оппозиционных выступлений 2009 г. Эти опасения базируются на постоянных сообщениях некоторых западных и арабских СМИ о том, что США, Саудовская Аравия и Катар разрабатывают планы дестабилизации ситуации в ИРИ в ходе выборов, делая ставку на осложнение экономической ситуации в стране и недовольство иранцев ухудшением материального положения (используя рост политической активности, характерный для предвыборного периода.) Однако министр информации Хейдар Мослехи заявляет, что силы безопасности совместно с другими правоохранительными органами предприняли все необходимые меры для обеспечения стабильности и правопорядка накануне и после выборов.

Али Хаменеи, высказываясь резко против попыток вмешательства в выборный процесс внешних сил, в своем выступлении акцентировал необходимость участия в выборах широкого спектра политических сил, выражающих верность исламскому режиму, отстаивающих национальные интересы и действующих в рамках Конституции. Эти слова лидера обращены, в первую очередь, к тем группам прореформаторской ориентации, которые после событий 2009 г. стремятся вернуться на политическую арену страны и продолжить партнерство с властями. Пересмотрев стратегию действий, разорвав связи с эмиграцией, размежевавшись с крайне радикальными элементами, представляющими главную угрозу для продолжения политической жизни этого идеологического течения, реформаторы заявили о готовности участвовать в выборной кампании. При этом они подчеркивают верность идеалам исламской революции, принципу «веляят -е факих» и конституции страны.

Возвращение умеренных реформаторов на политическую арену при условии проведения «здоровых» выборов сможет консолидировать общество, поднять политическую активность населения и будет способствовать восстановлению баланса сил. Рассмотренные выше особенности внутриполитической ситуации страны определяют специфику нынешней выборной кампании. В этом году можно говорить об участии представителей трех сил: консерваторов, умеренных реформаторов и сторонников правительства — «доулатиха». Последних иногда относят к радикалам. Однако попытки ранжировать политические силы исходя из их идеологических взглядов в условиях иранской действительности достаточно сложная задача. У большинства из них отсутствуют четко сформулированные программы действий. Их позиции часто корректируются в зависимости от ситуации и тактических целей. Поскольку большинство организаций не ведут постоянную деятельность, а активизируются только в период выборных кампаний и объединяются в предвыборные коалиции вокруг известных политических фигур, то оценить их взгляды возможно лишь отслеживая реакцию лидеров

на те или иные события. Причем радикальные лозунги в сфере внешней политики или морали могут соседствовать с достаточно либеральными взглядами на экономические проблемы и наоборот.

Часть кандидатов в президенты позиционирует себя как независимые, т. е. не связанные с какими-либо политическими объединениями и группами. До окончательного утверждения кандидатур (в середине мая) невозможно делать какие-либо прогнозы даже относительно количества участников президентской гонки. Однако уже ясно, нынешние выборы отличаются большим количеством претендентов на президентское кресло. Причем среди кандидатов большинство — политики высшего ранга. Иранские СМИ утверждают, что в борьбу готовы вступить почти четыре десятка бывших министров, депутатов меджлиса, руководителей государственных организаций. Многие из них уже образовали штабы, ведут пропагандистскую деятельность, совершают поездки по стране. К сожалению, большинство претендентов, вступающих в борьбу, не представив обоснованной программы действий, набросав лишь основные лозунги и определив общие задачи. Их выступления изобилуют критикой действий правительства, перечислением проблем и обещаниями исправить ситуацию в кратчайшие сроки. Все депутаты большое внимание уделяют вопросам внешней политики и экономике. Существует понимание того, что в ближайший год надо будет найти пути достижения договоренностей по вопросам ядерной программы и стабилизировать экономическую ситуацию. Но каким путем? Ответа на этот вопрос пока не просматривается в заявлениях кандидатов. Поднимается и вопрос о переговорах с США. Однако большинство едины в том, что вступление в переговоры не должно быть самоцелью, а должно осуществляться в комплексе защиты национальных интересов по всем направлениям.

Поднимается вопрос о представлении кандидатами своей команды еще до выборов, что достаточно актуально для Ирана, поскольку там отсутствуют сильные политические партии или объединения, которые выдвигают и поддерживают того или иного кандидата и формируют его команду. В этом году многие претенденты заявляют о готовности включить в состав правительства представителей различных сил, делая ставку на компетентность и профессионализм, а не на политические пристрастия. На обсуждении был вопрос о создании правительства «народного единства» или «коалиционного правительства». Как представляется, в условиях сильного внутреннего противостояния идея привлечения представителей широкого спектра политических сил в структуры исполнительной власти при условии поддержки ими основных идей и программ президента и полной слаженности сможет работать на консолидацию общества. Однако пока предвыборная борьба сводится лишь к обвинениям друг друга, разоблачениям, опровержениям, а не к разумной критике позиций противника.

Усиление процессов конфронтации в обществе в последние годы привели к тому, что в отличие от прошлых десятилетий, когда в ходе выборов позиции каждого из политических лагерей представляла достаточно сильная единая коалиция, на этот раз каждая из вышеупомянутых трех конкурирующих между собой сил представлена несколькими коалициями и множеством кандидатов.

Так, лагерь консервативных сил представлен двумя основными коалициями — «2+1» и «группа 5». Первое объединение, которое в последние дни

стали называть коалиция прогресса, представляют три кандидата: Али Акбар Велаяти — советник духовного лидера, генеральный секретарь международной ассамблеи «Исламское пробуждение» и бывший министр иностранных дел, Голамали Ходад Адель — депутат меджлиса, директор Академии персидского языка и литературы, спикер меджлиса 7-созыва и Мохаммад Багер Галибаф — мэр Тегерана, бывший командующий сил правопорядка. Три кандидата подчеркивают верность режиму, исламской республике, принципам консерватизма, но представляют различные течения консервативного лагеря: умеренных, более радикальных и прагматиков—технократов. Очевидно, целью этого объединения, члены которого позиционируют себя как команда, хотя далеки друг от друга по своим устремлениям, стало желание привлечь различные слои электората, чтобы составить достойную конкуренцию представителю проправительственного лагеря. В то же время в формировании этого союза «трех», из которых лишь один, избранный сторонниками этой коалиции путем соцопросов и договоренностей, пойдет на выборы, а остальные двое смогут в случае победы занять должности в правительстве, можно увидеть готовность использовать профессионалов — представителей различных политических взглядов во имя интересов прогресса страны.

Вторая коалиция консерваторов представляет интересы умеренных или традиционалистов, опирающихся на одно из старейших политических объединений — Фронт сторонников линии имама и духовного лидера, в который входят 16 партий и организаций. Социальная опора Фронта — представители частного бизнеса, особенно в сфере финансов и торговли, духовенство, традиционные городские слои. Основная задача этого объединения на выборах — вернуть власть в руки умеренных консерваторов и прагматиков, не допустив избрания сторонников правительства.

Эта коалиция, называющая себя Коалицией большинства консерваторов, выдвигает Манучехра Моттаки — депутата парламента, бывшего министра иностранных дел, Мостафу Пурмохаммади — руководителя Контрольной организации страны, бывшего министра внутренних дел и члена религиозной организации Общество борющегося духовенства, Мохаммад Резу Бахонара — заместителя спикера меджлисов 8-го и 9-го созывов, Мохаммад Хасана Абуарабифарда — заместителя спикера меджлиса, члена Общества борющегося духовенства и Йахийяи Аль Асхага — министра торговли в правительстве А.А. Хашеми Рафсанджани. Предполагается, что к моменту подачи документов, из этих пяти лиц будет определен лишь один претендент на президентское кресло.

Отдельно от этих коалиций выступает участник прошлой выборной кампании, секретарь Совета по целесообразности, бывший командующий Корпуса стражей Мохсен Резаи, представляющий Фронт стойкости (Истадеги), созданный накануне парламентских выборов 2012 г. В его состав вошли 11 организаций, в основном недавно созданных и не отличающихся четко выраженными идейными позициями и опытом политической деятельности. Среди них — Партия развития и справедливости, Фронт сторонников валаят-е факих, Общество молодых созидателей, женское общество «Зейнат», Общество молодежи исламской революции. Мохсен Резаи выражает интересы еще одного течения консервативного спектра, называемое в Иране прореформаторски настроенные консерваторы. В обществе его основная

опора — государственные служащие среднего и низшего звена. Оценивая невысокие результаты М.Резаи в предыдущей выборной кампании, аналитики отмечают, что он стал победителем предвыборных дебатов, поскольку лишь один представил продуманную программу и четко отвечал на вопросы оппонента. Наличие экономической составляющей с идеей регионализации иранской экономики и программой интенсификации сельскохозяйственного производства отличает этого кандидата от других и в ходе этой кампании. Несколько кандидатур из лагеря консерваторов заявили о намерении участвовать в выборах, не опираясь на поддержку каких-либо объединений.

Обращает на себя внимание тот факт, что в ходе настоящей кампании еще не выразили своей позиции Общество борющегося духовенства и Общество преподавателей Кумского теологического центра, традиционно выступавшие в качестве лидеров консервативных сил в ходе выборных кампаний. Не делая пока заявлений о поддержке тех или иных кандидатов, они прилагают усилия в плане сокращения общего количества претендентов и пытаются договориться с двумя основными коалициями о выдвижении ими единого кандидата после регистрации документов.

Не определены до конца кандидаты и проправительственных сил. В этом лагере просматриваются два течения. Первое представляют ближайшие сторонники президента в аппарате правительства и местных органах исполнительной власти. Так, выдвинули кандидатуры министр дорог и городского строительства Али Никзад, руководитель организации культурного наследия и туризма Рухолла Ахмадзаде Кермани, министр иностранных дел Али Акбар Салехи, спикер правительства Голамхосейн Эльхам, первый вице-президент Мохаммад Реза Рахими. Однако не снят с повестки дня вопрос о выдвижении такой одиозной фигуры как Рахим Машаи — родственник и ближайший друг М.Ахмадинежада, работающий сейчас в качестве исполнительного секретаря Организации неприсоединившихся государств. Хотя большинство аналитиков сходятся во мнении, что его кандидатуру не утвердит Наблюдательный совет из-за его неоднозначных высказываний, в окружении президента большинство предрекают ему победу на выборах. К лагерю проправительственных сил относят и Фронт верности исламской революции, также оформившийся накануне парламентских выборов 2012 года, духовным лидером которого признан аятолла Месбах Йазди. Это объединение пока еще не сделало заявлений о поддержке того или иного кандидата.

Третьим центром, готовящимся принять участие в выборах, стали реформаторы. После событий 2009 г. — это их первый выход на публику. В парламентских выборах они не принимали участия как организованная сила. Однако изменение ситуации внутри общества за последний год, переоценка роли части реформаторского лагеря в событиях прошлых президентских выборов, позиция самих реформаторов по поддержке устоев исламского режима создали возможность для их возвращения в политическую жизнь. Их возвращение приветствуют и многие консерваторы. Они понимают необходимость задействовать электорат реформаторов и видят в них силу, противостоящую проправительственному лагерю. Уже несколько представителей умеренных реформаторов заявили об участии в выборах: Мохаммад Реза Ареф — вице-президент в правительстве М.Хатами, Мохаммад Шариятмодари — министр торговли, Мостафа Кавакбийан — генеральный секретарь

партии демократия. Однако эти фигуры не смогут получить поддержку всех реформаторских сил и составить сильную конкуренцию другим кандидатам. Среди сторонников либералов нарастает движение в поддержку Мохаммад Хатами, который пока не выражает желания вновь пойти на выборы. Однако образован штаб, который проводит сбор голосов за его выдвижение и не теряет надежды уговорить бывшего президента.

На днях объявил об участии в выборах близкий к реформаторским кругам Хасан Рухани, возглавлявший Высший совет национальной безопасности в период президентства М. Хатами, известный как ведущий переговорщик с Западом по ядерной программе. Х. Рухани позиционирует себя как независимый кандидат, тем не менее он может получить поддержку как реформаторского электората, так и части консерваторов. Кандидатуру Х. Рухани поддерживает сильнейшая фигура иранского политического Олимпа — Али Акбар Хашеми-Рафсанджани, хотя не смолкают разговоры и о его возможном участии в выборах. Его имя как кандидата недавно появилось на лидирующем месте в правительственной газете Иран. Как представляется, при нынешней международной ситуации вокруг Ирана и большом объеме внутренних проблем Рафсанджани, обладающий большим опытом политического маневрирования и ведения «закулисной дипломатии», сохраняющий в последние годы «надфракционную» позицию, наряду с некоторыми другими кандидатами мог бы быть удачным выбором для иранского народа.

В то время как в ближайшем окружении кандидатов и в политических кругах царит оживление, отмечается достаточно низкий в сравнении с прошлыми периодами уровень политической активности населения. Ежедневные бытовые проблемы отвлекают от слежения за президентской гонкой. Большое количество кандидатов осложняет выбор, тем более, что на данном этапе президентской гонки их соперничество пока не в полной мере отражает борьбу идей, а демонстрирует лишь раздробленность политической элиты, ее внутренние противоречия и амбиции. Возможно, избиратели осознают, что главные соперники еще не определены и пока еще несколько рано думать о выборе.

Игорь Панкратенко

Каир-Тегеран: дуэта не будет

О тмена еще и не успевшего начаться толком воздушного сообщения между Каиром и Тегераном, массовые выступления египетских салафитов против иранских туристов — лишь внешние проявления того, что надежды на возникновение особых ирано-египетских отношений не оправдались. Несмотря на все дипломатические усилия, которые предпринимались и предпринимаются Тегераном для улучшения ирано-египетских отношений — и при Мубараке, и при Мурси успехом они не увенчались. Что послужило этому причиной — внешнее воздействие или внутренняя ситуация «пост-весеннего» Египта? И какие уроки из этого следует извлечь России?

«Зима» при Мубараке

Нет необходимости особо останавливаться на ирано-египетских отношениях в период, когда у власти находились шах Моххамад Реза Пехлеви и Анвар Садат. И дело даже не в том, что свой первый брачный союз иранский монарх заключил с египетской принцессой Фавзией, младшей сестрой последнего египетского короля Фарука. Важнее, что в американском раскладе баланса сил и интересов в регионе двум государствам отводилась вполне определенная и полностью устраивающая тогдашние иранские и египетские политические элиты роль: для Каира — региональной сверхдержавы на Ближнем Востоке, для Тегерана — региональной сверхдержавы Востока Среднего. Конфликт интересов у Ирана и Египта при таком раскладе практически исключался. Гармонии в отношениях добавлял общий стратегический партнер — США, и наличие общих противников — СССР и баасистских режимов в Сирии и Ираке.

Естественно, что после Исламской революции 1979 года достигнутая гармония и бесконфликтность в отношениях между двумя странами просто обязана была разрушиться. Ряд исследователей утверждают, что причиной обвала отношений стали опасения египетской элиты по поводу концепции «экспорта исламской революции», декларировавшейся Тегераном. С таким утверждением трудно согласиться: концепция носила по большей части пропагандистский характер, к тому же — у руководства Исламской Республики тогда претворять эту концепцию в жизнь на сколько-нибудь серьезном уровне просто не было ни военно-политических, ни организационных возможностей. С учетом сложностей в отношениях с армией, активной внутривнутриполитической борьбы, состояния спецслужб — иранскому руководству

было не до «экспорта революции» и постепенно эта угроза перешла в разряд «очевидного — невероятного», пропагандистского символа, сравнимого с «советской угрозой» того же периода.

В реальности глубинных причин для наступления «зимы» было две: предоставление Египтом временного политического убежища шаху и Кэмп-Дэвид. И если вопрос местожительства шаха носил скорее символический характер (стоивший, правда, Ирану несколько миллиардов долларов, которые шах вывез из страны «на память о покинутой родине»), то кэмп-девидские соглашения давали основания руководству Исламской Республики обвинить Садата в предательстве усилий мусульманских стран в решении палестинского вопроса и коллаборационизме с «сионистским режимом». Подписание мирных соглашений между Израилем и Египтом привело к разрыву ирано-египетских дипломатических отношений. При этом аятолла Хомейни заявил, что условием их восстановления может быть только разрыв Каиром связей с Тель-Авивом.

Убийство Садата и приход к власти Хосни Мубарака в 1981 году ситуацию в ирано-египетских отношениях не изменил. И не мог изменить. Да, Мубарак под лозунгом борьбы с коррупцией провел «зачистку» родственников и приближенных Садата в высших эшелонах, но это было укреплением собственных позиций на вершине власти, а никак не смена курса, на что рассчитывали тогда многие и в Египте, и за рубежом. Основы внешнеполитической ориентации, заложенные Садатом — стратегическое партнерство с США и нормализация отношений с Израилем, беспринципная и бескомпромиссная борьба с «исламистами» внутри страны, не создавали никаких объективных предпосылок для нормализации между Каиром и Тегераном.

Провоцирующим фактором, осложнившим двусторонние отношения, часто называют то обстоятельство, что казненный за убийство Садата Халед аль-Исламбули был объявлен в Иране «шахидом», одна из улиц столицы была названа в его честь, а его портреты стали темой для столь любимого в Иране граффити. Но при этом нужно упомянуть, что в этот же период две трети военного экспорта Египта шли в Ирак, Саддаму Хусейну, развязавшему войну против Исламской Республики (в скобках замечу, что оставшаяся треть шла афганским моджахедам, воевавшим против апрельской революции и Советской Армии). Что более враждебно и «провоцирующе», граффити или поставки оружия и военного снаряжения — каждый решает в силу собственных геополитических симпатий.

Вторжение в Ирак и начало американского «переформатирования» Ближнего Востока привели к новому витку напряженности в отношениях между Каиром и Тегераном. Падение режима Саддама Хусейна высвободило такой поток социальной энергии различных слоев и групп населения на Ближнем Востоке, что это стало совершенной неожиданностью для всех, в том числе — и для «архитекторов переформатирования» из Вашингтона.

В 2006 году в интервью каналу «Аль-Арабия» Мубарак сказал, что «шииты составляют 65% иракцев... Они более лояльны к руководству Ирана, чем к правительству собственной страны». Это заявление более чем показательное — египетское руководство (как, впрочем, и его союзники в регионе, монархии Персидского Залива) основную опасность видели в активизации «шиитского меньшинства». По установившимся стереотипам, за волнениями шиитов обязательно должен был стоять Иран. Согласно такой логике,

угроза для режимов носила исключительно внешний характер.

С этой внешней угрозой и боролись. В каирском университете Аль-Ахзар были собраны ученые, которые работали над созданием программы противодействия шиитской агрессии, а некоторые из них, как например профессор Мохамед Абдель-Монейм аль-Бари, читали лекции сотрудникам египетских спецслужб по практическим методам противостояния «шиитской экспансии». В 2009 году в Египте прошел большой процесс, на котором в адрес 60 подсудимых были предъявлены обвинения в том, что они по заданию Ирана пытались дестабилизировать обстановку в Египте.

Когда часы показывали «без пяти двенадцать до площади Тахрир», режим боролся с «внешней угрозой». При этом режим Мубарака не понимал, что угроза исходит отнюдь не от Ирана, а от США, уже списавших его и сделавших ставку на приход к власти прозападной элиты, сформировавшейся в процессе модернизации страны по лекалам МВФ и западного «общества потребления». Этот режим так и не понял, что против него выступают не шииты, а новые реалии социально-политического и экономического развития страны, новый виток противоречий между софт-колониализмом и национальным государством, между новым, «отмодернизированным» обществом и старой правящей элитой.

Особенности иранской дипломатии в «зимний период»

Иранское руководство всегда осознавало особый статус Египта в арабском мире. Более того, Исламская Республика, Египет, Турция и Королевство Саудовская Аравия — четыре ключевых государства мира Ислама. Отношения между ними, сближение или конфронтация, определяют «погоду» не только на региональном, но и на международном уровне.

Поэтому вполне понятно, что два иранских президента, Али Акбар Хашеми-Рафсанджани (1989–1997) и сменивший его Моххамад Хатами (1997–2005) считали вопрос о нормализации отношений с Египтом одним из основных в своей политической повестке. При этом, публично говоря о верности заветам Великого аятоллы Хомейни, они совершенно забыли его позицию по данному вопросу: восстановление ирано-египетских отношений возможно только при разрыве отношений Египта и Израиля.

И Рафсанджани, и Хатами принято называть «прагматиками». Этот термин в отношении них пришел с Запада и был подхвачен в российской экспертной среде достаточно некритично. По моему убеждению, слово «прагматик», применяемое Западом в отношении иностранного политика означает человека, готового ради сближения с Западом пойти на безвозмездные значительные уступки и отказ от неких основополагающих принципов. В конечном итоге, критерий прагматизма, оправданность уступок — в полученном результате, в выигрыше для национальных интересов. А вот с результатом на каирском направлении у «прагматиков» Рафсанджани и Хатами было, мягко говоря, не очень.

В 90-е, в период президентского срока Рафсанджани, было инициировано создание ряда совместных ирано-египетских предприятий, которые вскоре прекратили свое существование, не оказав сколько-нибудь заметного влияния на товарооборот двух стран.

Достаточно обескураживающий итог в сфере экономического сотрудничества не убавил «прагматикам» оптимизма. Было принято решение перенести усилия по сближению из сферы экономической в сферу политическую. В 2000 году состоялся обмен телефонными звонками между Мубараком и Хатами, начало работу ирано-египетское общество дружбы, были организованы две культурные выставки.

Пиком достижений иранской стороны в этот период можно считать состоявшуюся в 2004 году личную встречу Мубарака и Хатами в Женеве в кулуарах конференции ООН. По итогам этой встречи иранским руководством было объявлено о том, что состоится визит Мубарака в Тегеран. Под жестким прессингом Министерства иностранных дел (руководство которого тоже было насквозь «прагматичным»), власти иранской столицы приняли решение о переименовании улицы аль-Исламбули в улицу аль-Интифада, чтобы не оскорблять чувств высокого гостя. Решение вызвало шквал критики в адрес Хатами и «прагматиков» в целом. Одним из инициаторов и лидеров этой информационной кампании был 56-й мэр Тегерана, которого звали Махмуд Ахмадинежад.

Точку в споре поставил сам Мубарак, точнее — его канцелярия, объявившая, что «визит не состоится», что договоренностей о конкретных сроках не было, а на встрече с Хатами имело место «обсуждение намерений».

Провал усилий «прагматиков» по нормализации ирано-египетских отношений был закономерен и абсолютно предсказуем. Никаких объективных предпосылок для сближения двух стран не существовало. Внешняя политика Египта в период Мубарака определялась стратегическим партнерством с США, экономическая политика — МВФ и бурным притоком западных инвестиций, внутренняя — борьбой армии и спецслужб с «исламскими экстремистами» и восприятием Ирана «Мухабаратом» как «рассадника революционной заразы».

Однако, заданная «прагматиками» инерция процесса «поиска путей нормализации отношений с Египтом вопреки объективным обстоятельствам» сохранилась даже после победы Ахмадинежада на президентских выборах 2005 года. Иран — не тоталитарное государство, и у оставшихся в руководстве и среднем звене управления «прагматиков» была возможность расходовать внешнеполитический потенциал Исламской Республики на достижение призрачного сближения с Каиром аж до 2009 года. Именно в апреле 2009 года тогдашний министр иностранных дел Ирана Манучехр Моттаки (человек, кстати, из команды оппонента Ахмадинежада, спикера меджлиса Али Лариджани) был вынужден на встрече со студентами тегеранского университета Tarbiat Modares признать, что вопрос улучшения отношений с Египтом более во внешнеполитической повестке Ирана не стоит.

Весна — новые надежды и тревожные звонки

«Арабская весна» была воспринята политическим руководством Исламской Республики как уникальная возможность выстроить новую систему взаимоотношений со странами региона. И в первую очередь, эта возможность, по мнению Тегерана, могла быть реализована в отношениях с Египтом.

Руководством Ирана было заявлено о том, что «Египет и Иран являются двумя ведущими странами региона, и они могут совместными усилиями по-

ложительно повлиять на ситуацию в Ливане, Ираке и Палестине». В августе 2011 года, в интервью египетской «Аль-Ахрам», министр иностранных дел Ирана Али Акбар Салехи говорил: «Египет является краеугольным камнем в регионе и имеет особый статус в арабских и мусульманских странах ... и мы хотим отношений дружбы и братства с ним».

Из чего исходили в Тегеране, начиная новую «египетскую партию»? Как минимум — из четырех предварительных выводов, вытекающих из анализа складывающейся тогда вокруг Египта ситуации.

Во-первых, иранское руководство считало, что в ходе «арабской весны» позиции Египта в регионе ослабли, а египетское влияние сменилось на влияние Саудовской Аравии. В Иране полагали, что Египет не будет мириться с утратой сфер влияния, а предстоящее противостояние с Королевством делает его естественным союзником Тегерана.

Во-вторых, предполагалось, что продолжение затеянного Вашингтоном «переформатирования» региона и дальнейшие усилия США по изменению политического строя в государствах Ближнего Востока (приведение к власти прозападных политических элит) создает общность интересов Ирана и Египта в противостоянии американским планам.

В-третьих, охлаждение египетско-израильских отношений и конфликт интересов Египта и Саудовской Аравии в Ливане создавало вероятность выработки общей позиции Ирана и Египта по палестинскому вопросу и оздоровлению ситуации в Леванте.

В-четвертых, представлялось, что наличие и у Ирана, и у Египта национальных мирных ядерных программ и острая экономическая необходимость их реализации обеспечивают Тегерану дополнительный и весьма значимый голос в поддержку его усилий в освоении мирного атома, дают возможность признания права Ирана на мирный атом в глазах международного сообщества. Развитие ирано-египетских отношений в первый год после «арабской весны» внушало иранской стороне определенный оптимизм. В феврале 2011 года новые египетские власти ответили согласием (пусть и с рядом оговорок) на просьбу иранского руководства разрешить проход двух кораблей иранских ВМС через Суэцкий канал, впервые с 1979 года.

В начале апреля исполняющий обязанности министра иностранных дел Египта Набиль аль-Араби заявил о том, что Египет стоит на пороге нового этапа отношений с Ираном. А вскоре последовало и официальное заявление египетской стороны о том, что новый лидер Египта Мухаммед Мурси примет участия в XVI-м саммите Движения Неприсоединения в Тегеране.

Но звучали и тревожные звоночки. Сначала Халед Хамза, главный редактор английской версии сайта Братьев-мусульман выступил с критикой заявления Рахбара Али Хаменеи. Затем пресс-секретарь Мурси Ясир Али в интервью саудовской «Аш-Шарк аль-Аусат» весьма пессимистично отозвался о перспективах ирано-египетского сближения. Причем, в этом интервью

Руководством Ирана было заявлено о том, что «Египет и Иран являются двумя ведущими странами региона, и они могут совместными усилиями положительно повлиять на ситуацию в Ливане, Ираке и Палестине»

Страна	2009 г.		2010 г.		2011 г.	
	Экспорт	Импорт	Экспорт	Импорт	Экспорт	Импорт
США	1 613	4 743	1 563	4 961	1 596	6 457
КНР	975	3 911	432	4 902	603	5 678
Италия	1 585	2 652	2 207	2 962	2 667	3 121
Германия	461	3 602	575	4 024	770	3 922
Сауд. Аравия	1 382	2 015	1 595	2 120	1 882	2 545

было открыто, сказано, что налаживание партнерских отношений с Ираном может навредить отношениям Египта с Соединенными Штатами и привести к прекращению американской помощи Каиру.

Выступление Мурси на саммите Движения Неприсоединения, в котором он предельно резко критиковал сирийского президента Башара Асада и страны, «которые оказывают поддержку кровавому сирийскому режиму» показало, что наметившееся было сближение Каира и Тегерана закончилось, толком и не начавшись. Египет намеренно и достаточно демонстративно пошел на обострение отношений, дав понять, что не видит необходимости в развитии партнерства с Ираном.

Геополитический выбор Мурси

Египет Мурси и возглавляемой им Партии свободы и справедливости унаследовал от Египта Мубарака огромное количество политических и экономических проблем, в решении которых Тегеран Каиру помочь ничем не может. Иран не в состоянии оказать Египту финансовую помощь в объемах, достаточных для больной египетской экономики. Тегеран не в состоянии предложить Каиру приемлемый уровень военно-технического сотрудничества. Он также не в состоянии помочь в крайне непростых отношениях Египта с Международным валютным фондом и Всемирным банком.

Соединенные Штаты и их монархии Персидского Залива для Каира гораздо выгоднее в качестве партнеров, что и обуславливает геополитический выбор нынешнего руководства Египта. Экономика Египта не может существовать без помощи Вашингтона и Эр-Рияда. Достаточно взглянуть на пятерку стран — основных партнеров Каира по внешней торговле, чтобы многое стало понятно.

Стремясь закрепить Египет в рамках формирующейся «суннитской коалиции», монархии Залива активно вкладываются в экономику Египта, стремясь предотвратить ее падение и смягчить последствия «революции». В январе 2013 Катар, уже вложивший \$2,5 миллиардов в 2012 году, заявил о предоставлении Каиру \$1 миллиарда в качестве безвозмездной помощи и еще \$1,5 миллиардов в виде займа. О готовности предоставить Египту в виде займа \$2 миллиарда заявила и теперь уже «демократическая» Ливия.

О списании Египту долга в размере \$1 миллиарда объявил Вашингтон, а представители Белого дома заверили Мурси о том, что будут рекомендовать

МВФ «положительно рассмотреть вопрос о выделении Каиру кредита в \$5 миллиардов».

На 2013 финансовый год США предусматривают выделение Каиру \$1,5 миллиардов, из которых экономическая помощь составит \$250 миллионов, а \$1,3 миллиарда поступят в рамках военно-технического сотрудничества, которое вновь набирает обороты.

В этой связи США взяли курс на установление более тесных контактов с новым руководством египетской армии. В качестве пакета помощи на днях в Египет поступили четыре истребителя F-16. При этом Госдепартамент заявил, что США «ценят тесные стратегические и военно-политические связи с Египтом, имеющих давнюю историю, ради защиты ключевых интересов США. Задержка или отмена поставок F-16 будет подрывать наши усилия по обеспечению интересов национальной безопасности США в этом регионе. Мы должны отправить четкий сигнал гражданским и военным властям Египта, что заинтересованы в переходе к демократии этого ключевого ближневосточного государства».

Все это позволяет с уверенностью сделать вывод о том, что стратегическое партнерство Каира и Вашингтона будет восстановлено в полном объеме. Соответственно, как и при Мубараке — внешняя политика Египта в отношении Ирана будет строиться в полном соответствии с генеральной линией Вашингтона в иранском вопросе.

Правда, появилось новшество. Сегодня «архитекторы ближневосточного реформирования» стремятся перевести конфликт с Ираном (и Исламским пробуждением как формой борьбы с софт-колониализмом) в рамки суннитско-шиитского противостояния. То, что на острие выступлений против любого улучшения отношений с Ираном выступают именно египетские салафиты, убедительно доказывает готовность Египет Мурси к участию в «суннитской коалиции».

Египетские уроки для России

19 апреля в Сочи пройдет встреча Президента Владимира Путина с Мухаммедом Мурси. Пресс-служба Кремля сообщает, что «В. В. Путин и М. Мурси обменяются мнениями по актуальным региональным проблемам, включая ближневосточное регулирование, ситуацию в Сирии и Ливии».

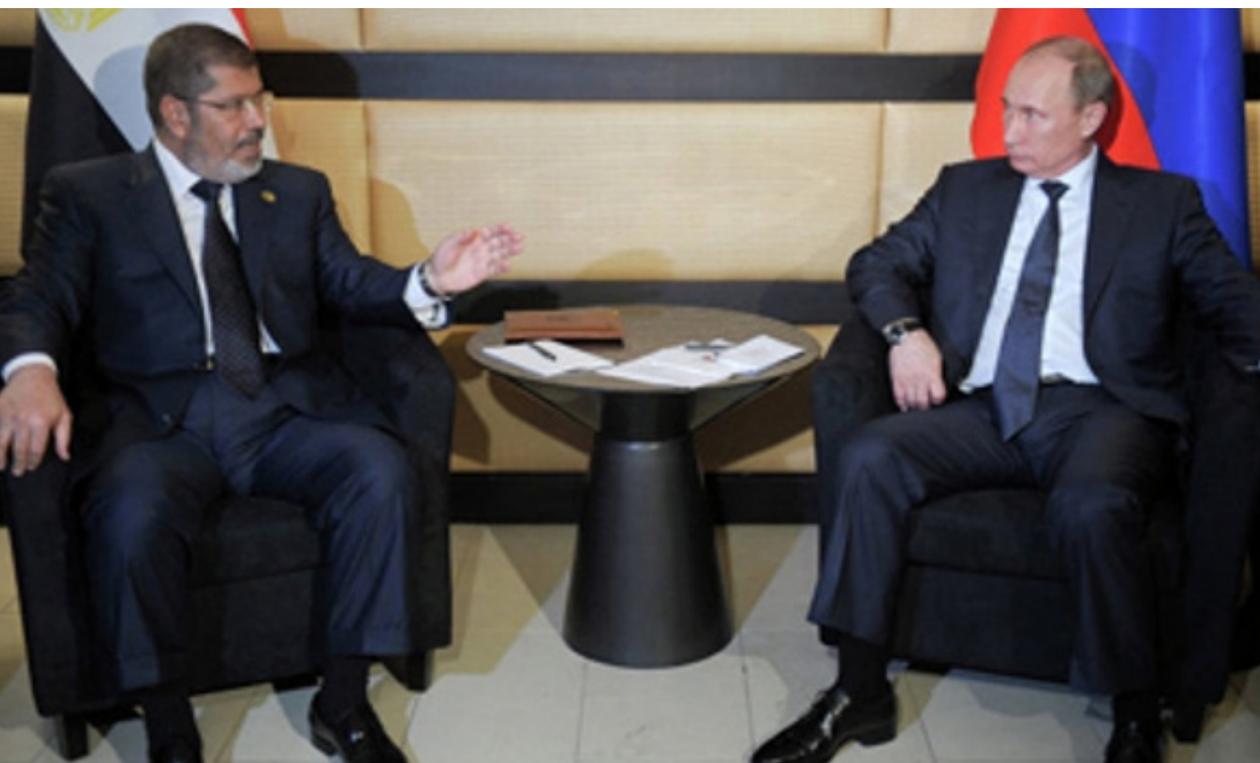
Египетские проправительственные эксперты и журналисты накануне визита египетского президента «к давнему другу в лице России» — льстят и соблазняют. По некоторым данным, глава Египта попросит у России кредит на 5 млрд долларов на льготной основе.

Льстят заявлениями о том, что «Россия является очень важной страной. Это традиционный и испытанный экономический партнер Египта». И более того: «восстановившаяся после кризиса девяностых Россия может вновь стать стратегическим партнером Египта и всего арабского мира в противовес чрезмерному влиянию в регионе американцев». Соблазняют обещаниями больших закупок зерна, рынком газа и участием в модернизации десятков различных заводов, построенных еще СССР, в том числе крупнейшего в стране Хелуанского металлургического комбината.

Пафос достигает невиданных высот: «Мы нуждаемся в силе России на Ближнем востоке и в укреплении союза между арабами и Москвой, это то, что сможет уравновесить стратегическое партнерство между Вашингтоном и Тель-Авивом». В обмен от России требуется совсем немного. Ожидаемому счастью стратегического партнерства мешает лишь «позиция российской дипломатии в отношении кризиса в Сирии».

Предложение стратегического партнерства в обмен на Сирию и кредиты — откровенная ложь. Стратегический партнер Египта уже определен. Определенся Каир и с участием в проамериканской «суннитской коалиции», которая никаких симпатий к России не испытывает. Поэтому вести переговоры с Египтом в расчете на какие-то серьезные политические соглашения — дело пустое, разве что протокол соблюсти.

Ну а вопрос египетских курортов... Никуда те курорты от россиян не денутся. В прошлом месяце представитель египетской Партии свободы и справедливости заверил, что «исламисты» не будут вводить каких-либо ограничений для любителей пляжного отдыха: «Мы приветствуем всех гостей Египта из России, Европы, всех государств. Никаких запретов на въезд для туристов вводиться не будет. Мы, напротив, хотим, чтобы турист еще больше наслаждался пребыванием в Египте». По его словам, в рамках масштабного проекта по развитию въездного туризма Египет уже в 2017 году планирует ежегодно принимать 20-25 миллионов туристов. Какие уж тут ограничения при таких перспективах прибыли...

Ближневосточное турне Чака Хейгела: Антииранский альянс сосредотачивается

Одна из основных целей ближневосточного турне министра обороны США Чака Хейгела по Израилю, Иордании, Саудовской Аравии, ОАЭ и Египту была четко обозначена им самим. В первый же день своего визита в Израиль, глава Пентагона назвал готовящиеся поставки крупных партий оружия на сумму свыше 10 миллиардов долларов союзникам США на Ближнем Востоке «очень ясным» сигналом Ирану, демонстрирующим возможность применения силы для нейтрализации возможно ядерной угрозы. «Я не думаю, что могут быть сомнения относительно того, что это еще один очень ясный сигнал Ирану», сказал Хейгел. Разумеется, в своем заявлении он отметил, что применение военной силы должно быть последним средством сдерживания Ирана на пути к обладанию ядерным оружием, но готовить это «последнее средство» стоит уже сейчас.

Собственно, поездка Хейгела и готовящееся подписание соглашений на поставку вооружений — типичный пример работы по принципу «куй железо, пока горячо». Главе Пентагона предстоит на уровне конкретных соглашений закрепить те принципиальные договоренности с союзниками США в регионе, которые уже были достигнуты до него, госсекретарем Джоном Керри и лично Бараком Обамой. Суть этих договоренностей заключается в том, что Вашингтон приступил к реализации плана нынешней администрации Белого дома по упрочению американских позиций на Ближнем Востоке на новой основе, с учетом уже состоявшегося вывода контингента из Ирака и готовящегося ухода из Афганистана и предстоящих задач по «сдерживанию» Ирана.

Что предстоит сделать американской стороне в рамках реализации этого плана? Вопрос о \$10 миллиардах от оружейных контрактов, при всей манящей грандиозности этой суммы, достаточно вторичен. Вкладывая эти деньги в стратегическое партнерство, США ничем не рискуют, партнеры вполне платежеспособны, даже Иордания и Египет, за которые гарантированно заплатят те же монархии Персидского залива (ну и, как выясняется — теперь еще и «демократическая» Ливия). Гораздо важнее достижение политических целей.

Во-первых, Вашингтону необходимо развеять опасения Израиля и монархий Персидского залива в том, что они утратили свое значение стратегических партнеров для Белого дома. Эти опасения существуют, как существуют и достаточно объективные, по мнению Тель-Авива и Эр-Рияда, основания для них: сокращение военного присутствия США после вывода контингентов из

Ирака и Афганистана, снижение зависимости Штатов от импорта энергоносителей из региона, финансовые проблемы Америки, ставящие под вопрос дорогостоящее развертывание армейских континентов на Ближнем Востоке... И, пожалуй, главное — «поворот в Азию» (под которой понимается Китай и ЮВА), о котором Обама заявил в минувшем году.

Выступая на прошлой неделе на «круглом столе» в CSIS Gulf председатель комитета начальников штабов Мартин Демпси еще раз успокоил партнеров США по региону: «США по-прежнему привержены принципу «общей заинтересованности в общем будущем». И это действительно так. Американские политические элиты считают, что Соединенные Штаты не могут ослабить своего присутствия на Ближнем Востоке, особенно — в разгар происходящих там преобразований, которые по своему масштабу сравнимы с изменениями в Европе и Евразии после распада СССР. Эта точка зрения встречает полное понимание и у союзников США в регионе, которые абсолютно уверены в том, что «Ближний Восток требует американского лидерства».

Во-вторых, Соединенные Штаты заинтересованы в укреплении региональной антииранской коалиции. Страх монархий Персидского залива перед Тегераном, ненависть Тель-Авива и региональные амбиции Анкары в эту антииранскую коалицию укладываются почти идеально, создавая прочный фундамент сотрудничества между основными проамериканскими силами в регионе.

В-третьих, администрации Белого дома необходимо обеспечить внешнюю поддержку внутренней стабильности союзных монархий Персидского залива и Иордании, что становится особенно значимым в формировании суннитской коалиции, призванной дестабилизировать и разорвать формирующийся «шиитский полумесяц» от Кувейта и Бахрейна до Пакистана.

Разумеется, есть и «в-четвертых», и «в-пятых», и «в-шестых»... Есть задача укрепления Египта в формирующемся альянсе, «сирийский узел», проблематика турецко-израильских отношений. Но все это задачи скорее оперативнотактического уровня, которые будут решаться в рамках реализации общего плана «Большого Ближнего Востока» и «Пути в Персию». Ближневосточное турне Хейгела — как раз и есть шаг по реализации данного плана. И каждой из пяти стран, которые он посетит, будет предложен свой пакет соглашений, закрепляющих место это страны в новой региональной коалиции.

Израиль

Тель-Авив — пожалуй, самый сложный пункт переговоров для Хейгела, с которым он, судя по имеющейся информации, вполне справился, развеяв опасения ряда американских политиков и произраильского лобби в том, что «слишком мягок к Ирану и слишком критичен к Израилю». «Готовящиеся оружейные контракты должны, в первую очередь, укрепить качественное военное превосходство Израиля в регионе перед лицом растущей военной мощи Тегерана и его ядерных амбиций», — буквально с трапа самолета заявил Хейгел.

Согласно подписанным контрактам, Израиль теперь сможет приобретать у американских подрядчиков Боинг KC-135 Stratotanker — самолет-заправщик, «противорадиолокационные» ракеты, способные уничтожить радары ПВО противника, новые передовые радары и V-22 Osprey — легендарные американские конвертопланы, сочетающие в себе возможности самолета и верто-

лета. При этом Таймс Израиль станет первым иностранным государством, который получит V-22 Osprey.

Но израильтяне не были бы израильтянами, не попробуй они выторговать себе дополнительные бонусы. На переговорах с Хейгелом был поднят вопрос о содействии Вашингтона в вопросе размещения израильских самолетов на военно-воздушной базе севернее Анкары. При этом Тель-Авив готов предложить Турции противоракетные технологии Израиля, в частности — систему ПРО «Хец» (Эрроу), способную перехватывать иранские «Шехаб» и «Седжил» и, что немаловажно, синхронизированную с американскими системами ПРО, уже размещенными в Турции.

Очевидно, что использование авиацией Израиля турецкой базы повышает шансы на успех операции ВВС Израиля против ядерных объектов Ирана. Но столь же очевидна и авантюристичность этой затеи и ее катастрофические последствия для региона. Поэтому Хейгел ограничился обещанием «провести консультации по данному вопросу со всеми заинтересованными сторонами», уклонившись от более конкретных обязательств.

Иордания

Задачей Хейгела в Иордании является определение дальнейших перспектив уже действующего там контингента из 200 американских военнослужащих. Планируется развернуть в Аммане командный пункт армии США, который будет координировать подготовку иорданских вооруженных сил к действиям по обеспечению безопасности. Причем, трактовка понятия безопасности на переговорах Хейгела и Абдаллы II достаточно широка — и «действия на случай расширения сирийского конфликта» и помощь в случае возможного мятежа против монарха, который становится все более вероятным.

КСА и ОАЭ

В Эр-Рияде опасения по поводу того, что США оставят Королевство один на один с Ираном — достаточно распространены. Но опасения эти напрасны. Командующий USCENTCOM Джеймс Н. Матисс (James N. Mattis) недавно заявил: «В трудные времена королевство продемонстрировало свою готовность и способность использовать свои вооруженные силы для борьбы в рамках созданной США коалиции против региональных угроз. Поддержание военного потенциала Саудовской отпугивает враждебные государства, углубляет партнерство США и Саудовской Аравией и положительно влияет на стабильность мировой экономики».

Кроме того, о чем не любят распространяться в Вашингтоне, USCENTCOM выполняет еще одну деликатную миссию — реализует программу, направленную на укрепление потенциала сил безопасности. Ожидается, что после визита Хейгела помимо высокоточных ракет для F-16 Королевство получит и новейшее снаряжение (в частности — специализированные беспилотники) «для борьбы с повстанцами» в Восточной провинции и в Бахрейне, а также технологии и оборудование для создаваемой «стены» на границе с Йеменом. ОАЭ станет последним пунктом поездки Хейгела. В ходе переговоров с наследным принцем Абу-Даби Мухаммедом бен Заид Аль Нахайян планируется подписать соглашение о приобретении Эмиратами 26-ти самолетов F-16.

Египет

Закрепление Египта в формирующемся альянсе и восстановление американо-египетского ВТС в полном объеме станет задачей Хейгела в Каире. Собственно, никаких особых препятствий для этого не ожидается. Правительство США уже направило \$83 миллиона на модернизацию и подготовку персонала военно-воздушной базы «Каир-Западная», где размещаются поставленные Египту недавно истребители F-16.

Новое египетское военное командование является убежденным сторонником военного сотрудничества с США. Более того, само это командование «состоялось» и сформировалось именно в период альянса Вашингтона с Мубараком. Может ли выступать против сотрудничества с американцами новый главнокомандующий и министр обороны Египта Абдель-Фаттах аль-Сиси, возглавлявший до этого своего назначения военную разведку, которую «ставили» и пестовали американцы? Разумеется, нет, и сам аль-Сиси во всех своих заявлениях подчеркивает необходимость к углублению сотрудничества с США для «увеличения и развития боевых возможностей египетских вооруженных сил», «для поддержания безопасности и мира в регионе».

Третий человек в нынешней египетской армии, генерал-майор Мохамед Эль Ассар вообще считается одной из ключевых фигур в отношениях Египта с Вашингтоном, поскольку «состоялся» на военно-техническом сотрудничестве с США еще в период президентства Мубарака. Один из чинов Пентагона накануне поездки Хейгела вполне откровенно высказал точку зрения министерства обороны США на нынешний Египет: «Новый Египет по-прежнему остается врагом Аль-Каиды и конкурентом Ирана. Он по-прежнему хочет западных туристов и инвестиций. Поэтому — он будет вести себя как ответственный член мирового сообщества».

Впрочем, в установлении доверительных контактов с новым военным руководством Египта Вашингтон действует достаточно деликатно. В частности, США заменили весь штат своего представительства военной разведки в Каире, который был ориентирован на представителей старого командования, не сумевших договориться с Мурси. Сейчас представительство возглавил ветеран Ирака бригадный генерал Р.Кларк, у которого отношения с новым министром обороны аль-Сисси, а также начальником генерального штаба генералом С.Собхи складываются вполне рабочие.

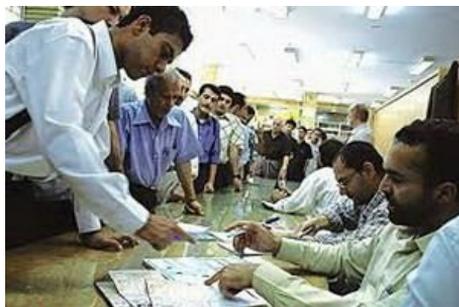
***

Итак, как уже говорилось выше, ближневосточное турне Хейгела — это шаг на пути формирования новой региональной коалиции. Стратегическая цель этой коалиции вполне очевидна — обеспечить США доминирование в регионе через систему союзов и альянсов. Само формирование, как показывают разворачивающиеся события, идет достаточно легко и даже с определенным энтузиазмом государств, решивших «сплотиться вокруг лидера». Дело осталось за малым — «перезаформатировать» Иран. Ну а дальше... Нужно ли будет такой коалиции присутствие в регионе других игроков, вроде России и Китая?

К одиннадцатым президентским выборам в Иране

11-ые выборы в президенты ИРИ пройдут 14 июня 2013 года одновременно с четвертыми выборами в городские и сельские советы.

Первые президентские выборы в Иране состоялись в феврале 1980 года. Первый опыт проведения выборов в президенты закончился избранием на это пост Абульхасана Банисадра. В выборах приняли участие 67,4% избирателей. 4 февраля Банисадр официально вступил в должность, аятолла Хомейни стал Высшим руководителем Исламской Республики.

Спустя несколько месяцев в сентябре 1980 года началась ирано-иракская война. Через год после того, как саддамовский режим подверг Иран полномасштабной агрессии, в июне 1981 года аятолла Хомейни снял с тогдашнего президента Банисадра полномочия Верховного главнокомандующего, ввиду его неспособности адекватно руководить войсками. Немногим позже исламский меджлис Ирана объявил импичмент президенту и в июле 1981 года Банисадр был отстранен и от президентской должности.

Таким образом, через месяц в августе 1981 года в Иране состоялись вторые президентские выборы в досрочном порядке. Президентом страны был избран тогдашний премьер-министр Мухаммад Али Раджаи. После отстранения Банисадра правительство Мухаммад Али Раджаи продолжило свою работу до образования нового правительства во главе с Мухаммад-Джавадом Бахонаром.

В таких условиях контрреволюционная группировка «Мунафикин» (Моджахедин-э Халк) по согласованию с враждебными силами, добивающими свержения молодой исламской республики, развязала в стране вооруженную гражданскую войну. В этот же период в Иране произошел ряд страшных терактов. С отстранением Банисадра, члены и сторонники группировки «Моджахедин-э Халк», которые после победы революции при поддержке Банисадра расширили свою организацию, в июне 1981 года в официальном порядке начали свою террористическую деятельность с целью смены режима в Иране.

В ходе одного из таких терактов, совершенного в июле 1981 года, при взрыве бомбы, заложенной Моджахедами в мечети Абузар в Тегеране, где с речью выступал аятолла Хаменеи, последний был ранен. На следующий день также был совершен теракт в штаб-квартире партии «Исламская республика». В результате теракта погибли 72 представителя самых эффективных служителей исламской республики и соратников имама Хомейни. В результате взрыва мощной бомбы погибли председатель Верховного суда Ирана доктор Бехе-

шти, несколько министров, группа депутатов исламского меджлиса Ирана, высокопоставленные чиновники судебной власти, представители духовенства и революционной интеллигенции.

В августе 1981 года также в результате серии терактов, совершенных членами этой организации, погибли президент Мухаммад Али Раджаи и премьер-министр Мухаммад Джавад Бахонар.

Таким образом, третьи выборы в президенты Ирана состоялись в октябре 1981 года, в небольшом промежутке времени от двух предыдущих. В выборах приняли участие 74,2% избирателей. Получив более 15 млн голосов из общего количество голосов в 16,874 млн, третьим президентом Ирана был избран аятолла Хаменеи.

На четвертых президентских выборах, которые опять же проходили в разгаре ирано-иракской войны, аятолла Хаменеи был переизбран на этот пост с высоким процентом голосов.

Пятые выборы президента Ирана состоялись, однако, на другом важном для исламской революции отрезке времени. На этих выборах, состоявшихся в августе 1989 года, на этот пост был избран Али Акбар Хашеми Рафсанджани. Значимость этого периода заключалась в том, что Иран был погружен в траур в связи с утратой основоположника исламской республики. После кончины имама Хомейни в июне 1989 года Совет экспертов шариата избрал лидером исламской революции аятоллу Хаменеи. Пятый президентский период в Иране характеризовался реализацией первой программы социально-экономического развития, экономическими реформами в послевоенный период, а также политической разрядки напряженности во внешних связях в рамках диалога между Ираном и ЕС.

В июне 1993 года на шестых президентских выборах Али Акбар Хашеми Рафсанджани был переизбран на этот пост. В тот период враждебная политика Вашингтона в отношении Ирана обрела широкий размах, вплоть до того, что подписание тогдашним президентом США Биллом Клинтоном закона о блокировании авуаров и крупных инвестиций в Иране (закон д'Амато) уже сточило антииракские санкции.

Седьмые президентские выборы были проведены спустя 4 года, т.е. в июне 1997 года. Выборы выиграл Мухаммад Хатами, который представлял реформистов. Спустя несколько месяцев в марте 1998 года состоялись первые выборы в городские и сельские советы. Президентство Хатами характеризуется изменениями в политической и общественной атмосфере Ирана.

Восьмые выборы в президенты прошли в июне 2001 года. Мухаммад Хатами на этом посту был переизбран на второй срок. В это же время состоялись выборы в советы, на которых, однако, реформисты потерпели поражение. Спустя три года состоялись выборы седьмого парламентского созыва. Большинство парламентских кресел были заняты консерваторами.

В этот период было принято решение о добровольном приостановлении программы обогащения урана в Иране. Это решение, однако, было истолковано Западом как предмет для злоупотребления, что до сегодняшнего дня бросает тень на атомные права Ирана, хотя в последние дни пребывания у власти восьмое правительство Ирана, возглавляемое Хатами, объявило, что, отстаивая свои законные права, намерено возобновить обогащение урана.

Девятые президентские выборы в Иране прошли в новой атмосфере, отличавшейся сжатым и близким соперничеством двух главных политических фракций в стране, т.е. реформистов и консерваторов. Выборы состоялись в июне 2005 года между двумя главными кандидатами Хашеми Рафсанджани и Махмудом Ахмадинежадом. На первом этапе выборов ни одному из кандидатов не удалось набрать необходимое количество голосов. Исход выборов выяснился на втором этапе, состоявшемся спустя месяц. Ахмадинежад выиграл выборы, набрав 63% голосов. Вместе с ним на выборах баллотировались также Мехди Карруби, Хашеми Рафсанджани и Мухаммад Калибаф.

Девятое правительство поставило во главу угла своей программы изменение экономических планов, реализацию масштабного проекта целенаправленного перераспределения субсидий. В этот же период Иран оказался под усиленным нажимом в связи с атомной программой. В 2006 году МАГАТЭ передало атомное досье Ирана на рассмотрение в СБ ООН, который принял свою первую резолюцию против атомной деятельности Ирана. В этот же период прошли третьи выборы в советы.

Десятые выборы в президенты Ирана состоялись в июне 2009 года. На них соперничали президент консервативного толка Ахмадинежад. Мир-Хусейн Мусави (главный его оппонент и реформист), Мохсен Резаи (консерватор) и Мехди Карруби (реформист). В первом же этапе выборов Ахмадинежад был переизбран на президентский пост, набрав почти две трети голосов.

После выборов проигравшие кандидаты поставили под сомнение итоги выборов. Прошло расследование со стороны соответствующих органов, подтвердившее правильность подсчета голосов. Тем не менее, протесты при подстрекательстве внутренних и иностранных факторов спровоцировали в стране внутренний заговор, о котором мы расскажем в следующей части.

Арина Макарова

Имплицитное согласие США на удар Израиля по Ирану

Газета «Монд» в международном разделе помещает статью под названием «Передовой американский арсенал для Израиля».

В ней рассказывается о поставках новейшего оружия США в Израиль и Саудовскую Аравию. Общая сумма поставок составляет 10 миллиардов долларов. Причем, Израилю удалось получить от США такие военные разработки, о которых он

уже давно пытался договориться — еще во время правления Джорджа-Буша младшего, — но безуспешно. В частности, это высокоскоростные антирадиационные ракеты, радары для самолетов-истребителей, самолеты для дозаправки в воздухе, и даже конвертопланы (авиатранспортные средства, сочетающие отдельные возможности самолетов и вертолетов), которые США ранее ни одной стране не поставляли.

По словам министра обороны США Чака Хэйгела, приехавшего в Иерусалим в минувшее воскресенье, такой контракт показывает, что военное сотрудничество между двумя странами стало «более крепким, чем всегда», и что оно «будет развиваться и впредь».

Но дело не в объемах поставок, и даже не в видах вооружения, а в том, что, согласно газете «Монд», такие поставки означают молчаливое согласие на израильский удар по Ирану. Сам министр обороны США во время своего визита подчеркивал, что атака против Ирана станет крайней мерой, однако, Израиль, как суверенная страна, сам вправе принимать решение.

В конце статьи «Монд» добавляет, что 15 марта комиссия иностранных дел американского Сената приняла резолюцию, в которой говорится, что в случае, если Израиль будет «вынужден» применить военные действия против Ирана, США автоматически обеспечивают ему дипломатическую и военную поддержку.

Владимир Сажин

Израиль — Иран: война нервов

США намерены и впредь поддерживать технологическое превосходство израильской армии в ближневосточном регионе. Об этом заявил в Тель-Авиве министр обороны США Чак Хейгел. Аналитики сразу же увязали эти слова с другим высказыванием Хейгела — относительно Ирана

Заявление было сделано в Тель-Авиве на совместной пресс-конференции Чака Хейгела с его израильским коллегой Моше Яалоном. В том числе он отметил, что военная помощь США направлена на «обеспечение возможностей ВВС Израиля действовать на дальних расстояниях».

Естественно, в ходе визита Хейгела обсуждалась и болезненная для израильтян тема иранской ракетно-ядерной программы. При этом гость из Вашингтона отметил, что США признают за еврейским государством право самому решать, как защититься от иранской угрозы. «Ядерная программа Ирана представляет угрозу, и Израиль сам принимает решение, как ему от нее защититься», — сказал министр.

По данным израильской прессы, в результате договоренностей, достигнутых в ходе визита Хейгела, у Израиля скоро будет все необходимое для такой защиты. В том числе США готовятся поставить израильтянам самолеты-заправщики KC-135, военно-транспортные конвертолеты V-22 «Оспри», противорадарные ракеты и радиолокационную аппаратуру для установки на боевых самолетах. Все эти системы необходимы для проведения ударов с воздуха на тех самых «дальних расстояниях», о которых говорил Хейгел в Тель-Авиве.

Одновременно в Турцию отправился с визитом советник по национальной безопасности генерал Яков Амидрор — один из самых доверенных соратников премьер-министра Биньямина Нетаньяху. Его задача состояла в том, чтобы завершить процесс примирения Израиля и Турции. А заодно генерал поднял вопрос о возвращении Израилю права использовать базу ВВС на территории Турции. Достигли стороны взаимопонимания по этому вопросу или нет — не сообщается.

Между тем, судя по всему, именно этот аспект намечающегося примирения особо интересует израильтян. Ведь неслучайно же с этой миссией в Турцию поехал генерал, а не, допустим, дипломат.

Российский военный эксперт, кандидат военных наук Юрий Бондарь высказал свое мнение:

«Визит генерала Амидрора можно рассматривать с двух позиций: военно-стратегической и политической. Военно-стратегическая сторона (и желание

израильского руководства) сводится к местоположению авиационной базы Акынджи, позволяющему в кратчайшие сроки подлететь к объектам Ирана, минуя зону иранского ПВО. Таким образом израильские военные решили бы задачу нанесения удара по иранским ядерным объектам.

Другой вопрос — политическая составляющая проблемы. Турецкое руководство никогда не даст израильтянам разрешение на использование именно турецкой авиационной базы. В таком случае имидж Турции как мусульманской страны был бы подорван. В то же время можно рассматривать вопрос использования американской военной базы на территории Турции — то есть базы Инджирлик.»

Похоже, что нынешняя пауза в переговорах «шестерки» посредников и Тегерана по иранской ядерной проблеме усиленно заполняется военными приготовлениями к возможному силовому решению этой проблемы. Дотерпят ли «горячие головы» до июньских выборов президента ИРИ, результаты которых, по мнению многих аналитиков, могут сдвинуть с места буксующие переговоры? Это вопрос, на который пока нет ответа. Между тем, как гласит высказывание одного знаменитого русского драматурга, «если в первом акте пьесы на сцене висит ружье, в третьем акте оно должно выстрелить». Ружье уже появилось.

Правда, израильский министр обороны Моше Яалон заявил после переговоров с американским коллегой, что Израиль предоставит дополнительное время для поисков мирного решения иранской ядерной проблемы, прежде чем прибегнет к силовым мерам. Опять вопрос: насколько щедр Тель-Авив и сколько он предоставит этого дополнительного времени?

SELECT U.S. AIR BASES

Событие в пустыне Табас: поучительный урок в истории вражды США с Исламской революцией

25 апреля в Иране отмечается годовщина провала военного вторжения США на территорию Ирана в пустыню Табас для проведения операции под кодовым названием «Орлиный коготь».

33 года назад, 25 апреля 1980 года транспортный самолет С-130 американской армии, взлетевший с одной из воздушных баз США на Ближнем Востоке, а также несколько ударных вертолетов США приземлились в пустыне Табас в центре Ирана. Им была поручена задача освободить сотрудников американского посольства в Тегеране, которое 4 ноября 1979 года было захвачено группой студентов — сторонников Исламской революции, считавших, что дипломатическая миссия США является «гнездом шпионажа и заговоров против Ирана». Выпустив женщин, чернокожих и неамериканцев, они оставили в заложниках на территории посольства 52 дипломата из США. Революционно настроенные студенты требовали возвращения бежавшего в США еще в феврале шаха, который должен был предстать перед судом; вернуть наворованное состояние шаха иранскому народу; принести официальные извинения за действия американцев в Иране в прошлом и пообещать не вмешиваться во его внутренние дела в будущем.

Напомним, в феврале 1979 года в Иране произошла исламская революция, в результате которой был свергнут шах Мохаммед Реза Пехлеви и к власти пришло шиитское правительство во главе с аятоллой Хомейни. Конституционную монархию сменила исламская республика. Исламская революция явилась ответом на проводимые шахом реформы во многом по американскому образцу, которые не учитывали традиции тысячелетней истории Ирана, менталитета его народа. Она сопровождалась бурной антиамериканской кампанией. Вскоре был расторгнут ряд военных и гражданских контрактов Ирана с США и другими западными державами, ликвидированы американские военные базы, закрыты многие иностранные банки и компании.

В ответ на захват американского посольства в Тегеране президент США Джеймс Картер немедленно распорядился заморозить все иранские активы в американских банках. Несмотря на энергетический кризис, было объявлено о введении эмбарго на иранскую нефть. Отношения были разорваны, и всем иранским дипломатам было предписано покинуть США в течение 24 часов. В апреле 1980 года США ужесточила меры, введя полное экономическое эмбарго.

24 апреля 1980 года американцы предприняли операцию по спасения заложников, получившую название «Орлиный коготь» (Eagle Claw).

В первый день операции транспортные самолеты С-130 должны были доставить в условленную точку в пустыне на территории Ирана войска и топливо. Там их встречали американские вертолеты, которые после заправки

перевезли бы войска в укрытие рядом с Тегераном. Самолетам предстояло покинуть Иран для новой заправки, вертолеты же остались бы на тайных позициях близ иранской столицы. На второй день спецназовцы на грузовиках в сопровождении агентов из числа местного населения должны были добраться до посольства и взять его штурмом. После этого заложников следовало доставить к близлежащему футбольному полю, откуда прибывшие по сигналу вертолеты перевезли бы их на заброшенную базу иранских ВВС Манзарие. Оттуда намечался вывоз заложников и десанта самолетами С-141 под прикрытием «летающих крепостей» АС-130.

Вечером 24 апреля 1980 года шесть самолетов с горючим и спецназовцами взлетели с острова Масира в Омане, восемь тяжелых вертолетов RH-53D, на борту которых также находились бойцы «Дельты» и спецназ армии США, поднялись с авианосца Nimitz в Аравийском море. Они должны были встретиться в точке Desert One в иранской пустыне Табас за 80 км от Тегерана, где за 21 день до этого военные с помощью ЦРУ тайно разместили посадочную площадку инфракрасными сигнальными маячками. Затем на грузовиках спецназовцы США должны были добраться до иранской столицы. Одновременно с этим агентура ЦРУ должна была спровоцировать беспорядки в городе. Далее по плану «Дельта» брала штурмом здания, освобождала заложников и доставляла освобожденных к транспортным самолетам, ждавшим своего часа. На всю операцию отводилось несколько часов. Но операция провалилась. Летевшие на низкой высоте вертолеты попали в пыльную бурю и к месту встречи добрались лишь шесть из них. Всем С-130 удалось добраться до Desert One, и после дозаправки операция могла продолжаться. Но тут выяснилось, что из строя вышел еще один вертолет — у него сломалась гидравлическая система, и починить ее на месте было невозможно. Пяти вертолетов было недостаточно, и всем приказали срочно убираться из Ирана. В возникшей суеде один из вертолетов протаранил готовившийся к взлету С-130, в результате чего возник сильный пожар. В ходе спешной эвакуации в пустыне были брошены не только все вертолеты, но даже тела восьми погибших военнослужащих.

Во второй половине 1980 года переговоры, продолжавшиеся после провала операции, свелись к денежному вопросу. США выплатили Ирану за освобождение заложников 8 млрд долл., причем эти деньги выплачивались не из бюджета США, а из тех иранских активов, которые были заморожены. В дополнение к этому США обязались не подвергать судебному преследованию лиц, имевших отношение к захвату посольства.

Заложники, находившиеся в плену 444 дня, были освобождены 20 января 1981 года, в день инаугурации Рональда Рейгана, в соответствии с подписанными днем ранее при посредничестве Алжира соглашениями. Захват заложников привел к разрыву дипломатических отношений между США и Ираном, которые не восстановлены и по сей день.

Корпус стражей исламской революции в среду распространил заявление, в котором поздравил с годовщиной поражения военного вторжения США в ИРИ. В данном заявлении говорится: «Годовщина поражения военного вторжения США в Иран напоминает о воодушевляющем событии и поучительном уроке в истории вражды США с Исламской революцией и иранским народом, которое произошло после краха мнимого могущества Америки в ходе великого подвига связанного с захватом шпионского логова».

Игорь Панкратенко

Президентские выборы в Иране: Борьба элит вокруг внешнеполитического курса

В масс-медиа и экспертном сообществе сложилось представление об Иране как о тоталитарном государстве, где небольшая кучка высших руководителей во главе с духовным лидером Али Хаменеи регламентируют каждый шаг. Исходя из положения Конституции Исламской Республики о том, что Верховный лидер может в любой момент отстранить от власти действующего президента, делается вывод о том, что во

внешней политике самостоятельность этого президента сильно ограничена. А потому — нынешние выборы не имеют особого значения для международных «раскладов», со сменой первого должностного лица государства никаких изменений во внешнеполитическом курсе Исламской Республики не произойдет. Есть ли основания для данного утверждения? Достаточно внимательно прислушаться к выступлениям кандидатов, чтобы понять, что вокруг дальнейших шагов Исламской Республики на международной арене, вокруг отношений с США и его союзниками, вокруг переговоров по ядерной программе Ирана, вокруг Сирии и «Исламского пробуждения» между иранскими политическими элитами идет ожесточенная дискуссия. От исхода нынешних выборов во внешней политике Ирана зависит очень многое, конечно, авторитет духовного лидера очень существенный фактор, но основное слово, все-таки остается за народом Ирана.

Али Хаменеи и особенности иранских политических элит

Представление о «всемогуществе» Духовного лидера в вопросах внешней политики — достаточно распространенное заблуждение. Али Хаменеи — это скорее верховный арбитр в дискуссиях о внешнеполитической стратегии, в ходе которой политические элиты предлагают свое видение стратегии и тактики действий Исламской Республики на международной арене. В идеале, в созданной основателями Исламской Республики системе сдержек и противовесов, деятельность Верховного лидера должна приводить к определенному консенсусу, но, как правило, консенсус этот непрочен и недолговечен. Ни Великому аятолле Хомейни, ни нынешнему Духовному лидеру еще не удавалось прекратить фракционных войн, которые ведутся

весь период существования Исламской Республики. Более того, политическим элитам порою удавалось «продавливать» те свои внешнеполитические шаги, которые были сомнительны с точки зрения и заветов Великого аятоллы Хомейни (вроде попыток установить тесные отношения с Египтом), и, если уж откровенно, с позиции принципов Исламской революции (вроде сотрудничества с МВФ в период президентства Хатами).

В этой борьбе элит нет ничего негативного. Наличие такой борьбы является признаком здоровья общества и — признаком демократии. Элиты Ирана имеют возможность открыто высказывать свою позицию в СМИ, с трибуны Меджлиса, узнавать о поддержке или неприятии своего курса на местных и президентских выборах. Есть ряд условий, нарушать которые не рекомендуется, но отсутствие цензуры существует только в утопических мечтах совсем уж больных на голову «засвободистов».

Как следствие демократичности политической системы Ирана — конфликты в вопросах внешнеполитических подходов между духовным лидером и политическими элитами возникают достаточно часто. Один из авторитетнейших иранских аятолл, Месбах Язди сказал недавно, что «всем иранским президентам за последние 24 года не хватало внутренней убежденности в непререкаемом авторитете Верховного лидера». Сегодня ситуация выглядит более драматично. На новом этапе своего существования Исламская Республика столкнулась с новыми угрозами и вызовами. А это делает дискуссию по внешнеполитическим вопросам между командами кандидатов на пост президента еще более ожесточенной. Критике подвергаются уже не тактические действия нынешней администрации Ахмадинежада. На нынешних выборах речь идет уже об изменении подходов в международных делах.

Но здесь мы сталкиваемся еще с одной, чисто исследовательской проблемой, которая серьезно затрудняет анализ хода выборов. Говоря о политической карте Ирана, нужно понимать: распределять политические силы на этой карте в традициях западной политологии, ориентируясь на политические взгляды лидеров партий и объединений — дело практически безнадежное. В одной и той же партии, в одной и той же политической фигуре одновременно могут ужиться максимальный прагматизм в экономике и социальных отношениях с крайним консерватизмом во внешней политике и культуре. На минувших парламентских выборах лишь у Мохсена Резаи (нынешнего независимого кандидата) была четко сформулированная и оформленная в привычном для нас виде программа действий. Остальные обходились и без этого, заставляя аналитиков буквально по крупницам выуживать программные моменты из их выступлений.

Сводить политическую жизнь Ирана к борьбе консерваторов с реформаторами, традиционалистов и прагматиков — это обеднять ее, загонять в тиски мертвых схем, которые не имеют ничего общего с действительностью и больше напоминают «сферического коня в вакууме». В Иране все одновременно и сложнее, и проще. Идет смена политических поколений. Консерваторы создавали это государство, поколение Ахмадинежада строило его в условиях войны, лишений и внешнего давления, а вступающая в жизнь молодежь имеет свои представления о том, какой должна быть Исламская Республика в нынешнем, быстро меняющемся мире. Наложите на эту картину имеющиеся противоречия между частным капиталом и сторонниками государственного капитализма из КСИР, разбавьте экономическими и социаль-

ными диспропорциями, личными пристрастиями и интригами сторон — и только тогда в первом приближении вы получите некоторое представление о кипящем котле иранской политической кухни. Однако есть ряд международных проблем, которые все же позволяют провести дифференциацию позиций кандидатов в президенты и создаваемых ими коалиций.

Ядерная программа

Иранское общество в абсолютном большинстве не сомневается в необходимости реализации мирной ядерной программы как гаранта независимости страны. Право Ирана на «мирный атом» признают и поддерживают даже самые радикальные из реформистов. Значимость и принципиальность ядерной программы для иранского общества подчеркивает тот факт, что два из двух бывших основных переговорщика по ядерным вопросам (Али Лариджани, нынешний спикер и Хасан Рухани) входят в список потенциальных кандидатов, а участие в выборах нынешнего переговорщика, Саида Джалили, активно муссируется в иранских СМИ.

Вопрос реализации ядерной программы и преодоления санкций Духовный лидер сегодня замкнул на себя, отстранив остальных политиков от участия в этом вопросе. Но в политических элитах, выдвигающих своих кандидатов на президентский пост, существует свое видение, свои нюансы, касающиеся как скорости реализации этой ядерной программы, так и глубины компромисса, на который можно пойти в переговорах о ней с международным сообществом.

Позиция команды проправительственных кандидатов достаточно ясна — форсирование ядерных исследований, производство обогащенного до 20% урана в Иране, развертывание масштабной программы строительства атомных электростанций в стране. Подобный радикализм вполне объясним, если учесть не раз звучавшие тезисы этой команды о необходимости хозяйственной автаркии для Исламской Республики (что, впрочем, совершенно не мешало нынешней администрации прикладывать массу средств и усилий для получения необходимых технологий через «серые схемы»).

Позиция группы 2+1 (Али Акбар Велаяти, Голам-Али Хаддад Адель и Мохаммад Багер Галибаф) более конструктивна. Они допускают возможность компромисса, отказа от 20%-го обогащения, прямых переговоров с США и широкого международного сотрудничества. Но только на условиях полной отмены режима санкций и признания за Ираном прав на ядерные исследования в полном объеме, как и предполагает подписанный ИРИ Договор о нераспространении.

Но компромисс рассматривается ими как временная уступка Западу, что вполне объяснимо с точки зрения их видения процесса «Исламского пробуждения» в «шиитском полумесяце». Возникновение суннитской антииранской и антишиитской коалиции, «турбулентность» Ближнего Востока — все это служит новым вызовом Исламской Республике. А режим «калечащих санкций» резко снижает внешнеполитический потенциал Ирана, его финансовые и экономические возможности в противостоянии формирующимся угрозам.

Та же часть политической элиты, которая связана с бывшими президентами Хахеми-Рафсанджани и Хатами, считает, что речь должна идти не

о временном компромиссе, а о заключении самого широкого соглашения с Западом в вопросе реализации ядерной программы. Данное соглашение, как им представляется, должно не только привести к отмене санкций, но и к политическому и технологическому «патронажу» Запада над «иранским атомом». В качестве примера такого патронажа приводится и египетская ядерная программа, и атомные исследования, ведущиеся сегодня в Саудовской Аравии и ОАЭ. Разумеется, это потребует таких шагов во внешней политике, которые заставят Запад признать Иран «ответственным» государством, но ведь в этом и суть усилий реформаторов.

Отношения с США и Израилем

Что вкладывается в понятие «ответственное государство», столь часто употребляемое западными экспертами в отношении Исламской Республики? В первую очередь — государство, имеющее «нормальные отношения» с США. В переводе на человеческий язык это означает государство, признающее справедливым современное однополярное устройство и разделяющее взгляды Вашингтона на существующее мироустройство.

«2+1» и «проправительственные» признавая необходимость нормализации отношений с США, снижение градуса накала «холодной войны», все же рассматривают такие действия во внешней политике как временный компромисс и четко определяют глубину этого компромисса. «Симптомом нормальности» в представлении западного сообщества выглядит отсутствие конфликта с Израилем, и консерваторы готовы отказаться от скандализированной внешней риторики в его адрес, не отказываясь от курса противостояния сионистскому режиму. Критика Галибафом высказываний Ахмадинежада по поводу отрицания последним «холокоста» вполне вписывается в стратегическую линию Духовного лидера, всегда говорившего о том, что нельзя отождествлять сионистский режим и еврейский народ, нельзя ставить знак равенства между Белым домом и американцами.

«Реформаторы» же готовы пойти несколько дальше. По сути, они предлагают иранскому обществу новое издание «теории конвергенции», ставшей одной из причин краха Советского Союза. В частности, предлагается отказаться от «инвестиций» в правительство Башара Асада, сократить сотрудничество с Хезбаллой, остановить реализацию концепции «Исламского пробуждения». Разумеется, все эти шаги объясняются «интересами Ирана», стремлением «уберечь страну от беспрецедентных внешних и внутренних угроз», как было написано в недавнем открытом письме Духовному лидеру от целого ряда политических деятелей, требовавших вернуть к руководству страны Рафсанджани и Хатами.

Лидер иранской демократической партии Мустафа Кавакебиан (на фото справа), один из нынешних кандидатов в президенты, достаточно точно отразил в своих выступлениях взгляды и позицию «реформаторов»: «Мы будем стараться прекратить всякие международные санкции в отношении иранской экономики, деятельности банков и частных лиц. Разумеется, это потребует улучшения отношений с Соединенными Штатами... Я лично считаю, что прямые переговоры между Ираном и США могут быть конструктивным и полезным для обеих сторон». Было бы недобросовестным утверждать, что позиция «реформаторов» (к которым можно отнести и иранских

либералов, и сторонников Рафсанджани, вот они, хитросплетения иранской политической кухни) не встречают одобрения в обществе. Это понимают и консерваторы, и реформаторы. Критикуя внешнеполитическую риторику Ахмадинежада, Галибаф отметил: «Сначала он (Ахмадинежад — И.П.) говорил о том, что санкции — это клочок бумаги. Сейчас он утверждает, что они нанесли нам огромный урон. Но может быть, этот урон и возник из-за того, что мы не отнеслись к ним серьезно?»

Негосударственные организации США недавно выступили с новой инициативой: в качестве «жеста доброй воли» разрешить некоторым иранским банкам совершать сделки, связанные с закупкой медикаментов, продовольствия и запасных частей для самолетов гражданской авиации западного производства. Было высказано также предложение об открытии в Тегеране офисов неправительственных организаций, которые, по замыслу авторов предложения, должны подготовить почву для прямых переговоров и нормализации отношений. Отказ иранской стороны выглядит вполне логичным. С одной стороны, «неправительственные организации США» давно стали во всем мире синонимами «штаб-квартир бархатных революций». С другой стороны, разрешение на некоторые виды сделок — чистой воды «подачка». Только британско-нидерландский концерн Royal Dutch Shell должен Ирану \$2,3 миллиарда за нефть, поставленную еще до введения эмбарго ЕС на торговлю с Тегераном в июле минувшего года. Уже несколько месяцев Shell ищет возможность выплаты долга, если и не деньгами (транзакции с Ираном европейским банкам запрещены), то хотя бы зерном, продуктами питания и лекарствами, но пока эти инициативы наталкиваются на жесткую позицию британских властей. Но усилиями пропаганды и в мире, и в иранском обществе создается впечатление, что «Иран не желает сделать шаг на встречу»...

34 года становления Исламской Республики совершенно не были легкой прогулкой для иранского народа. Агрессия Ирака, послевоенная реконструкция, экономический кризис в период президентства Хатами, растущие экономические и социальные диспропорции, «калечащие санкции» и «необъявленная война» против исламской Республики — все это ведет к откровенной усталости общества от борьбы, к стремлению покончить с конфликтами на международной арене пусть и ценой значительных уступок. При таких настроениях — призывы реформаторов к «конвергенции» выглядят весьма заманчиво.

Особенности внешней политики во враждебном окружении

«Турбулентность» Ближнего Востока и следующие за нею новые альянсы, союзы, угрозы и вызовы, ярко высветили «стратегическое одиночество» Ирана, по выражению одного из исследователей — «островка шиизма и персидского элемента в тюркском и арабском суннитском море». Деятельность антииранской коалиции сейчас и сводится к тому, чтобы границы этого острова сужались подобно «шагреновой коже». Используя превосходство во внешнеполитическом ресурсе и экономическом потенциале, противники стремятся вытеснить Тегеран из «Большого Ирана», блокировать

все его возможности в Леванте, Ираке и далее — до Центральной Азии, Афганистана и Пакистана.

Сильной стороной дипломатии Исламской Республики всегда было умение играть на противоречиях между основными акторами, гибкость и маневр. Сегодня возможность для маневра сужена до критического предела. В это же время объективной реальностью было и остается обретение Исламской Республикой статуса региональной державы. Лишить Иран этого статуса может только вооруженный конфликт, на который никто не пойдет. Значит — остается путь дипломатии, альянсов и союзов. И перед политическими элитами Ирана сегодня как никогда остро стал вопрос о выборе партнеров. Часть политической элиты, «проправительственные» и консерваторы — видят в этой роли Китай и Россию. Это тем более логично, что часть вызовов и угроз для этих трех стран являются общими.

Реформаторское же крыло рассматривает возможность альянса (под видом пакета соглашений о «нормализации отношений») с Западом. И не следует думать, что позиции этой, западноориентированной части элит в Иране слабы. И политического влияния, и поддержки в обществе у них достаточно. Готовность Запада к переговорам с этой частью элиты также не вызывает сомнений, при этом США готовы гарантировать, при соблюдении ряда условий, сохранения доминирующего положения Ирана в «шиитском полумесяце».

Разумеется, для Али Хаменеи и части консерваторов подобный «пакет соглашений» неприемлем. Не примет его вот так «сразу и сходу» и большинство населения. Но ведь никто и не говорит о нормализации в один день. Пожалуй, за все десять прошедших с 1979 года президентских выборов вопрос о дальнейшей внешнеполитической ориентации Ирана не стоял так остро. Элиты Исламской Республики, все иранское общество столкнулись с необходимостью принципиального выбора дальнейшего поведения на международной арене, поиска новых путей в отношениях с окружающим миром. Каким будет этот выбор?

Почему Израилю не дали бетонобойные бомбы против Ирана?

В новом американо-израильском соглашении о поставке вооружений Израилю опять не будет бетонобойных бомб, которые он очень хотел бы получить. Без них военная операция против иранских ядерных объектов бессмысленна

Эта бомба — Massive Ordnance Penetrator в 30 тысяч фунтов — крупнейший авиационный боеприпас в мире. После сброса с самолета она наводится на цель по сигналу GPS и поражает подземные бункеры до глубины 60 м. Это единственный вид вооружений, способный уничтожить иранский комбинат по обогащению урана в Фордо, расположенный в толще горы. По оценкам многих экспертов, без данных боеприпасов теряет смысл любая воздушная операция против ядерных объектов Ирана. В противном случае, чтобы остановить военным способом иранскую ядерную программу, союзникам пришлось бы вводить в страну войска.

Часть израильских политиков считает, что Тегеран вплотную подходит к решению о создании атомной бомбы. По оценкам экс-главы военной разведки Амоса Ядлина, до решения остается от 2 до 6 месяцев. При таких настроях это оружие в руках израильтян станет лишним поводом к войне, говорит доцент кафедры востоковедения МГИМО Николай Сурков:

«США сейчас не заинтересованы в начале новой войны в регионе. Он и так нестабилен, и если еще вдруг Израиль посчитает возможным провести одностороннюю операцию против Ирана, это создаст большие проблемы не только для Израиля, но и для США и их союзников в Персидском заливе. Иранцы неоднократно заявляли, что нанесут ракетный удар по базам США в аравийских монархиях. Последствия такой войны очень серьезны, и американцы стараются в принципе исключить возможность односторонних действий Израиля».

Есть другая точка зрения: даже с заветной бомбой Израиль останется ни с чем — у него нет подходящих самолетов. Боеприпас в 30 тысяч фунтов влезет лишь в устаревший американский Б-52, который в Иран вряд ли пошлют, и в новейший Б-2 с технологией «стелс». Значит, придется заодно просить и о передислокации Б-2. И если Израиль сочтет, что момент для начала операции настал, а США с этим согласятся, то они и предоставят все необходимые технические средства, поясняет старший научный сотрудник Института востоковедения РАН Дмитрий Марьясис.

«Как только Израиль получит эти бомбы, это будет одним из важных сигналов, что он и его важнейший союзник США склоняются к необходимости военной операции в Иране».

Такая ситуация не наступит раньше осени. К тому времени в Иране пройдут выборы, появится новый президент. Станет понятно, готов ли он пойти на какие-то шаги с целью урегулирования ядерной проблемы. (Кстати, 15 мая состоится новый раунд переговоров Тегерана с МАГАТЭ). «Нужно дать еще один шанс дипломатии, санкциям и другим инструментам, пока они полностью себе не исчерпали», — заявил Моше Яалон на совместной пресс-конференции с Чаком Хейгелом. О каких «инструментах» идет речь, легко догадаться, если вспомнить акции саботажа на иранских ядерных объектах, кибератаки и убийства ядерщиков — хотя Израиль свою причастность к ним отрицает.

Военная же опция, согласились союзники, должна постоянно «оставаться на столе», как крайний вариант. Напоминанием о ней Тегерану стало соглашение США поставить Израилю другие вооружения, которые понадобились бы на случай войны: самолеты-дозаправщики и «умные» ракеты, способные преодолевать системы ПВО.

Динара Джалилова

Азербайджан друг или враг Ирана?

В начале этого года в преддверии президентских выборов в республике Азербайджан заметно активизировались сторонники самоопределения Южного Азербайджана. В феврале Белый Дом получил петицию с призывом защитить права народа иранского Азербайджана. Недовольство сбалансированной политикой Ирана может исходить извне. Чтобы правильно оценить ситуацию, надо рассмотреть мнения иранской и азербайджанской стороны, которые представлены в материале «Кавказской политики».

«Иранское правительство не дает азербайджанцам возможности получать образование на родном языке, а также лишает их независимых СМИ и культурных прав», — говорится в документе, собравшем 25 000 электронных подписей. Через несколько дней в Баку был проведен круглый стол на тему «Вопрос Южного Азербайджана на международной арене», участники которого снова взывали к США и международной общественности о помощи в деле самоопределения северо-восточных территорий Ирана.

Член партии «Умид» Руфат Мурадлы заявил, что для успеха национально-освободительной борьбы южных азербайджанцев очень важна поддержка международной общественности. А представитель движения ReAl Азер Гасымов сказал, что естественным союзником в этом вопросе являются США, поскольку они заинтересованы в изменениях в Иране.

На заседании «круглого стола» прозвучали предложения о том, чтобы власти Азербайджана предприняли шаги для победы освободительной борьбы в Южном Азербайджане. Было предложено создать в Баку институт научных исследований по Южному Азербайджану, а также поднять вопрос Южного Азербайджана в ООН.

Вскоре националистические лозунги подхватили и азербайджанцы Ирана

Двадцать шестого февраля на футбольном матче между клубом «Трактор» (из азербайджанского района Ирана) и «Аль-Джазирой» (из Эмиратов) фанаты азербайджанской команды подняли баннер с надписью «South Azerbaijan is not Iran» по примеру каталонцев, которые на другом матче подняли баннер «Catalan is not Spain». Это привлекло внимание зрителей по всему миру.

Месяц спустя, 30 марта 2013 в Баку прошла конференция на тему «Будущее современного Южного Азербайджана». Организатором выступил созданный в Брюсселе в 2010 году Национальный освободительный фронт Южного Азербайджана.

Участники конференции обсудили внутренние процессы в Иране в контексте его ядерной программы и отношений с США и ЕС

Участники конференции обсудили внутренние процессы в Иране в контексте его ядерной программы и отношений с США и ЕС. В частности, было высказано мнение, что в контексте западных санкций, зеленого движения 2009 года, арабской весны и гражданской войны в Сирии Иран может распасться, и населенные тюрками провинции Ирана могут быть включены в состав Азербайджана.

А в начале апреля Фарзин Фарзад, исполнительный директор Сети американских азербайджанцев из Ирана (Network of Azerbaijani-Americans from Iran (NAAI)), фактически,

обратился с открытым призывом к американским властям использовать азербайджанцев и другие национальные меньшинства Ирана для развала Исламской Республики.

«В последние годы мы каждый день слышим обсуждение методов, которые могут помочь Европе сдержать ядерные амбиции Ирана. Ужесточение санкций и возможность военного вторжения продолжают обсуждаться в конгрессе», — пишет он на сайте Open Democracy.

По мнению Фарзада, «страны Запада пренебрегают этническими меньшинствами Ирана, которые составляют почти половину его населения. Либеральные СМИ почти ничего не сообщают о них, а западная общественность даже не подозревает о том, что эти народы хотели бы построить хорошие отношения с Западом. Пришло время для серьезного обсуждения положения этих этнических групп. Необходимо не просто признать их существование, но и придать огласке их недовольство Исламской республикой и стремление к независимости».

Откуда такая резкая активизация азербайджанских сепаратистов и почему они все хором призывают о помощи к США?

Скоро в Азербайджане пройдут выборы. По мнению эксперта американского аналитического центра Jamestown Foundation Джекоба Зенна, «это, скорее всего, вызовет массовые народные протесты. И народное восстание в Северном Азербайджане может перекинуться и на Южный». И вот тут США, как искренний борец за свободу угнетенных народов, поддержит восставших в ответ на их призывы.

Надо отметить, что, по мнению других экспертов, проблема азербайджанского сепаратизма в Иране искусственно раздувается извне. И сами по себе азербайджанцы Ирана довольны своим положением и не склонны бороться за независимость.

«Как проблема национальный вопрос, особенно азербайджанского этноса, не стоит в Иране», — утверждает директор Российского Центра изучения современного Ирана Раджаб Сафаров.

По словам эксперта, «с самого начала в Иране была сбалансированная национальная политика. И все, что там говорят на Западе о сепаратизме в северных территориях Ирана, так называемом Южном Азербайджане, не имеет под собой оснований».

«Я сам бывал в провинциях, преимущественно населенных азербайджанцами и общался с разными людьми, — говорит он, — и я не увидел признаков того, что этнические азербайджанцы каким-то образом ущемлены или недовольны государством.

Наоборот, у них очень много свободы. Государственный язык в Иране — персидский, но северные территории имеют государственное телевидение на азербайджанском языке, издаются газеты и журналы, никто их не ограничивает в употреблении родного языка.

Более того, азербайджанцы даже активнее, чем персы, участвуют во всех сферах общественной жизни и представлены во власти. Практически, в каждом кабинете иранского правительства минимум 13, а то и больше половины составляют этнические азербайджанцы. Поэтому здесь нет протестного настроения».

Даже американский пропагандист сепаратизма Фарзин Фарзад признает, что в Иране азербайджанцы имеют большое представительство в бизнесе и правительстве. Но вместо того, чтобы довольствоваться этим выгодным положением в Исламской Республике, он призывает азербайджанцев воспользоваться своими деньгами и властью, чтобы эту республику развалить. И сетует на то, что далеко не все азербайджанцы стремятся к самоопределению и многие из них поддерживают правительство.

Сафаров убежден в том, что азербайджанский сепаратизм вдохновляется врагами Ирана. «Запад во главе с США ищет слабые места своего идеологического противника. А Израиль и некоторые другие страны заинтересованы в том, чтобы ослабить эту сбалансированную политику», — считает эксперт.

По его мнению, «националистические настроения подогреваются Западом так же и в республике Азербайджан. Но они не находят поддержки у азербайджанцев Ирана. Поэтому, если начнется противостояние, и республика Азербайджан будет задействована в антииранской политике, то именно этнические азербайджанцы станут самыми ярыми защитниками Исламской республики, потому что они будут оскорблены тем, что со стороны своих братьев они получили угрозу своему спокойствию и благополучию».

И действительно, борцы за самоопределение Южного Азербайджана проживают, главным образом, не в Иране, а на Западе, где действует несколько организаций, которые продвигают идею независимости от Ирана.

Даже американский пропагандист сепаратизма Фарзин Фарзад признает, что в Иране азербайджанцы имеют большое представительство в бизнесе и правительстве

К примеру, в США действует «Движение национального пробуждения Южного Азербайджана» во главе с Махмудали Чехраганлы и упомянутая выше «Сеть американских азербайджанцев из Ирана». В Канаде расквартирована «Партия независимости Южного Азербайджана» во главе с Салехом Илдиримом, а в Швеции против ущемления нацменьшинств агитирует общество, объединяющее иранских журналистов и писателей в изгнании «PEN international» и т. д.

И все они выступают не столько в поддержку азербайджанцев, сколько в поддержку либерализма и против Исламской Республики, как таковой.

Но, несмотря на активные действия этих организаций и их покровителей, они не так уж уверены в своих силах. И существуют опасения, что не Южный Азербайджан станет более демократичным и независимым от Ирана, а, наоборот, в северном Азербайджане наберут силу проиранские элементы.

«Мусульманская община Нардарана в пригороде Баку поддерживает Иран, — отмечает американский эксперт Джекоб Зенн, — Нардаранцы глубоко и открыто религиозны: женщины носят чадру на иранский манер, алкоголь и свинина здесь строго запрещены. Они активно выступают против США, скандируя на митингах «Смерть Америке», «Смерть Израилю», также они протестуют против запрета хиджаба в учебных заведениях и требуют освобождения узников совести, что находит поддержку среди светских азербайджанцев. Сторонников арестованного 31 марта имама Багирзаде становится все больше. И тот факт, что они поднимают не только религиозные, но и светские проблемы, импонирует людям, недовольным правительством».

Баку обозначил свои ближневосточные приоритеты без оглядки на Тегеран

В истории внешнеполитической деятельности Азербайджана совершен шаг, который сегодня многими государственными и политическими деятелями, а также ведущими аналитиками оценен как исторический. Впервые за 20 лет установления дипломатических отношений с Израилем министр иностранных дел Азербайджана совершил официальный визит в эту страну. Он прошел на фоне обострения отношений Запада с Ираном, наличия палестинской проблемы, а также конфронтации в связи с этим большинства стран арабского мира с Израилем.

Учитывая непростую ситуацию, Баку анонсировал визит как мероприятие в рамках своего членства в Совете Безопасности ООН. А пресс-секретарь МИД Азербайджана Эльман Абдуллаев поведал журналистам, что в качестве непостоянного члена СБ ООН Азербайджан внимательно следит за ближневосточным мирным процессом.

«Израильско-палестинские вопросы всегда были предметом обсуждений в Совбезе. Важно быть в контакте как с израильскими, так и с палестинскими официальными лицами. Возможно, Азербайджан и небольшая страна, но она хочет увеличить свое влияние за счет улучшения связей и с израильянами, и с палестинцами», — отметил азербайджанский дипломат.

Ближневосточное турне глава внешнеполитического ведомства Азербайджана Эльмар Мамедъяров начал с Рамаллы, где встретился с палестинским коллегой Риадом аль-Малики, а также с премьер-министром национальной автономии Саламом Фаядом. В рамках этих встреч Мамедъяров, выразив заинтересованность Азербайджана в скорейшем разрешении конфликта на Ближнем Востоке, заверил собеседников, что официальный Баку продолжит поддержку Палестины на международной арене.

Более интенсивные переговоры азербайджанский министр провел в Израиле, где встретился с экс-министром иностранных дел Авигдором Либерманом, ныне занимающим пост главы парламентской комиссии по иностранным делам и обороне, а также с президентом Израиля Шимоном Пересом, который выразил уверенность в том, что Азербайджан станет основным игроком в своем геополитическом регионе, имея большое будущее, основанное как на человеческом факторе, так и на природных ресурсах. Перес также отметил, что еврейская община Азербайджана (около 30 тыс. чело-

век. — «НГ») на протяжении веков проживала в спокойствии и никогда не преследовалась.

Следует заметить, что вопреки болезненной реакции Ирана на партнерские отношения Азербайджана и Израиля официальный Баку успешно развивает политико-экономическое и военное сотрудничество с Тель-Авивом.

К примеру, Азербайджан является одним из основных поставщиков нефти в Израиль, и торговый оборот между двумя странами вырос с 125 млн долл. до 4 млрд долл. Растет количество израильских компаний в Азербайджане, налажено производство израильских беспилотных летательных аппаратов в Баку. Так что Мамедъярову было что обсуждать в Израиле. По мнению политолога Фикрета Садыхова, какие бы эмоции этот визит ни вызывал у Тегерана, он вписывается в контекст внешнеполитических приоритетов Азербайджана в этом регионе.

«Думаю, что и Израиль доволен развитием двусторонних отношений с Азербайджаном, о чем неоднократно заявляли официальные лица этой страны. Наше сотрудничество носит партнерский, стратегический характер. Оно проводится в рамках двусторонних интересов для обеих сторон. Считаю, что после визита главы МИД Азербайджана в дальнейшем нельзя исключать и открытия нашего посольства в Израиле. Этот вопрос станет более актуальным. Для нас главное — наши национальные интересы, и мы должны исходить исключительно из них», — заявил политолог Inews.az.

Между тем, предвидя отрицательную реакцию Тегерана на этот визит, член комитета по нацбезопасности и обороне Милли Меджлиса Захид Орудж заявил журналистам, что ближневосточное турне Мамедъярова, особенно в контексте обсуждения развития двусторонних отношений с Израилем, не нацелено против Ирана.

«Внешняя политика Азербайджана в отношении соседних стран выстроена на дружеской основе. Азербайджан развивает двусторонние отношения с Израилем в военной и других сферах, но при этом никогда не выступит против Ирана. Напротив, Азербайджан выступает против санкций в отношении ИРИ и до сего дня не присоединился и в дальнейшем не присоединится к санкциям Евросоюза или другого вида санкциям против официального Тегерана», — отметил депутат.

Александр Акимов, Виталий Наумкин

Перспективы развития ситуации в странах Ближнего Востока до 2020 года

Учитывая высокую динамику протекающих в странах Ближнего Востока процессов, целесообразно разделить рассматриваемый нами восьмилетний период условно на две части — 2013–2016 гг. и 2016–2020 гг. и соответственно этому говорить о краткосрочной и среднесрочной перспективах развития ситуации в этих странах. Это, конечно, не означает, что между двумя четырехлетиями пролегает некий водораздел.

Последнее десятилетие XXI в. было временем серьезных потрясений для региона: подъем исламского радикализма и начало глобальной войны против террора, иностранное вторжение в Ирак и свержение режима Саддама Хусейна, новые периферийные войны Израиля с арабами (2006 и 2009 гг.). А начавшийся в 2011 г. процесс «арабского пробуждения» стал для региона событием исторического значения, сопоставимым с распадом Османской империи и образованием национальных арабских государств под мандатом Великобритании и Франции после Первой мировой войны или освобождением этих государств от колониализма и национальными революциями третьей четверти XX в. Бурные мятежные движения 2011–2012 гг. в шести арабских странах (в отдельных случаях они могут быть охарактеризованы как революции) уже привели к смене лидеров или режимов в части из них и к политическому триумфу десятилетиями находившихся в подполье исламистских сил. Нет оснований считать, что все остальные государства имеют иммунитет от лихорадки молодежного протеста, который явился мотором происшедших изменений. Однако нет причин и говорить о каком-либо эффекте домино, поскольку в одной части государств региона протестные движения практически вообще не имели место, в другой — были погашены с помощью реформ (пускай, и не глубоких), как, например, в Иордании и Марокко, денежных вливаний, как в Саудовской Аравии, или репрессивных действий властей, как на Бахрейне. На среднесрочную перспективу ключевым вопросом для региона представляется возможность изменений в таких региональных гигантах, как Иран и Саудовская Аравия, ситуация в которых пока остается стабильной.

Общая траектория развития ситуации в регионе будет определяться совокупным воздействием следующих обстоятельств.

Остановится ли в регионе волна мятежей, протестов и революций?

Удастся ли удержать регион от распространения оружия массового поражения?

Какую политику в отношении государств региона будут проводить наиболее влиятельные глобальные державы?

Удастся ли добиться успеха в разрешении арабоизраильского конфликта (в первую очередь, на палестино-израильском треке)?

Насколько серьезным и длительным будет обострение межконфессиональных и внутриконфессиональных противоречий?

Пойдет ли на спад религиозный экстремизм и терроризм?

Удастся ли избежать новых войн и иностранных интервенций?

Будут ли развиваться «новые арабские исламские режимы» в направлении демократии?

Какой будет ситуация на нефтегазовом рынке?

Насколько успешным будет экономическое развитие стран региона?

В этом контексте ключевой проблемой для региона в рассматриваемый период является экономическое развитие.

Перспективы экономического роста в странах Ближнего Востока

Начавшийся в 2011 г. процесс «арабского пробуждения» стал для региона событием исторического значения, сопоставимым с распадом Османской империи и образованием национальных арабских государств под мандатом Великобритании и Франции после Первой мировой войны или освобождением этих государств от колониализма и национальными революциями третьей четверти XX в.

Регион Ближнего Востока, как можно предполагать, останется крупнейшим поставщиком нефти и газа (свыше 2/3 мировых поставок нефти), а также высокотехнологичных решений в самых разных областях: от военной техники до сельского хозяйства (например, в Израиле). В то же время набирающей силу новой тенденцией является повышение потенциала региона в обрабатывающей промышленности (Турция), нефтехимии (Саудовская Аравия).

Будет возрастать роль Ближнего Востока в качестве мирового финансового центра (ОАЭ), регион останется крупным импортером самых разных видов промышленной и сельскохозяйственной продукции. С одной стороны, арабские страны Персидского залива сохранят значение как крупные экспортеры капитала. При этом стоимость зарубежных активов этой группы стран, по некоторым оценкам, уже превысила 1,8 трлн долл., что примерно в два раза превышает их суммарный ВВП, а основная часть инвестиций приходится на США (более 300 млрд долл.) и на страны Европы. С другой стороны, страны региона сами являются реципиентами прямых иностранных инвестиций, самые крупные из них — Саудовская Аравия, Катар и Турция. Ключевые инвестиционные сектора в арабских странах Персидского залива включают нефтехимический сектор, металлургию, алюминиевую и цементную про-

мышленность, производство строительных материалов, горнодобывающую и пищевую промышленность, объекты инфраструктуры, сферу услуг.

Саудовская Аравия и ОАЭ стремительно улучшают инвестиционный климат, что является важной предпосылкой для устойчивого экономического роста на ближайшую перспективу. За период 2005–2010 гг. Саудовская Аравия перешла с 67-го на 13-е место в мире в рейтинге стран по удобству ведения бизнеса, определяемом Всемирным банком. Продолжается осуществление стратегических программ развития, что, вероятно, будет продолжаться и в среднесрочной перспективе. В Долгосрочной стратегии экономического развития Саудовской Аравии до 2024 г., первыми двумя этапами осуществления которой являются восьмой (2005–2009 гг.) и девятый (2010–2014 гг.) пятилетние планы экономического развития, поставлена цель снизить за период с 2005 по 2024 г. долю экспорта нефти в общем экспорте страны с 65,8 до 19,5%, поднять долю экспорта других товаров с 26,8 до 59,8%, а долю экспорта услуг с 7,4 до 20,7%.

В целом значение всей группы арабских стран Персидского залива, экспортирующих нефть, непременно, будет расти. К 2020 г. их суммарный ВВП должен достичь 2 трлн долл., что составит 1,7% мирового ВВП.

В рамках стратегии развития до 2024 г. катализатором капиталовложений должны стать прежде всего частные инвестиции. Поставлена цель наращивать частные инвестиции в среднем на 10,3% в год, в то время как ежегодный рост государственных инвестиций должен составить около 8,7%. Фактором риска для Королевства на ближайшую перспективу является истощение запасов нефти в результате наращивания ее добычи для компенсации нехватки сырья на рынке вследствие санкций против Ирана. К 2020 г. основными покупателями аравийской нефти станут азиатские государства (в первую очередь, Китай), а возможное достижение западным полушарием энергетической самообеспеченности (с учетом, в частности, огромных запасов, открытых в Бразилии), как можно предполагать, коренным образом скажется на отношениях арабского мира с США.

Однако в целом значение всей группы арабских стран Персидского залива, экспортирующих нефть, непременно, будет расти. К 2020 г. их суммарный ВВП должен достичь 2 трлн долл., что составит 1,7% мирового ВВП. Контуры ситуации в этом регионе определяется тем, что аравийские режимы стоят перед выбором следующих вариантов экономической политики: продвижение широких экономических программ развития при сравнительно более медленных политических сдвигах либо ускорение политических реформ, в случае, если экономическая политика окажется менее успешной, чем ожидается.

В Турции макроэкономическая стабилизация и увеличение роли частного сектора будут способствовать экономическому росту. Руководство страны планирует, что к столетнему юбилею республики в 2023 г. она войдет в число 10 крупнейших экономик мира (занимая в настоящее время 17-е место в мире по величине ВВП). Независимо от того, сумеют ли турецкие лидеры решить эту амбициозную задачу, понятно, что страна вышла на траекторию достаточно устойчивого и динамичного экономического роста и прочно закрепились в таких авторитетных международных сообществах, как «Группа двадцати». Норма инвестиций превысила 21%, выросли прямые иностранные инвестиции. Фактором риска для Турции является значительная роль внешних источников финансирования. В 2008 г. дефицит по счету текущих опера-

ций платежного баланса достиг 42 млрд долл. против 1,5 млрд долл. в 2002 г. и, по прогнозам, составит около 60 млрд долл. К 2015 г. Данная тенденция в условиях нарастания финансовых проблем в странах Запада делает Турцию более уязвимой в случае разрастания мирового финансово-экономического кризиса. Показателем уровня развития турецкой промышленности являются успехи военно-промышленного комплекса, производящего авиационно-ракетную технику, крупные боевые корабли и подводные лодки, средства радиоэлектронной борьбы.

На экономику Ирана большое влияние оказывает режим международных санкций, действующий с 2010 г. Она сильно зависима от экспорта — объем внешней торговли составляет свыше 45% ВВП. В то же время значительные людские и природные ресурсы страны обеспечивают существование внутреннего рынка, поддерживающего экономическую активность даже в условиях ухудшающейся мировой конъюнктуры. Сложившаяся практика иранского руководства постепенно изменять действующие в стране экономические механизмы в сторону мировых стандартов позволяет рассчитывать на устойчивое развитие. Поскольку вероятность сохранения высоких цен на нефть достаточно велика, можно прогнозировать, что существенного замедления темпов роста иранской экономики не произойдет. Уровень развития реального сектора экономики Ирана характеризует тот факт, что страна имеет отечественное ракетостроение, развитую фармацевтику и некоторые другие высокотехнологичные производства.

Социальные, экологические проблемы и некоторые экономические сценарии

Что касается особенностей развития региона, которые будут присутствовать при любом сценарии, то это сохранение высоких темпов роста населения, как минимум, на краткосрочную перспективу (с некоторыми исключениями, к примеру, в Турции), обострение экологических проблем и нехватка ресурсов, в первую очередь — сельскохозяйственных земель и пресной воды. Кроме Турции, все страны региона имеют крайне низкий уровень водообеспеченности, ограничивающий развитие сельского хозяйства.

Регион вынужден импортировать значительное количество продовольствия, а также кормового зерна. Дефицит пресной воды приводит к невозможности развивать сельское хозяйство без существенных инвестиций, а для развития экономики, включая помимо сельского хозяйства городскую инфраструктуру и некоторые водоемкие отрасли промышленности, необходимо развивать самостоятельную капиталоемкую отрасль по добыче и опреснению, а также транспортировке пресной воды.

В течение последних четырех десятилетий в арабских странах стабильно повышался удельный вес молодежи среди населения. Экспертами Всемирного банка прогнозируется, что к 2015 г. он будет превышать 30%. Этот процесс при ограниченных возможностях роста обрабатывающей промышленности и сельского хозяйства порождает высокий уровень безработицы, прежде всего — среди молодежи. В настоящее время безработица среди молодежи в странах Ближнего Востока составляет свыше 25%, что является одним из самых высоких показателей в мире. Это, в свою очередь, предопределяет достаточно высокие темпы роста региональных трудовых ресурсов: в 1980–2010 гг. они

находились на уровне 3,3% (в Южной Азии — 2,1%, в Восточной Азии — 1,5%).

В настоящее время безработица среди молодежи в странах Ближнего Востока составляет свыше 25%, что является одним из самых высоких показателей в мире.

Проблема высокой безработицы в арабских странах тесно связана с качеством их трудовых ресурсов, которое заметно отстает от других развивающихся регионов. Доля низкоквалифицированных и неквалифицированных работников составляет примерно 60–65% экономически активного населения арабского мира, что, в свою очередь, обусловлено отставанием образовательного уровня местных жителей. Критической социальной проблемой региона остается крайняя бедность населения в разных странах, входящих в его состав.

Не менее острой проблемой для арабского мира остается хроническая бедность достаточно широких слоев населения. Рост безработицы и повышение потребительских цен (прежде всего на продукты питания) привели к заметному росту удельного веса бедных в общей численности населения. По имеющимся оценкам, учитывающим национальные критерии бедности, рассматриваемый показатель в конце 2000-х годов достиг в среднем 40%, в частности, в Йемене — 60%.

С учетом всего сказанного можно предположить несколько вариантов развития экономической ситуации в регионе в связи с политической ситуацией.

Первый сценарий: «Политические процессы взрывают регион и его экономику». В этой ситуации различного рода конфликты расшатывают социально-экономическую обстановку в такой степени, что экономическая деятельность резко сокращается, разрушаются существующие предприятия, экономика откатывается далеко назад по уровню и масштабам развития. Примеры реализации такого сценария сегодня — Ирак и Ливия.

Второй сценарий: «Внешнеэкономические процессы — запал для политического взрыва». Мировой финансово-экономический кризис, развитие альтернативных технологий в энергетике от солнечной и ветровой энергетики до сланцевых нефти и газа, замедление экономического роста в КНР могут привести к резкому сокращению спроса на основные экспортные продукты региона — нефть и газ. В результате сокращения экономических возможностей государств разворачиваются разрушительные процессы в политической области.

Третий сценарий: «Устойчивое развитие». Сценарий возможен как при благоприятном развитии мировой экономики, так и при мировом кризисе, если он не вызовет существенного спада потребления нефти и газа в быстро растущих экономиках стран Азии. При росте мировой экономики потребности разных стран мира в нефти и газе будут возрастать, что придаст импульс развитию региона. Экономический спад в странах Запада, вызванный мировым финансово-экономическим кризисом, может привести к спаду потребления нефти и газа в этой части мирового хозяйства, но растущие экономики Китая, Индии и стран Юго-Восточной Азии будут нуждаться в дополнительных количествах топлива, особенно для автомобильного транспорта, и этот рост потребностей в нефти и газе в странах Восточной и Южной Азии обеспечит спрос на нефть и газ Ближнего Востока.

Варианты развития политической ситуации

Одним из наиболее негативных последствий турбулентных событий последнего десятилетия явилось резкое обострение межконфессиональных (между мусульманами христианами) и внутриконфессиональных (между суннитами и шиитами) противоречий, которые на краткосрочную перспективу имеют тенденцию не только сохраниться, но и обостриться.

Переживаемые в последнее время государствами региона (в первую очередь, его арабской части) бурные трансформационные процессы, сохранение старых и появление новых угроз безопасности, нерешенность конфликтов, немалая часть из которых имеет глобальное измерение (арабо-израильский конфликт, ситуация в Судане, курдская проблема, деятельность экстремистских и террористических организаций, ядерная программа Ирана, положение в Сирии, в Йемене, неопределенность будущего Ирака и т. п.) предопределяют возможность развития ситуации в нежелательном для мира и стабильности направлении.

Одним из наиболее негативных последствий турбулентных событий последнего десятилетия явилось резкое обострение межконфессиональных (между мусульманами христианами) и внутриконфессиональных (между суннитами и шиитами) противоречий, которые на краткосрочную перспективу имеют тенденцию не только сохраниться, но и обостриться. Формирование на Ближнем Востоке альянса влиятельных суннитских исламистских (или симпатизирующих исламистскому порядку даже при сохранении светского характера своей государственности, который может подвергаться эрозии) режимов, осью которого на сегодня являются такие страны, как Саудовская Аравия, Катар, Турция, Тунис усилит их стремление доминировать в региональной политике и навязывать соседям свою повестку дня.

Неясно, надолго ли сохранится неожиданное взаимопонимание и сближение вышеназванной группы государств с Западом и, прежде всего, с США, поддержавшими революции арабских майданов и установивших отношения сотрудничества с политическим исламом. Вероятно, глубоко проникший в местные общества антиамериканизм, подогреваемый неослабевающей поддержкой Вашингтоном Израиля и хронической неурегулированностью арабо-израильского конфликта, все же не удастся преодолеть. Показательно, что даже в условиях острого экономического кризиса основная часть египтян негативно относится к перспективе предоставления Западом экономической помощи их стране. Сохраняет потенциал джихадистское движение, которое помимо решения внутренних задач не отказывается (во всяком случае, в части входящих в него организаций) от глобальной повестки дня. В то же время нельзя полностью исключить маргинализацию экстремистских террористических движений, которые сосредоточатся на завоевании влияния в уязвимых «пограничных» зонах Ближнего и Среднего Востока и Африки. «Аль-Каида», по имеющимся оценкам, может превратиться в сообщество дочерних организаций, «одиноких волков», или (в результате успешного контртеррористического давления) в совокупность ячеек, связанных лишь информационно-коммуникационными и идеологическими нитями.

Потенциал исламистского движения в целом в предстоящий период будет ослабляться противоречиями между различными течениями политического

ислама — «Братьями-мусульманами» (и выросшими из них группировками), салафитами и джихадистами. Эти противоречия будут и в дальнейшем активно использоваться региональными акторами с целью продвижения своих интересов (например, поддержка Саудовской Аравией салафитов, Катаром — «Братьев-мусульман»).

Потенциал исламистского движения в целом в предстоящий период будет ослабляться противоречиями между различными течениями политического ислама — «Братьями-мусульманами», салафитами и джихадистами. Эти противоречия будут и в дальнейшем активно использоваться региональными акторами с целью продвижения своих интересов.

В целом с немалой долей вероятности можно предположить, что, как минимум, в краткосрочной перспективе неопределенность и нестабильность в значительной части стран Ближнего Востока, порожденные массовыми протестными движениями и приходом к власти исламистов, сохранятся.

Удастся ли господствующим теперь во многих государствах (и прежде всего в такой ведущей стране арабского мира, как Египет) исламским политическим силам, «голодным до власти», как выразился один из участников событий, преодолеть искушение вернуться к испытанным авторитарным методам правления? Не помешает ли их взгляд на собственный успех как на результат Божественного предопределения выполнению ими обещаний сохранить приверженность демократии и опираться на волеизъявление? И, главное, удастся ли им решить трудные задачи восстановления экономик, которым был нанесен ущерб турбулентными событиями 2011–2012 гг.?

В среднесрочной перспективе сохранится противоборство двух тенденций в эволюции политического ислама. Одна из них — к модернизации, адаптации его к современным реалиям в силу самой ответственности за управление соответствующими странами, усиление его приверженности демократическим нормам под давлением общественного мнения большинства населения, высказавшего в ходе протестных движений стремление к свободе и социальной справедливости. Другая — «замыкание в себе», попытка выстроить систему ценностей и норм, в значительной мере не совпадающих с господствующими в большинстве стран мира.

Частичная дерадикализация политического ислама уже происходит, и под влиянием этого процесса уже в краткосрочной перспективе будет меняться лицо таких группировок, как ХАМАС и Хизбалла. Движение ХАМАС, поддерживаемое в настоящее время не Ираном, а консервативными арабскими режимами, вероятно, будет дальше двигаться в сторону мира с Израилем. Возможное превращение его демократическим путем в правящую политическую силу всей Палестинской автономии создаст новую ситуацию, которую будет должен учитывать как Израиль, так и западные государства.

Шансы на создание даже на Ближнем Востоке даже к 2020 г. зоны, свободной от ядерного оружия, или продвижение в «глобальному нулю» пока остаются незначительными.

Стратегия Хизбаллы, возможно, в меньшей мере будет увязываться с целями, которые преследует Иран. Однако рост числа накопленных этой партией ракет и, возможность, приобретение ею способности самостоятельно производить это оружие представляют собой серьезный вызов для Израиля. Пока нет оснований для алармистских прогнозов в сфере нера-

спространения. В то же время среди возможных сценариев есть негативный: кризис вокруг Ирана не удастся разрешить, против него совершается военная акция, Тегеран производит ядерное оружие, что подталкивает к этому решению другие страны региона. Вполне вероятным является более позитивная перспектива — удержание Тегерана «у ядерной черты»: он не отказывается от программы приобретения возможности максимально быстрого создания ядерного оружия в случае необходимости, но по-прежнему не принимает об этом политического решения. С таким Ираном страны региона и глобальные игроки будут жить, не исключено, что и некоторые региональные державы захотят последовать его примеру. Шансы на создание даже на Ближнем Востоке даже к 2020 г. зоны, свободной от ядерного оружия, или продвижение в «глобальному нулю» пока остаются незначительными.

Неарабские державы, которые пока считают себя победителями в результате событий «арабской весны», продолжают соперничество за влияние. И Израиль, и Турция уже сегодня говорят о своей победе как о «пирровой»: новые угрозы могут свести их на нет.

Сохраняется угроза захвата ядерных материалов террористическими группировками и появления в их руках или у «провалившихся» режимов такого оружия, как «грязная бомба». Сама возможность расширения группы «провалившихся» режимов в итоге процесса «сомализации» далеко не исключена. Список кандидатов на попадание в эту группу помимо тех, которые сегодня находятся «на слуху» может пополниться пока стабильными государствами. Некоторые глобальные и региональные игроки, скорее всего, будут продолжать стремиться к использованию против отдельных режимов таких средств давления, как санкции, включая односторонние, и даже использование военной силы, в том числе ради своекорыстных интересов. Однако в целом время односторонних решений ушло, и даже самые сильные державы вряд ли решатся на подобные действия без мандата международного сообщества (прежде всего, инструменты ООН, которая в среднесрочной перспективе сохраняет свою роль и без реформирования). При этом разногласия между группами глобальных и региональных держав по вопросу о сочетании принципа уважения национального суверенитета и возможности вмешательства во внутренние дела государств-нарушителей общепринятых норм, особенно прав человека, вряд ли смягчатся.

Баланс сил в регионе, видимо, будет и в дальнейшем меняться. Неарабские державы, которые пока считают себя победителями в результате событий «арабской весны», продолжают соперничество за влияние. И Израиль, и Турция уже сегодня говорят о своей победе как о «пирровой»: новые угрозы могут свести их на нет. Иран, который сначала рассматривал себя также как одного из победителей, сегодня крайне обеспокоен развитием ситуации в Сирии и возможными последствиями обострения сирийского кризиса для Ливана и Ирака.

Не исключено, что в результате дестабилизации ситуации в регионе в среднесрочной перспективе могут обостриться межгосударственные, этнополитические и этноконфессиональные конфликты, развитие обстановки приведет к перекройке границ или появлению неких новых образований. Однако появление нового халифата региону все же не грозит.

Вызовы и возможности для России

Рассмотренные турбулентные события в арабском мире обернулись одновременно и выигрышем, и проигрышем. С одной стороны, Россия показала, что является одним из ключевых акторов, способных оказывать влияние не только на решения международного сообщества по самым сложным проблемам региона, но и на саму ситуацию в регионе.

В краткосрочной и даже среднесрочной перспективах будет идти непростой процесс установления контактов Москвы с «новыми» политическими силами, прежде всего исламистскими организациями, а также группировками либерального толка.

Сильным моментом для России было то, что по целому ряду важнейших проблем она выступала вместе с Китаем, а также в меньшей степени с другими партнерами по БРИКС и по ШОС. С другой стороны, Россия в результате падения отдельных режимов потеряла ряд контрактов, а из-за последовательного проведения своего курса в отношении сирийского кризиса вызвала критическое или даже враждебное отношение к себе со стороны целого ряда правительств и важных секторов общественного мнения, выступавших за внешнее вмешательство на стороне оппозиции. России придется преодолевать эти издержки, не отказываясь от заявленных принципиальных позиций, резкий отход от которых вряд был бы разумен. Видимо, в краткосрочной и даже среднесрочной перспективах будет идти непростой процесс установления контактов Москвы с «новыми» политическими силами, прежде всего исламистскими организациями, а также группировками либерального толка. При этом практически все ближневосточные правительства будут в той или иной мере заинтересованы в развитии отношений с Россией как с влиятельной глобальной державой. Они будут испытывать острую потребность диверсификации своих внешних связей. Что касается Турции, отношения России с которой вышли на уровень теснейшей взаимозависимости, то разногласия по ситуации в Сирии вряд смогут серьезно ухудшить состояние этих отношений.

Принадлежность части населения России к мусульманской конфессии одновременно и создает окно возможностей для укрепления отношений России с исламским миром, в том числе государствами Ближнего Востока, и предопределяет серьезность новых угроз, проистекающих от резкого усиления позиций исламистов. Возможность активизации дестабилизирующей деятельности организаций салафитов и «Братьев-мусульман» в мусульманских регионах России, а также в государствах Центральной Азии, будет, как минимум, в краткосрочной перспективе влиять на политику России в отношении ближневосточных партнеров. Что же касается экономического сотрудничества со странами региона, то можно предположить следующее.

Нефтегазовый сектор. Сохранение позиций нефтеэкспортирующих стран Ближнего Востока и России в качестве крупнейших поставщиков нефти и газа на мировом рынке требует координации их действий в области ценовой политики. В меньшей степени возможна реализация совместных инвестиционных проектов в этой сфере, поскольку партнерами России и стран Ближнего Востока чаще выступают западные фирмы, имеющие технологические возможности для ведения геологической разведки и добычи в сложных условиях.

Россия теряет возможность экспортировать газ в Израиль. В результате открытий, сделанных с 2009 г. по настоящий момент, ситуация в сфере энергетики на Ближнем Востоке претерпела значительные изменения. Израиль из страны-импортера энергоресурсов в скором времени (2016–2017 гг.) может стать их чистым экспортером. В результате сделанных открытий общий объем доказанных месторождений природного газа в Израиле по состоянию на лето 2011 г. Составил приблизительно 720 млрд м³.

Иран можно считать потенциальным конкурентом России на рынке газа. Обладая вторыми в мире запасами природного газа, он остается его нетто-импортером и пока только стремится к тому, чтобы стать крупным экспортером, но этому мешают энергетические санкции.

Военно-техническое сотрудничество и инфраструктурные проекты. В этой сфере возможности России будут, скорее всего, сокращаться в силу технологического отставания ее промышленности и роста международной конкуренции в этих областях.

Сельское хозяйство. При всех сценариях развития региона Россия будет иметь в нем потенциально растущий рынок для своей сельскохозяйственной продукции, в первую очередь, зерна. В настоящее время основным направлением российского зернового экспорта является Ближний Восток и Северная Африка, и экспорт в этот регион имеет потенциал роста. Здесь возможен как товарный экспорт, так и производственное сотрудничество. Развитие животноводства в перспективе может расширить российский экспорт. Производственное сотрудничество возможно в форме привлечения инвестиций из стран Ближнего Востока в российские проекты с ориентацией этих проектов на экспорт. Увеличения экспорта потребует расширения пропускной способности железных дорог и морских портов, и эти области также могут стать объектами инвестиционного сотрудничества.

Международная миграция населения. Демографическое давление в регионе порождает эмиграционный потенциал, часть которого может направиться в Россию и страны СНГ. Такого рода миграционный поток может иметь как негативное воздействие на Россию в случае, если эмигрировать будут представители маргинальной части местных обществ, так и позитивное, если частным российским фирмам и государству удастся наладить поток относительно квалифицированной рабочей силы, например, для занятости в сельском хозяйстве.

Взаимные инвестиции. В обозримой перспективе возможно привлечение арабских капиталовложений в российскую экономику. Для того, чтобы стимулировать крупных арабских инвесторов вкладывать средства в российские проекты, требуется дальнейшее совершенствование законодательства Российской Федерации в направлении защиты прав собственников (как национальных, так и зарубежных) и иностранных инвестиций, а также правоприменительной практики. России следует обратить внимание на кредитные организации и финансовые учреждения арабских нефтедобывающих государств, которые осуществляют финансирование крупных проектов развития в разных частях мира. При этом российские компании уже работают во многих странах региона, а российские инвесторы вкладываются в недвижимость в ряде стран (так, в недвижимость в ОАЭ ими вложено около 15 млрд долл.).

Редакция приглашает к сотрудничеству политиков, экспертов и читателей, которые разделяют цели и задачи журнала и полагают, что их материалы могли бы внести вклад в формирование у российской и зарубежной аудитории объективного, реалистичного представления о современном Иране, его внутренней и внешней политике.

Более подробно об условиях сотрудничества смотрите на сайте журнала www.siran.ru. Ждем Ваших авторских статей по адресу info@siran.ru

